

варвара оськина
Большие
Надежды

18+

Варвара Оськина

Большие Надежды

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69941908

SelfPub; 2024

Аннотация

Добро пожаловать в Город, где евгеника давно стала наукой, люди добровольно утратили человечность, а смерть – самое настоящее милосердие. Здесь сострадание – это проклятие, каждому предопределено своё место, и жизнь под тенью Щита длится столько, сколько отвёл Великий Канцеляриат. Но что случится, если однажды кто-то захочет всё изменить? Что, если доктрина даст крошечный сбой? Флоранс Мэй, будь осторожна! Артур Хант, помни – Город превыше всего!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	34
Глава 3	93
Глава 4	156
Конец ознакомительного фрагмента.	219

Варвара Оськина

Большие Надежды

Глава 1

Одиночество – страшное чувство. Оно одновременно и испуг, и тоска, и опустошение, и нервное ожидание, которое больше похоже на плохое предчувствие. Когда приходит одиночество, нервно переплетаются пальцы, а взгляд шарит по сторонам в поисках кого-то... чего-то. И если подождать, то можно почувствовать, как начинают ныть кости, – это мозг просит о помощи, боясь захлебнуться в порождённых им ощущениях. Одиночество – это страх, ненужность и, в конце концов, злоба, которая толкает нас на самые страшные преступления.

Наш Город был создан, чтобы сбежать от этого чувства. Построенный на остатках бывшего могущества, он стал убежищем, основой существования и, конечно, ловушкой. Ведь без Города не будет и нас. И в этой клетке мы начали выживать, учились не чувствовать и не сострадать, учились умирать во имя жизни, и жить ради будущей смерти. А потому не заметили, как идея стала доктриной в руках человека, которого я имела несчастье любить.

Дневник Руфь Мессерер

Мерзкий дождь бил по маске, закрывавшей лицо, так сильно и точно, словно хотел стать шрапнелью. Артур Хант чуть повернул голову, вопреки правилам отводя взгляд от заключённой, и оглядел собравшуюся толпу. Люди молчали. Они стояли ровными группами и все, как один, осуждающе смотрели на возвышавшийся в центре площадки помост, что служил продолжением одного из «зубцов» огромной, прятанной в облаках Башни. Никто не шевелился, не пробовал отереть мокрое от дождя лицо или поправить сползавший с головы капюшон. И в этой тишине общественного порицания шум падавших капель, которые дробью отскакивали от плащей, мостовой и прозрачного куба со смертницей, казался до того громким, что то и дело заглушал собой гул Щита. От этого становилось немного тревожно, но страх для главы Карательной службы стал давным-давно чем-то привычным. В конце концов, чем отличается страх наказания или ошибки от страха подохнуть прямо сейчас? Ничем. Хотя бы потому, что за каждый проступок ему и так была положена смерть, которую он, разумеется, обязан встретить со всей данной ему благодарностью. Ибо его жизнь ничто. Жизнь Города – всё!

Едва заметно передёрнув плечами, Хант скрестил за спиной руки и принял позу «Спокойствие». В голове невольно всплыли строчки из кодекса:

«Встречай опасность с той же уверенностью, с какой

смотрит на тебя Великий Суприм. С открытым лицом и безоружный».

Захотелось хмыкнуть, но Хант сдержался. Тезис про «открытое лицо», очевидно, добавили исключительно ради метафоры, а не из практичности. В условиях Города маска порой была необходимым условием выживания, а уж за Щитом и подавно. Кому хочется захлебнуться собственной кровью из опалённых Бурями лёгких?

Впрочем, сегодня здесь было слишком сыро, а потому безопасно. От разлетавшихся вокруг мелких брызг воздух стал таким влажным, что это чувствовалось даже за респиратором маски, а набухший от воды ворот чёрного кителя с каждой минутой всё невыносимее натирал шею. Кажется, проклятый дождь оседал даже в лёгких, вызывая желание откашляться, но глава Карательной службы не мог позволить себе такой вольности. Не сегодня. Не в этот момент. Поэтому он терпел, зная, что другой погоды в Городе, в общем-то, никогда не бывало. Это там, за пределами Щита, можно иногда увидеть фиолетовое солнце или кусок зеленоватого неба, в Городе же из-за перерабатывающих углекислый газ станций всегда было облачно. И холодно. Здесь вообще существовало лишь два времени года – мокрая зябкая дрянь и ледяной дождь. Утром на календаре значилась «дрянь».

Хант снова скользнул взглядом по собравшимся сегодня на площади. На фоне их тёмных от влаги фигур было видно, как, повинувшись налетавшему со стороны Щита ветру, дождь

густыми полосами ложился на мощённую плитами площадь. И это, пожалуй, было единственным доступным сейчас развлечением. Обычно казнь проходила во внутреннем дворе Башне, в тени массивного здания, но эту должны были видеть все жители. В назидание и, разумеется, для проверки. Те, кто не влез на площадь, будут смотреть трансляцию на больших экранах и внимать речи Суприма прямо на улицах, пока их методично будут сканировать отряды народной полиции и, разумеется, его личных Карателей. Артура Ханта учили не верить, и он, конечно, не верил. Никому. Поэтому сегодня он мог скупой порадоваться громоздкости форменного обмундирования, которое полагалось надевать на такие мероприятия. Маска позволяла незаметно рассмотреть нужных людей, а большой плащ прекрасно скрывал нюансы движений. И поскольку Ханту было скучно, нудно и давным-давно не интересно, он позволил себе немислимую вольность пошевелиться. Правая рука Верховного Канцлера поглубже натянул капюшон и внимательнее взгляделся в первый ряд, который контрастно выделялся серым цветом плащей.

В голове билась одинокая, но оттого яркая мысль: «Кто?» Кто будет следующим? Есть ли кто-то ещё? И, если есть, то где *он*? Хант шарил взглядом по шеренгам людей, выискивая малейший намёк, что у предателя были сообщники, но никто не повернул головы и не отвёл взгляд. И в их глазах было только презрение и яркая ненависть к стоявшей в стек-

лянном кубе фигуре. Ничего лишнего. Артур поджал губы и медленно выдохнул.

О том, что в мягком брюхе Канцеляриата завёлся предатель, он понял где-то полгода назад. Сначала случайности сложились в подозрительные совпадения, а те, в свою очередь, в дорожку закономерностей, по которой глава Карательной службы крался долго и тщательно, пока не наткнулся на сопротивление. Хант не был наивным и, конечно же, знал, что в любом замкнутом обществе всегда найдётся парочка тех, кто возомнит себя новой властью. Тот, кто захочет перечеркнуть и обесценить то, что создавалось трудом, кровью и ценой жизни, не дав взамен ничего, кроме хаоса и беспорядка. Верховный Канцлер тактично именовал их вредителями. Хант был прямолинейней и открыто называл выродками. И, по сути, они ими и были. Бракованный материал эволюции, который следовало найти и уничтожить до того, как он пустит корни... расплодится. Хант ненавидел их, и, судя по всему, это было весьма взаимно. По крайней мере, оставленные на железных пластинах Щита надписи оказались довольно доходчивыми.

Собственно, пойманный предатель должен был заниматься именно этим – выявлять выродков и уничтожать их ещё в зародыше. Но вместо этого помогал ублюдкам появиться на свет, и Хант этого не понимал... не находил ни одной причины, зачем спасать тех, кто заранее обречён эволюцией. Они ведь не просто ущербны. Эти люди опасны.

Хант бросил взгляд на спокойно стоявшую в Кубе женщину и скрипнул зубами, пока в памяти строчка за строчкой всплывало её досье. *Руфь Мессерер. Пятьдесят лет, вдова. Обучалась при интернате Суприма и подавала большие надежды. Десять лет руководила службой Регулирования Единообразия Населения. Генетического продолжения не имеет. Стерильна.* Всё. На этом и без того скупое описание резко обрывалось, давая оскорбительно насмешливый намёк, что самое интересное было давным-давно уничтожено. Кем? Хант не знал, но определённо сделает всё, чтобы найти всех причастных.

Вообще, в том, как глупо попалась Мессерер, чувствовался настолько откровенный подвох, что Хант был готов взвыть от бессилия. Ей было пятьдесят. Ещё один год, и эта женщина получила бы почётную «инъекцию Милосердия», после чего о ней можно было забыть. Но нет! Она позволила себя поймать, и ему только предстояло понять – зачем.

От вспыхнувшего в крови бешенства Хант сжал затянутые в перчатки кулаки, но тут на плечо опустилась чужая рука, и послышался голос:

– Не спеши, Артур. Ты же не хочешь разочаровать Суприма своим беспокойством? – Великий Канцлер говорил шутливо, но его сухие старческие пальцы сдавили броню на плече Ханта с удивительной силой, недвусмысленно приказывая взять себя в руки. – Ты удостоен великой чести...

– Быть палачом.

– Быть рукой правосудия. Закон – путь к единству. Гармонии. И ты его верный страж.

– Не лучше бы мне охранять его там? – Хант кивнул в сторону толпы, но послушно принял положенную позу. Он скрестил за спиной руки и расправил широкие плечи, вынудив Канцлера отступить. – Мы не знаем, были ли у Мессерер сообщники. Они могут прийти сегодня и попытаться...

– Остановить тебя? – перебил Канцлер, и в его вопросе явно слышалась улыбка. Он был наставником Ханта с раннего детства, и прекрасно знал, что представляет из себя его подопечный. – Мой дорогой Артур, это нелепо.

– Разве?

– Абсолютно. Тебя боятся, и это лучший гарант их бездействия. Они ждут, что ты будешь искать их, но это логика примитивных. Тебе нужно больше.

– Страх?

– Да. И ненависти.

– Кхм...

– Страх и ненависть идут рука об руку у людей ограниченных, у тех, кто вследствие ошибки природы лишён беспристрастности, а значит, зависим. Мессерер думала, что делает их сильнее, но, на самом деле, только ослабила. Так что где-то среди этих людей стоят те, кто прямо сейчас тонут в своих страстях и эмоциях. Они ждут. Они копят свою общую боль. И однажды её будет столько, что та вплетётся в узор из их слов и поступков. Точно цепь, она свяжет этих людей по

рукам и ногам, а страх и ненависть, порождённая страхом, заставят сделать ошибку. И вот тогда, они будут твои. Все. До одного.

Последние слова Канцлер прошептал едва слышно, но Хант понял. Он повернулся к прозрачному кубу, в котором по-прежнему в ожидании своей участи стояла Руфь Мессерер, и в этот самый момент ощутил на себе чей-то взгляд. Не злой, не отчаянный, но обещавший исключительное наслаждение в попытке найти его хозяина. Это будет хорошая игра. И в предвкушении отличной охоты Хант почувствовал, как его рот растянулся в хищной улыбке. Да, он знал, что никогда не отличался терпением, но теперь был готов ждать сколько потребуется. Приз стоил того.

Флор стояла не шевелясь и смотрела в одну точку. Она не могла отвернуться, не могла отвести взгляд, не имела права даже зажмуриться, обязанная, как и все здесь, смотреть казнь от начала и до конца. С неба капал надоевший до смерти дождь и остервенело барабанил по крышам, людям и площади, но Флор не слышала. Вернее, разумеется, он вплетался в какофонию звуков, но не больше, чем треск отсыревших под дождём проводов и шум дыхания собравшейся перед эшафотом толпы. Фон. Нечто неважное и несущественное, потому что главным всегда был проклятый Щит. Утром, днём, вечером, вместо еды и с едой, во сне, в рождении, в смерти. Щит сопровождал их всю жизнь, и было нечто за-

бавное, что стоило один раз осознать этот звук, как его нельзя уже было не слышать. Он проникал в разговоры, вынуждая повышать голос до этой вибрирующей частоты; от него на окраинах Города мелко звенела посуда; даже сердце со временем начинало биться с ним в такт. Флор знала, что он сводил с ума чаще, чем любые лекарства, опыты или бесконечное ощущение обречённости, которым были пропитаны стены их Города. Те самые, с которых за двадцать лет, что прошли с той трагедии, так и не смыли ни копоты, ни следов жёлтой краски, которой были отмечены выжженные квартиры сепаратистов. Где-то там была и квартира её родителей. Флор не знала, где именно. Детям изменников обычно не сообщают подобных подробностей, и ей следовало быть благодарной, что она вообще выжила.

Живорождённая. Таким здесь не место. Низший сорт, который, по мнению Канцеляриата, был слишком опасен и годился лишь для биореакторов. И никто так и не понял, в какой же момент высокая цель идеальной селекции стала вдруг оправданием для чисток и убийств и без того редких живорождённых. Люди давно потеряли способность к естественному размножению, а теперь подобные Флор вовсе стали изгоями. Говорили, что это для безопасности. Ха! Будто бы это не служило причиной для любого безумия Канцлера. *«Город превыше всего!»* – было выбито на каменных плитах, которыми замостили все улицы, и Флор едва слышно хмыкнула, стараясь, чтобы жужжавшие в воздухе «глаза Канцле-

ра» её не заметили. Соглядатаи. Помещённые в защитные сферы крошечные камеры, что помогали Городу следить за людьми. Связанные с его искусственным разумом, они были надсмотрщиками похуже Карателей. Вот и сейчас Флор ожидала облавы, которые неизбежно начнутся после сегодняшней казни.

За эти пять дней, что прошли с момента ареста, она успела несколько раз впасть в отчаяние, поймать кураж и, наконец, просто смириться. Принять чужой выбор непросто, а уж если он вовлекает судьбы десятков людей и твою собственную... Нельзя быть готовым к подобной ответственности, но Руфь почему-то была уверена, что они справятся. Её внутренняя убеждённость была такой сильной, что смогла взрастить веру в сердцах всего их небольшого сопротивления. Это нервировало, ошибиться было до ужаса страшно.

Никто не признавался, но Флор знала, что ни один из них не представлял, как будет жить дальше и нести бремя вины. В конце концов, Руфь была лучшей из них, и Флор не представляла, кто сможет её заменить. Как вообще это возможно. Ведь это совершенно бессмысленно, потому что символом была, есть и будет одна только Руфь...

Взгляд скользнул по серой тунике, которую нацепили на Мессерер, и думать о том, что осталось скрыто под ней, было тошно. Они знали, что такое Отдел Благонадёжности Граждан. В Городе это место иногда называли Чистилищем, которым распоряжалась служба Карателей, и оно в точности

олицетворяло всё, что Флор ненавидела в системе и в людях. Расчётливость, жестокость, бездушие. Было доподлинно неизвестно, что именно происходило с теми, кто туда попадал, но нормальными их назвать уже было нельзя. Да и рассказать бедолаги уже не могли, — Канцеляриат надёжно хранил свои тайны за сожжёнными языками и перебитыми пальцами. Но главным злом были вовсе не палачи на допросах, а тот единственный, кто выслеживал, подстерегал и отдавал тот самый приказ.

Флор невольно скосила глаза. После стольких лет у неё мастерски получалось маскировать свои взгляды, но рядом с главным Карателем лучше было не рисковать. Так что, опасаясь быть пойманной, она осторожно посмотрела на высокую фигуру в чёрном форменном одеянии, что так контрастно выделялось среди серых роб на помосте, и медленно выдохнула. Этот человек был самой сложной и безумной деталью их плана. Обмануть его просто не выйдет, а потому, если у них не получится, то это значит конец... Каждый в Городе знал, что Артур Хант убивает быстрее, чем думает и за меньшее прегрешение, а уж если у него под носом найдётся сепаратист! Флор ещё чуть-чуть повернула голову, внимательнее вглядываясь в блестящую чёрную маску, по которой стекали капли дождя, и едва сдержалась, чтобы не передёрнуть плечами. Черепоподобные контуры с блестящими свинцовыми вставками вызывали приступ тошноты, а сам главный Каратель — бессвязный ужас.

Если быть честной, где-то в глубине души Флор не верила, что он им поможет. Всем своим скудным умишком не могла представить, с чего вдруг в самом жестоком мече Канцеляриата проснётся хоть капелька человечности. Это смешно! Она так и сказала однажды Руфь. Артур Хант – это безнадёжный продукт системы, синтетически выведенный, отобранный среди лучших, венец генной инженерии, где нет места ошибке. Каждая молекула в его ДНК была тщательно просчитана сотней искусственных интеллектов, прежде чем робот соединил две идеальные клетки. Он ведь даже не человек, а так... гуманоид. Будущее, которое уже наступило. И оно отвратительно. На это Руфь лишь улыбнулась и почему-то попросила оставаться собой. Бред! Может, они все сошли с ума? Потому что затевать переворот и убеждать Ханта перейти на их сторону – чистое сумасшествие. С чего бы ему это делать?

Флор едва заметно презрительно дёрнула верхней губой, и в этот момент, словно почувствовав, а может, заметив это движение сквозь визоры маски, Хант поднял голову. Он прервал разговор с Великим Канцлером, медленно расправил огромные плечи, которые из-за защитных пластин казались непропорционально большими, и повернул голову, уставившись точно туда, где стояла под дождём Флор. Дерьмо. В глазах потемнело, когда она ощутила, как скользнул по лицу тяжёлый буравящий взгляд, но продолжила упрямо смотреть в сторону Стеклянного Куба. Хант же, оглядев всех вокруг,

вернулся было обратно к изучению Флор, но тут большие двери Башни открылись, и на помост вышла Служба Исполнения Приговора.

Их было шестеро. В красных робах цвета свернувшейся крови, что казалось символичным на грани пошлости, и с выбритыми головами, от которых, словно от шариков, отскакивали капли дождя, они выстроились вокруг куба со штандартом Суприма в руках. А следом за ними шёл сам Великий Суприм – глас Города, его сердце. Человек, связанный с искусственным разумом окружавших их стен так тесно, что, наверное, уже почти не был живым существом. Флор слышала лязг, с которым его протезы ступали по каменным плитам, видела кипенно белую мантию. Суприм шёл тяжело и очень медленно, пока не остановился слева от Стеклянного Куба и ровно напротив главных ворот Башни. Чиркнув последний раз железным протезом, отчего с тихим шипением осыпался веер огненных брызг, он замер, а потом из-под белоснежного балахона показалась обтянутая кожей рука. Длинными и кривыми, похожими на когти ногтями она подцепила плотную ткань капюшона, а затем медленно сдёрнула вниз, обнажив провалы глазниц, лысый череп и беззубый рот. А может, это губы так втянулись во внутрь, что образовали похожую на прорезь щель в высохшей на костях коже.

– Начинайте, – проскрипел Суприм, и это было так странно.

В обычные дни такого официоза не требовалось, Флор во-

обще не могла вспомнить, чтобы ради кого-то на улицах и площадях собрали весь Город. Но проклятый Канцеляриат понимал, кто попал им в руки, и хотел провести наглядную демонстрацию для устрашения, ну и усвоения базовых правил существования. Всех, кто был не согласен, с удовольствием ждали на дозу инъекции, а потом в крематории.

Так что эта казнь должна была стать очередным наглядным уроком, на который Флор очень не хотела смотреть. Она отдала бы всё на свете, чтобы оказаться сейчас в родных Теплицах или, на худой конец, в старой квартире. Даже гул от Щита больше не давил на уши, когда из серой массы вышел и замер перед кубом сам Канцлер. Позади него, словно гигантская тень, остановился глава службы Карателей.

Это смотрелось чрезмерно картинно – высокий тощий старик, с золотой цепью Канцлера, и его ручной пёс. Но толпа, повинувшись давно вышколенной привычке, синхронно склонила головы, и Флор вместе с ними. Смотреть на Канцлера или осуждённого вовремя оглашения приговора было запрещено. Прямо сейчас им всем следовало слушать и, не отвлекаясь на посторонние мелочи, полностью проникнуться тяжестью преступления и суровостью наказания. Послышался треск чуть сбоившей от дождя и электромагнитных помех техники, а потом по площади и каждой улочке Города, из всех динамиков и экранов донёсся визгливый голос.

– Руководствуясь установленным Супримом законом и исходя из собранных доказательств Канцеляриат принял ре-

шение. — Флор закусила губу, вслушиваясь в дыхание окружающих и не слыша его. Это и правда конец... — За несанкционированные манипуляции с биологическим материалом, которые привели к сокрытию бракованного генома, обвиняемая признана виновной в создании угрозы безопасности Города и, как следствие, в измене. А потому, во избежание дальнейших провокаций и в качестве наказания за содеянное мы отказываем в праве на «инъекцию Милосердия» продукту генетической службы под номером 3251, носящему имя Руфь Мессерер, и приговариваем его к публичной смертной казни. Так же Канцеляриат заочно приговаривает к немедленной казни все двадцать пять обнаруженных дефектных граждан и объявляет их в бессрочный розыск. Приговор вступает в силу немедленно, его исполнение возлагается на Карательную службу. Да здравствует Суприм! Город превыше всего!

— Город превыше всего! — немедленно откликнулся вокруг Флор стройный хор голосов, и она вместе с ними.

Двадцать пять. И в сердце так больно кольнуло, что на мгновение стало трудно дышать. Двадцать пять... Невероятно. Флор знала их всех. Была дружна с половиной, с некоторыми не раз совершала вылазки за пределы Щита, а двое были так же близки ей, как брат и сестра, которых у Флор никогда не было. И их всех, включая двухлетнего Джона, только что приказали убить. Это было... Ладно, это было неожиданно. Руфь предполагала, что однажды их вычислят, но не

так скоро. Неповоротливый организм Канцеляриата впервые превзошёл сам себя и отработал так чётко, будто давно этого ждал или... знал?! Свой ответ Флор нашла в глазах повернувшейся Мессерер, и их взгляды встретились всего на долю секунды, но этого было достаточно. Значит, Канцлер действительно знал. Оставался лишь один вопрос – было ли там её имя. Было ли имя Флоранс Мэй в списках людей с проснувшимся состраданием.

Внутри заворочался страх. И он был такой силы, что Флор едва заметила, как открылась грань Стеклянного Куба, и внутрь вошёл один из Карателей. Можно было даже не сомневаться, кто будет выбран на роль палача. Ради всего святого, Великий Канцлер слишком давно метил в кресло Суприма и, конечно, готовил замену. Ещё более жестокую, ещё более безжалостную, ещё более бесчеловечную, чем он сам. Поэтому, когда Артур Хант замер позади своей жертвы, что на фоне его облачённой в доспехи фигуры казалась почти игрушечно маленькой, Флор едва не трясло. Она не сводила взгляда с лица Мессерер, которая почему-то вдруг улыбнулась, когда ей на плечо легла мужская рука в чёрной перчатке. И только выдрессированная годами привычка стоять ровно помогла не дёрнуться прочь, когда на стекло брызнула кровь.

Не было ни блеска клинка, ни крика, ни звука. Просто вот Руфь стояла, а вот её тело распластано под ногами Карателя, который, словно ничего не случилось, вытер о серую робу

уже мёртвой женщины чёрное лезвие и спокойно направился прочь. Задание выполнено, и он не испытывал ни малейшего сожаления. Ну а Флор, застыв, не могла отвести взгляд от Мессерер. Она видела, как медленно растекается внутри Куба кровь, и как липнут к дощатому полу намокшие волосы. И эти глупые детали почему-то сильно бросались в глаза. Видимо, разум был достаточно милосерден, чтобы образами попытаться отвлечь от впервые вспыхнувших в нём сомнений. И глядя в спину спокойно удалявшегося Ханта, ошалевшая Флор вдруг честно задумалась: так может, не сочувствовать, не сострадать, не сожалеть — это и правда благо? Что будет правильно равнодушно принимать смерть, как должное? Что, если Руфь ошиблась, и они все обречены? Потому что видеть смерть близкого, почти родного человека оказалось настолько больно, что Флор была к этому не готова. Она хотела кричать, плакать, разбить вдребезги проклятый Куб, но...

Мелко дрожавшие пальцы едва ощутимо сжала чья-то холодная ладонь. Прикосновение вышло очень мимолётным, но оно словно встряхнуло потерявшуюся в своих страхах Флор. Она осторожно посмотрела вниз и встретила взглядом с незнакомым маленьким мальчиком. И его взгляд, как и минутой раньше, рассказал всё. Флор осторожно сжала детские пальцы в ответ.

Она снова посмотрела на помост, но теперь совершенно спокойно. Флор не сомневалась, что Хант будет искать их.

Перевернёт проклятый Город, заглянет под каждый камень, проверит все дыры, канавы и сточные воды, в попытке добраться до сообщников Мессерер. И, конечно, найдёт. Но они должны успеть первыми.

Наверху главной городской Башни, почти под самыми небесами и лишь на один этаж ниже личной Оранжереи Суприма, находились апартаменты Верховного Канцлера. Они располагались выше серо-зелёной пелены облаков, где не было ничего, кроме тусклого неба и холодного Солнца, чьи лучи за желтоватыми просвинцованными стёклами ощущались на коже едва заметным теплом. По меркам Города, окна в Башне были огромны, но всё равно пропускали так мало света, что в небольшом кабинете всегда царил полумрак. Он оседал сизой тенью на пустых, без единого украшения стенах, забивался в щели и делал без того небольшую комнату ещё меньше.

Впрочем, Артуру Ханту, который стоял, прислонившись к одному из книжных шкафов, не было до этого дела. За последние несколько лет он выучил здесь каждый дюйм и, наверное, смог бы сориентироваться даже ослепнув. С громким парным щелчком отстегнув маску, он с наслаждением стащил надоевший шлем и тряхнул головой в попытке хоть как-то привести в порядок спутавшиеся волосы. Но те лишь вяло колыхнулись в ответ, так что Ханту пришлось их взлохматить рукой.

– Бесполезно, – донеслось из глубины кабинета, очевидно, подразумевая глупость подобных потуг.

Канцлер сидел за столом и сосредоточенно что-то читал. Он хмурился и то перекидывал пару бумаг из одной стопки в другую, то потом возвращал, что-то черкал, хмурился ещё сильнее, а потом всё же оторвал взгляд от документов. Какое-то время его маленькие глазки внимательно изучали замершего у стены Ханта, который с наигранным интересом разглядывал свою страшную маску, но затем Канцлер выпрямился, откинулся на спинку кресла, и его тяжёлая мантия вспыхнула в фиолетово-алых лучах заходящего солнца искрами золотого шитья.

– Будь добр, в следующий раз оставь своё недовольство за порогом или не приходи вовсе, – процедил он.

– Я молчал, – хмыкнул Хант и пожал плечами. Однако в этот раз лёгкая дерзость вызвала не улыбку на губах Канцлера, а раздражение.

– Слишком *громко*. В твоём положении это следует делать потише.

– Вот как? – Хант выпрямился и в два больших шага достиг стола Канцлера, громыхнув по нему маской. Свинцовые грани, что походили на контуры черепа, вспыхнули жёлто-фиолетовым переливом, придав шлему ещё более отвратительный вид. – А каково моё положение?

– Мне казалось, эта тема на сегодня закрыта. Я ошибся? – Канцлер поднял в наигранном недоумении брови, но Хант

видел, как стянулись в едва заметную нить и без того постарчески тонкие губы.

– Считаю, что обсуждения были недостаточными. Хотелось бы уточнить.

– Зачем?

– Чтобы в следующий раз быть готовым...

– А ты был не готов? – перебил Канцлер. Он бросил на Ханта насмешливый взгляд, а затем вернулся к бумагам. – Что же, тогда следует поднять вопрос о твоей компетентности.

Артур длинно выдохнул, пытаясь усмирить вызванный пренебрежительным тоном гнев, выпрямился и сцепил за спиной руки. Спокойствие.

– Моя работа требует осторожности. Если я начну направо и налево отрезать головы каждому провинившемуся, то...

– Разве ты не делаешь именно так во время своих патрулей? Разве кто-то из твоих людей поступает иначе? Десять пойманных нарушителей в этом месяце, и среди них ни одного, кто дожил бы до камеры. К чему это двуличие, Хант?

– Я цербер, а не палач!

– Ты будешь тем, кем я скажу! – неожиданно заорал Канцлер, и швырнул на стол очередной документ. – Цербером, палачом, пресмыкающимся или никем! Я здесь решаю. А ты, всего лишь высшее звено в службе Исполнения приговора, и будь добр, вспомни об этом в следующий раз, когда решишь отнять моё время!

Канцлер замолчал, какое-то время сверлил взглядом застывшего Ханта, а потом поднялся и подошёл к окну, за которым уже темнело мутно-красное небо. Повисла тишина, нарушаемая лишь гулом преобразователя воздуха, а потом послышался вздох.

– Вот поэтому я до сих пор не ввёл тебя в совет Канцеляриата. Ты слишком молод, импульсивен. Со временем твоя горячность перейдёт в ценную способность быстро принимать самые сложные решения, но пока рано. И потому ты обязан следовать мне, и букве закона, которую я несу.

Голос Канцлера был тих, а сам он не отрывал взгляда от поднимавшейся вдалеке Бури. Она стеной вставала меж Городом и садившимся солнцем, искажая и без того неестественный свет до оттенков какой-то неведомой грязи, а потом длинно взывала сирена. Канцлер повернулся.

– Объяснись, чем я обязан этой... пубертатной выходке?

Хант на мгновение стиснул в кулак сцепленные за спиной руки, но промолчал.

– Артур? Я разрешаю тебе говорить.

– На площади я почувствовал взгляд.

– Вот как? – кажется, Канцлер был удивлён, но не сильно. – Значит, наши крыски лично пришли посмотреть.

– Мало того, они были где-то в первых рядах.

– Похвальная смелость, – хохотнул Канцлер. – Но я по-прежнему не вижу оснований для твоих истерик.

Ханту потребовалось несколько секунд, чтобы молча про-

глотить оскорбление и не сорваться. Он дотронулся до своей маски, провёл пальцем по свинцовому контуру около визоров и зло щёлкнул по респиратору. Но это было единственное, что Хант себе позволил. Наконец, он проговорил:

– Они не будут ждать и копить злость, как вы считали, наставник. В них нет ни страха, ни сомнений. Взгляд, который я ощутил, скорее, говорил об интересе, чем о... – Хант махнул рукой в попытке подобрать нужное слово. – Это было любопытство, Канцлер. Холодное. Расчётливое. В их головах есть чёткий план, которой им предстоит воплотить. И сегодняшней казнью мы не смутили их, а всего лишь внесли несколько коррективов. Теперь за мной будут следить, и это свяжет мне руки. Я не смогу больше легко использовать свои методы.

– Методы? – с насмешкой переспросил Канцлер.

Он снова отвернулся к окну, наблюдая, как вдалеке исчезает сизое небо за тяжело поднимавшимися пластинами Щита. Его слегка ржавое тело постепенно накрывало Город, оставляя единственный зазор для шпиля Башни. Ещё пара часов, и Буря будет неистово бить в окна этого кабинета. Не так сильно, конечно, как близ земли, но достаточно, чтобы нагнать тоску. Свет мигнул, сообщив, что здание перешло на автономные генераторы, и со скрежещущим лязгом Щит замкнулся в усечённую полусферу. Убедившись, что Город под защитой, Канцлер повернулся.

– Так, что там с методами? Ты говоришь об облавах? Или

о бедолагах, вышвырнутых за пределы Щита напрямик перед Бурей? Если ты взялся оспаривать решения Канцлера, будь готов обосновать чем-то получше, чем просто чутьём. Что ты не можешь сделать сейчас, чего делал тогда?

— Я не могу действовать тихо и незаметно. Вся моя агентурная сеть окажется под угрозой, потому что они теперь знают, кто именно будет искать.

— А раньше они, по-твоему, не догадывались?

— Раньше они не знали, что мы ищем сообщников. Теперь эти люди будут готовы и станут вдвойне осторожней. У нас нет ни времени, ни возможности перепроверять генетические карты каждого жителя, чтобы найти тех, кого скрыла Мессерер.

Канцлер задумчиво прищурился, не сводя взгляда с Ханта, а потом опустил в своё кресло. Несколько секунд он разглядывал лежавшую на столе маску, прежде чем открыл один из ящиков стола и достал металлическую банку. Артур знал, что за мазь в ней находится. Искалеченная радиацией кожа требовала особенных мер, но об этом знали немногие. Как и о том, что в своё время Канцлер дважды участвовал в ликвидации последствий падения Щита. И Хант готов был поклясться здоровьем Суприма, что ни один из совета Канцеляриата не входил в число избранных. Жизнь Города превыше всего! Однако, наблюдая, как глава Города втирал белёсого цвета дрянь в огрубевшие, как кора дерева, руки, Хант впервые заметил, насколько Канцлер был уже стар.

А тот сжал пальцы в кулак, проверяя, насколько эластичной стала вновь кожа – шершавая, вся в буграх и застарелых трещинах на сгибах между фалангами.

– Ты думаешь, они знают друг о друге? – спросил он после молчания. – Это не похоже на Мессерер. Весьма опрометчивый шаг, который легко может привести к катастрофе. Упадёт один – рухнут и все остальные.

– Или, наоборот, ещё больше сплотятся. Мне не даёт покоя, как легко мы поймали предателя. Словно, нам нарочно подсунули все улики и заставили действовать так, хочется им.

Канцлер немного помолчал, прежде чем хмыкнул.

– Это всё тебе рассказал один взгляд?

– В нём крылось достаточно, чтобы мои инстинкты срабатывали. Мы зря раскрыли все карты.

Послышалось недовольное цоканье, и Канцлер тяжело поднялся. Подойдя вплотную к Ханту, он положил руку ему на плечо.

– Таково было желание Суприма, и не тебе его оспаривать, Артур.

– Но... – начал было Хант, однако оборвал себя, когда перед лицом замаячил чуть кривой палец Канцлера.

– Не тебе и не сейчас. Дело сделано. Глупо сейчас спорить верным было решение или нет.

Эти слова были сказаны таким тоном, что Ханту оставалось только смириться. И всё равно он какое-то время свер-

лил взглядом невозмутимого Канцлера, прежде чем шумно выдохнул и закатил глаза. Послышался смех.

– Не пытайся меня обмануть, Артур. Я знаю тебя с младенчества. Двадцать пять лет, с тех самых пор, как забрал тебя из Интерната. Как увидел в тебе то, о чём остальным можно только мечтать. Ты совершенный набор генов, Хант, поэтому у тебя нет права на ошибку. Ты должен поймать всех щенков Мессерер и покончить с этой угрозой, не дожидаясь, когда поднимется волна бунтов. Жизнь города превыше всего, а они трещина в нашей защите.

– Почему? Они лишь кучка эмоционально нестабильных граждан. Что в них такого?

Хант бросил внимательный взгляд на наставника, который явно колебался, решая доверить ли главе Карательной службы ценную тайну. Наконец, Великий Канцлер на мгновение поджал губы, почему-то отвёл взгляд и сухо проговорил:

– Мессерер долгое время вела один важный проект.

– Селекция?

– Вроде того, – уклончиво ответил Канцлер. Он пожал тонкие губы, прежде чем заговорил: – Ген сострадания – это мутация, которую мы думали, что искоренили очень давно. Рудимент. Его обнаружили в первые годы, пока ещё строился Город, а куцые остатки человечества прятались в подземельях, пытаясь пережить катастрофу. Они были напуганы и истощены. Но будущий Суприм был дальновиден, он сразу

понял, какую опасность несёт в себе тяга людей к ненужным эмоциям. И тогда генетики взялись за работу. С каждым новым поколением мы выводили расу свободную от бремени совести. Мы так же любим, грустим, дружим, но не сожалеем. Наши чувства поверхностны, позволяя испытать радости жизни, но без побочных эффектов в виде разочарования или тоски. Город просто не мог себе это позволить. Мы рождаемся и умираем по расписанию, съедаем чёткую норму ресурсов, вдыхаем нормированные дозы воздуха. Ни граммом больше, ни кубометром меньше, ни днём дольше, чем это просчитано. От жизни одного зависят жизни тысяч других. И жизнь одного не стоит жизни всех остальных. Таковы правила выживания здесь. Закон. А буква закона должна быть лишена какой-либо страсти или неизбежного сожаления.

– И в чём проблема?

– Мы вырождаемся, Артур. Как бы чисты ни были наши гены, искусственный мир Генетических ферм не может тягаться с естественной эволюцией. Всё, что мы там выращиваем становится только хуже. Поэтому однажды попробовали изменить это.

– Чем вас не устраивают тогда живорождённые?

– Они неконтролируемы. Мы же хотим поместить очищенный от ненужного гена образец в тело матери, создав иллюзию натуральности. – Канцлер махнул рукой. – Естественности, если хочешь.

– Как я вижу, эксперимент не удался, – хмыкнул Хант,

припомнив свой последний визит на Ферму, где генетические образцы ждали своего часа. Естественности и натуральности там точно не наблюдалось.

– Не совсем, – тем временем уклончиво ответил наставник, и Артур заинтересованно поднял бровь. – Возникла проблема. Образцы не приживались. И я подозреваю, что в этом виновата Руфь Мессерер.

– Она занималась этим? – с лёгким недоумённым смешком спросил Хант.

– Она это придумала. Это была сплошная математика, которую Руфь Мессерер, однажды поставила под сомнение и потому была отстранена от проекта.

– Что она сделала?

– Это уже неважно. Мессерер мертва и больше не сможет помешать, – процедил Канцлер. – Теперь меня волнует, чтобы исследования не останавливались. А потому во избежание новых проблем, я хочу, чтобы ты лично контролировал их.

– Но я ничего не смыслю в генетике!

– Значит, найди того, кто сможет, – отрезал наставник. – Только убедись, что это не один из выроdkов Мессерер.

Они замолчали, оба уставившись за окно, в которое начинали бить первые порывы Бури. Где-то внизу, на окраинах Города, прямо сейчас тело Руфь Мессерер растворялось в огромных чанах, чтобы стать удобрением. Смерть здесь определяла жизнь, и даже у предателей был шанс получить

искупление. Вдруг, Канцлер покачал головой.

– У меня будет к тебе ещё одна просьба...

– Я знаю, – перебил Хант. – И мой ответ прежний. Меня полностью устраивает штатная служба... отдыха и Лина.

– Дело не только в этом. Ты слышал, что я сказал. Это необходимая вещь хотя бы для продолжения твоего генетического потенциала. – Канцлер дотронулся до лица Ханта, поворачивая то к свету, и постучал по подбородку. Как раз там, где была ямочка. – Совершенство не знает предела. А твой исходный материал просто превосходен. Осталось найти достойную пару хромосом, а остальное – дело лаборатории...

Канцлер собрался сказать что-то ещё, но в этот момент в дверь постучали.

– Это твои, – вздохнул он и улыбнулся в ответ на скептически поднятую бровь. – Только у этих ребят хватит наглости искать тебя в кабинете Верховного Канцлера.

Хант хмыкнул, а потом рассмеялся.

– Пожалуй, – покачал он головой, в два больших шага пересёк кабинет и распахнул дверь.

Сначала Ханту показалось, что там никого нет, но потом из тени коридора, освещённого лишь аварийными лампами, отлепилась чёрная тень и материализовалась в Юджина Варда. Правая рука Ханта и главный претендент на его пост в будущем был, по обыкновению, бледен, что лишь усиливалось на фоне тёмных одежд, а собранные в аккуратный хвост

светлые волосы и вовсе светились немного потусторонне.

– У нас проблема, – без предисловия начал он, и Хант уже знал, о чём пойдет речь. – Южная окантовка Щита. Датчики засекли движение, а потом и прямой контакт.

Взгляд на площади не соврал, игра началась, и только что был сделан первый ход. Хант ослабился, что, видимо, больше походило на какой-то оскал, потому что Вард непонимающе поднял брови.

– Собирай всех, – вместо ответа бросил Артур. – И проинформируй службу Щита. Полагаю, они до сих пор помнят, кто такой Стивен Джонс. Так дадим им отомстить.

С этими словами он захлопнул дверь и вернулся к столу, чтобы взять шлем. За окном всё ещё мерзко выла сирена, а значит Буря в самом разгаре. Что же, крысы выбрали идеальное время, когда патрулировавшие улицы «глаза Канцлера» были бесполезны из-за работавшего на износ Щита, а возможные свидетели сидели в убежищах по домам. Блестяще. Взяв в руки маску, Хант уже щёлкнул было замками, но ощутил лёгкое прикосновение и оглянулся.

– Не подведи меня.

Наставник смотрел внимательно, словно хотел, подобно токсичной пыли, что сейчас заметала улицы города, просочиться в каждую пору, проникнуть в вены и добраться до сердца своей личной ищейки. Лучшей из лучших. Собственноручно сотворённой. И Хант ответил ему короткой кривой усмешкой.

– Не подведу. – Голос из-под маски прозвучал глухо.

Послышался щелчок замков, и Хант подхватил со спинки стула тяжёлый плащ. Небрежная фраза, брошенная как будто бы невзначай, настигла его, когда он уже взялся за ручку двери. И по её содержанию стало понятно, что Верховный Канцлер специально выбрал этот момент.

– Хант. Когда евгеника получает под собой научную почву, она становится генетикой. Запомни.

На это глава Карательной службы ничего не отвел. Лишь коротко кивнул и вышел за дверь.

Глава 2

Совершенство внутри не означает совершенства снаружи, как не означают совершенное общество создающие его совершенные люди. Подчас именно из неправильностей складывается наиболее прочная структура, которая держится, сцепившись между собой всеми неровностями. Она не даёт частям соскользнуть и распасться.

К сожалению, человек слишком любит приводить всё к общему знаменателю, сглаживать до идеальности, создавать обтекаемость, чтобы получившийся результат возвести в высшую степень и назвать эталоном. Наш максимализм неисчерпаем, как не заканчивается жажда познаний и страсть к улучшениям. Возможно, именно это и привело человечество сначала к катастрофе техногенной, затем телесной, а потом и духовной.

В погоне за идеальностью мы утратили то, что дала нам природа. Словно бактерии, мы теперь размножаемся лишь в стеклянных пробирках, а потом выращиваемся на инкубаторной ферме, потому что большие ни на что не способны. Мы утратили единственный шанс на выживание, решив, что селекция и сегрегация помогут избежать других катастроф, если мы создадим гены идеологически верных людей. Канцеляриат называет это «истинной эволюцией», но, глядя на продукт наших лабораторий, я знаю, что это

провал. Мы деградируем с того самого мига, когда под личиной пользы для Города евгеника получила научную почву. Именно тогда она превратилась в генетику, а учёный стал её палачом.

Я знаю, о чём говорю. Я один из верных рабов этой программы. И я намеренно выращиваю искусственных людей, которые не способны к естественному размножению. Бесчувственных, бессмысленных, бесполезных. Но также я знаю, что обмануть природу практически невозможно, и раз в несколько лет случается сбой. Мы называем их бракованными, но, на самом деле, они самое правильное, что может быть в нашем исковерканном мире. Живорождённые.

Дневник Руфь Мессерер

Лифт спускался удручающе медленно. Из-за перехода на резервные генераторы приходилось экономить доступные мощности, и ни о каком ускорении не могло быть и речи. Поэтому Хант прислонился к стене и приготовился ждать – путь со сто пятого этажа будет небыстрым. В кабине было тихо, только где-то вверху чуть поскрипывали стальные тросы, да едва слышно трещали лампы аварийного освещения. Вдох-выдох. Неожиданно респиратор издал сиплый звук, будто кого-то душили, поток воздуха на мгновение прервался, но затем послушно засвистел дальше. Хант знал, что фильтр давно требовал замены и накопил порядочно радиоактивной пыли, но всё медлил с ротацией. Он не знал по-

чему. Каждый день находил сотни причин, что ему некогда или не до того, но сам в них не верил.

На самом деле, для него было нехарактерно подобное пренебрежение к собственной безопасности. Хант жил по инструкции и чётко следовал правилам, потому что его работа требовала постоянной собранности и внимания, а этого невозможно достичь, если позволяешь себе хоть на минуту расслабиться. За годы учёбы в Академии и работы на Канцлера в свои неполные тридцать Хант научился не спать по несколько суток, переносить зубодробительный холод, молча терпеть боль, не пить, не есть и даже иногда не дышать. Поэтому существование в рамках кодекса Хант считал наиболее эргономичным. Но этот фильтр...

Хотя маска не считалась обязательным атрибутом существования в Городе, на людях Хант предпочитал её не снимать. Ужас не имеет лица, а он был именно им. Страхом. Безысходностью. Смертью. Тем последним, что видели некоторые, прежде чем стать городским удобрением. Но, вопреки расхожему мнению, Артур не получал от этого удовольствия. Это была всего лишь работа, для которой он был рождён и которую обязан был выполнять со всем тщанием верного служителя Города и Суприма. Ничего личного. Так было до Ханта, так есть сейчас, и так останется впредь. Каждый Каратель считался олицетворением правосудия, ибо кодекс гласил, что только через страх смерти рождается послушание, которое держит людей в деснице Закона. Их девиз был

прост и понятен – «Сила и Справедливость». Но только мало кто знал, насколько надо быть сильным, чтобы оставаться всегда справедливым.

Сегодня на площади Хант ощутил это сполна, когда от стоявших у него под ногами людей повеяло привычным смирением. И это наверняка успокоило бы его тренированное чутьё, не поймай он тот самый взгляд, от которого внутри поднялась волна странных эмоций. Этот кто-то явно был зол, а ещё совершенно в отчаянии. Там, на помосте, Хант так ясно почувствовал чью-то боль, что его сердце вдруг сильно забилось. Он не мог назвать это удовлетворением или же радостью. Если честно, Ханту вообще было плевать, где убивать очередного предателя: перед всеми на эшафоте или в очередной вонючей дыре где-то на окраине Города. Но тот взгляд, который так выделялся на фоне однотипной толпы, явно считал по-другому. И от этого внутри всё нетерпеливо сжималось, толкая как можно скорее найти источник этих эмоций. Интересно, они уже сталкивались? Была ли это личная неприязнь или абстрактная злость?

Подняв голову, Хант уставился на обшитую углепластиком стену кабины и хмыкнул. Будет интересно побеседовать с этим «взглядом» с глазу на глаз. Он презрительно фыркнул на сомнительный каламбур, и в этот момент воздуха в лёгких стало вдруг не хватать. Респиратор снова споткнулся на вдохе, и руки было сами потянулись к креплениям маски, но тут же замерли, а потом вернулись в позу «спокойствия».

Хант размял плечи, словно хотел скинуть доспех, медленно выдохнул и замер. От фильтра несло затхлостью и влажной пылью, что вернуло вновь к мыслям о маске. И появилось странное ощущение, будто ему тесно в этом форменном обличии, которое до недавнего времени он носил с присущим ему равнодушием.

Хант нахмурился и попытался вспомнить, когда всё началось. Наверное, с допроса Руфь Мессерер. В её серой камере, с отдушиной где-то на уровне пола, было тесно и удивительно темно даже ему. Визоры почти не справлялись с царившим по углам сумраком, и только многолетняя привычка ориентироваться на слух позволила Ханту чувствовать себя довольно свободно. Однако застывшую около стены немолодую женщину темнота, кажется, не беспокоила вовсе. Хант чувствовал, как она внимательно следит за ним взглядом, словно могла рассмотреть чужое лицо даже за толстым слоем из металла и углепластика. Чушь, но он впервые ощутил себя... Хант не мог подобрать нужного слова. Неуютно? Тревожно? Обычно такие эмоции испытывал кто-то другой... кто-то по ту сторону допросного стола или двери в камеру. Но Мессерер его не боялась. Она будто бы знала каждый следующий шаг, который предпримет главный Каратель, и старательно отыгрывала свою роль.

Это раздражало. Бесило настолько, что Хант однажды не выдержал. Он понимал, что сломанное плечо и тридцать ударов кнутом вряд ли добавят показаниям Мессерер чёткости

или откроют парочку новых сообщников, но остановиться не мог. Ему хотелось хоть на минуту прервать этот всезнающий взгляд и вырвать глаза... Выдавить пальцами и сжать в ладони, чувствуя сквозь кожу перчатки, как они лопаются в кулаке. Наверное, в конце он так бы и поступил, но приказ Канцлера вынудил бойцового пса сесть на цепь.

Хант не знал, почему так возненавидел эту чёртову Мессерер. Он ведь даже не знал её толком. Мельком сталкивался в Генной Лаборатории, когда приходил с очередной формальной проверкой, и на паре приёмов у Канцлера, где решал всё-таки появиться. Она была абсолютно непримечательна. Самой обычной. Тем, в ком так сложно заподозрить прогнившее дно, которое могло стоить Ханту карьеры.

Он в бешенстве зарычал и со всей силы приложился затылком о стенку кабины. Раздался скрежет металла о свинцовые «рёбра» на шлеме, аварийные лампы тревожно мигнули, и тут лифт остановился. Двери открылись на одном из подземных этажей Башни, откуда немедленно потянуло сыростью улицы и сладковатым ароматом жжёной карамели выхлопных газов.

– Мы засекли попытку пересечь границу Щита, – немедленно отчитался Вард, который поджидал Ханта у лифта. Он коротко кивнул остальным и зашагал рядом, стараясь успеть под размашистый шаг главы Карательной службы. А тот скосил взгляд сквозь визоры и коротко приказал:

– Надень маску. Вряд ли ты хочешь сдохнуть от интокси-

кации и стать для нас биотопливом.

– Не дождёшься, – хмыкнул Вард, а потом со вздохом добавил: – Что-то фильтр... в последние дни барахлит...

На этих словах Хант вдруг замер и повернулся к Карателю, который как раз герметизировал шлем. Последовал тихий свист, и с глухим всхлипом соединилось последнее из креплений.

– Что ты сказал? – едва ли не по слогам медленно спросил Артур, пытаясь догнать ускользавшее неясное чувство.

– Фильтр, – уже глухим и немного электронным голосом отозвался Юджин. – Иногда его словно заклинивает на вдохе, но проходит пара секунд, и всё снова работает... до следующего такого же раза. Пока не критично, но весьма раздражает.

– Действительно, – задумчиво проговорил Хант после паузы, а в мозгу уже щёлкали одна за другой странные мысли. Он ещё толком не понимал, что именно его настолько насторожило – странное поведение респиратора или неожиданное совпадение, – но подушечки пальцев уже приятно покалывало. Верный признак, что чутьё снова не подвело. И всё же, вынужденно отвлекаясь от такой интересной загадки, Хант сосредоточился на текущей проблеме. Его ждал Щит и бушевавшая в Городе буря. Так что он отвернулся и ровно проговорил, ничем не выдав своей настороженности. – Зайди к техникам и замени.

– Он новый, Хант. Похоже, с браком вся партия.

– Возможно.

Или же нет.

Хант нетерпеливо скрипнул зубами, но двинулся в сторону припаркованных глассеров, где из-под широких задних колёс стелился тот самый дымок, что пах карамелью. Этот запах пробивался даже сквозь респиратор, оседая на языке ядовитой горькой слюной, отчего Хант поморщился. Он натянул посильнее перчатки, а потом привычным движением уселся на свой личный гласс, заводя огромное сердце тяжёлой машины. Коленями он чувствовал вибрацию корпуса, которая то и дело пробегала от двух передних колёс по независимым стойкам. Она отдавала приятной дрожью в ладони, которые сжимали ручки акселератора, и глохла где-то в карбоне чёрнёного заднего диска. Хант снова машинально поправил перчатки, ожидая пока все соберутся, и шрамы на правой руке, что оставил на память ему этот глассер, привычно заныли.

Управлять подобной машиной из металла, резины и углепластика было непросто. Да, из-за двух независимых передних колёс, гласс прекрасно входил в повороты на узких улицах города, за что и получил своё прозвище. Но в остальном он был созданием довольно тяжёлым, и дело было не только в его немаленьком весе или довольно токсичном выхлопе. Особенностью каждой машины был её искусственный интеллект, соединённый с «разумом» Города. Как и любая подобная электроника, начиная от базовой венти-

ляции, заканчивая самим Щитом, она подчинялась заложенным давным-давно алгоритмам, за которыми следил Великий Суприм. Именно он определял нормы воздуха, воды или время комендантского часа, отвечая за безопасность целого Города. Да, со временем глассер идеально подстраивался под владельца, но Ханту, очевидно, достался особенно своевольный. Несколько раз тот откровенно пытался его убить, прежде чем они нашли общий язык и, можно сказать, поружились. Хотел ли его смерти сам Город, или то было особенностью данной машины, Артур не знал. Но именно из-за этой особенности пользоваться чужим глассером считалось опасным, впрочем, и желающих было немного. Если честно, Хант вообще не мог вспомнить хоть один случай, чтобы кто-то на это осмелился. Самоубийц в Городе было предсказуемо мало.

Тем временем позади слышался равномерный гул проснувшихся моторов, и, когда по полу уже начал растекаться густой дым из выхлопных труб, Хант резко дал по газам. В визоры маски немедленно забарабанила мелкая песчаная пыль вперемешку с надоевшим дождём, в ушах тоскливо завывала сирена.

Ну, здравствуй, Буря.

Они пробирались тёмными улицами, не сбавляя скорости даже на поворотах, и чем ближе становился периметр Щита, тем сильнее были потоки набегавшего воздуха, и тем гром-

че выла сирена. Когда они пересекли мигом проржавевшие рельсы одного из заводских путей на краю Города, стало понятно – этот шторм совсем не похож на те, что Хант видел раньше. А видел он многое... Частицы, что до этого били по корпусу глиссера и высекали лишь бледные розоватые искры, теперь стали крупнее. Они молотили по шлему, по коже перчаток, по передним колёсам и бензобаку, отчего электризовали уже налипший радиоактивный песок, вынуждая тот светиться призрачным алым светом. Экран навигатора сначала забарахлил и покрылся сеткой помех, а потом совсем отключился, не подавая больше признаков жизни. Хант попробовал было включить запасной, но электрический ветер вокруг был таким плотным, что двигатель, который и без того едва не задыхался в пыли и воде, взвыл ещё громче в попытке добрать недостающие обороты, и пришлось сосредоточиться на управлении. Синтетический разум машины боролся изо всех сил с разряженным воздухом, а Хант вместе с ним.

Скрипнув зубами, он ещё немного ускорился, уже понимая, что эта ночь станет самой непростой для привыкшего к подобному Города. Ему нужно успеть найти хоть пару следов, прежде чем те засыпет песком, а потом смоет очередным реактивом в сточные трубы. Артур знал, что рискует. Приближаться к Щиту и в обычные дни было опасно, но сейчас его магнитное поле работало с полной отдачей, пожирая всю мощность четырёх огромных реакторов, что размеща-

лись под Городом. А потому уже на полпути Хант почувствовал, как мелко задрожала под колёсами глисса земля. С каждой секундой это гудение становилось невыносимей, а потому мелькнула и тут же исчезла тревожная мысль, что жителям на окраинах сегодня придётся туго. Интересно, сколько из них утром привезут в общественный крематорий? Впрочем, нет. Не интересно. Сейчас Ханта интересовал только Город, который явно был чем-то обеспокоен. Это чувствовалось по тому, как торопливо вспыхивали дежурные уличные фонари, и как надсадно выли сирены предупреждения. А потому Артур наклонился вперёд, почти слившись с чёрным корпусом глисса, а ещё через пару минут вылетел прямо к закрытым воротам и резко затормозил.

В попытке сократить тормозной путь ему пришлось почти уложить глиссер на бок. И разбрызгивая по сторонам искры, вспыхнувший алым шар проскользил по каменным плитам, после чего замер. Следом, повинуясь вскинутой Хантом руке, остановились и остальные. Запах озона стал невыносим даже под маской, и он машинально потянулся к встроенным в шлем кислородным баллонам. Дальше предстояло идти своим ходом, так что надо быть осторожным.

Артур прыгнул с глиссера, покачнувшись под порывами безумного ветра, и посмотрел вниз, где тяжёлые сапоги немедленно замело слоем песка и какого-то мусора. Наклонившись, он набрал горсть этой пыли и взгляделся в неё через визоры. Странно. В лицо ударил новый порыв, и по доспеху,

наверняка оставляя на нём след из царапин, с такой силой забарабанили мелкие камни, что Ханту пришлось опереться коленом о землю. Странно и очень неправильно. Он медленно повернул голову и всмотрелся в мерцавший сиянием Щит. Неправильно, странно и очень опасно.

Чутьё Ханта взвыло вместе с надоевшей сиреной, от продиравшего визга которой уже ныли кости. Но, поднявшись на ноги, он отстегнул от глассера плащ, что немедленно захлопала крыльями в безумных ураганных потоках, закутался в прочную ткань и медленно, через силу делая каждый шаг, двинулся в сторону железной стены, которая простиралась от земли и до небес от самых ворот. Передатчик в ушах попробовал было всхлипнуть волной помех, видимо Вард пытался что-то ему сообщить, но Хант лишь вновь вскинул руку, приказав остальным оставаться на месте. Он сам.

Щит представлял собой первый и последний из эшелонов защиты, которой окружили себя те, кто сумел выжить в те далёкие и смутные дни. После нескольких лет бесконечной зимы, которая наступила из-за застывших в воздухе частиц пепла, выползшие из подземных тоннелей люди сделали всё, чтобы никогда не вернуться туда. Поэтому и появилась она – система из заграждений. Магнитной, физической и даже психологической обороны, что куполом накрыла построенный на костях и остовах зданий тот самый Город. И гул Щита считался здесь таким же символом жизни, как воздух, вода и продолжение рода. И именно это должен был защищать

Хант. Город. И потому, когда он увидел... Когда он и вправду увидел...

Забавно, но там не было ничего. Совершенно. Железные защитные плиты, что поднялись по сигналу тревоги, были, как и прежде, прочны и незыблемы. Ни дожди, ни бледное солнце, ни ветры, ни шторм не оставили на них почти никакого следа, кроме налёта из ржавчины. А потому Артур стоял, из последних сил сопротивляясь налетавшему неизвестно откуда дикому ветру, и молча смотрел, как мерцает сиянием купол – опасно и страшно. Наконец, Хант сделал несколько шагов, чувствуя, как жжёт кожу даже под защитным слоем доспеха и коснулся шершавой поверхности. Дюйм за дюймом, несмотря на то что на подушечках пальцев уже наверняка плавилась кожа, он вёл по одной из металлических плит и мерцавшему под ней гексагональному контуру, пока вдруг не замер. Его колебания длились только мгновение, прежде чем рука сама потянулась к нацарапанной на ржавой поверхности надписи:

«Смерть Канцлера – надежда Свободы!»

Пальцы в перчатке судорожно проскребли по плите, словно хотели содрать её прочь, но вместо этого лишь немного осыпали налипший песок и смазали текст. Дрогнуло полыхавшее вокруг сетчатого контура бледно-зелёное свечение, руку пронзило ошеломительной болью, отчего показалось, будто она вспыхнула тем же холодным огнём, а потом Хант резко развернулся и зашагал прочь.

– Уходим, – приказал он, как только ожил динамик.

– Но, Хант! – попробовал возразить один из Карателей и тут же заткнулся, когда в его защищённую доспехами шею впились сгоравшие от дикого жжения пальцы.

Артур стиснул их с такой силой, что послышался треск, перекрывший стоявшую вокруг какофонию звуков, а потом в предплечье вцепились руки задыхавшегося любителя спорить. И в другой день он усмехнулся бы этим потугам, но сейчас это лишь подстегнуло и без того плававшую внутри злость. Так что протаскивая тело Карателя до его глассера, он швырнул его тушу прямоком на машину и отвернулся.

– Что за... – послышался в динамике голос недовольного Варда.

– Я сказал уходим. Сообщите службе Щита, что их услуги не требуются. Надо было беспокоиться раньше.

Хант замолчал, излишне резко запахнул полы плаща, чувствуя, как ветер уже почти сбивает с ног, а потом огляделся по сторонам. Трущобы окраин всегда выглядели весьма удручающе, сегодня же, в холодном свете Щита, чьё поле переливалось от зелёного к фиолетовому, они больше походили на склеп. Каковыми, в общем, и были. Город ошеломлённо молчал, так что Ханту ничего не оставалось, как усесться на глассер и завести натужно взывавший мотор.

– Пусть утилизаторы зачистят район. Вряд ли здесь будут выжившие, но если найдут... – Он вновь бросил взгляд на тёмные окна, что зияли пустыми провалами там, где некогда

были стёкла. Что, чёрт побери, происходит?! Ответа, конечно же, не было, и Артур стиснул ручки руля. – Если найдут, то добейте. Нам не нужна лишняя паника.

С этими словами он выжал акселератор и с визгом шин нырнул в черноту, которая скрыла за собой Щит. В спину ударило мелкое крошево пыли.

Раз, два, три, четыре, пять... Флор торопливо считала секунды до момента, когда придёт её очередь. Мимо неторопливо проехал длинный состав городского пассажирского поезда, похожий на чью-то металлическую кишку, сверху по виадукту промчался ещё один, и обдал стоявших у самого края дороги вонючими карамельными выхлопами. Флор постаралась незаметно задержать дыхание. С её наполовину работавшими лёгкими не стоило лишний раз рисковать.

– Пожалуйста, дождитесь сигнала. Не пересекайте жёлтую линию без разрешения. Это небезопасно. Пожалуйста, дождитесь сигнала. Не пересекайте...

Мягкий электронный голос уличного оповещения с тщательно замаскированной угрозой подсказывал путь спешившим по делам жителям Города. Люди двигались небольшими ровными группами по тщательно установленным маршрутам, что проложили для них в отделе Управления, и не было ни одного лишнего жеста, вдоха или ненужного шага, который сломал бы этот идеальный порядок. Это был своеобразный геометрический танец, красивый мир параллель-

ных прямых и пересечений, где каждая фигура чётко знала своё место и положение. И горе тому, кто решит это нарушить! Флор чуть скосила глаза и посмотрела на одного из Карателей, что стоял на её перекрёстке. Как всегда, чёрный и в маске.

После сегодняшней ночной Бури их число возрослократно, и она знала, в чём было дело. Послание, так по-ребячески оставленное Стивеном, достигло своего адресата, и тот повёл себя в точности, как и думала Флор. Впал в ярость. Вообще, она не относила Ханта к предсказуемым людям. Узнать, что творится в голове самого одиозного приспешника Канцлера, было почти невозможно, а ещё просто опасно! Главный Каратель был скрытен, а удивительное даже по меркам их равнодушного общества пренебрежение к жизням других, вынуждало обходить его стороной. Он был груб, когда не молчал. Жесток, если того требовали его внутренние стандарты. И крайне опасен в любом состоянии. За всё время работы Флор видела его всего дважды и отчаянно не хотела увеличивать это число. Поэтому она была против выходки Стивена, хотя понимала, что ему просто хотелось выплеснуть боль. Вчера им всем было плохо, и, будь её воля, Хант первым отправился бы к праотцам с перерезанным горлом, за всё, что он сделал, но Руфь... Руфь. Флор судорожно вздохнула.

– Согласно данным министерства Нормирования, в этом месяце ожидается профилактическое отключение от городских фильтров частных и общественных зданий. Сум-

марное безвоздушное время составит... тридцать минут. Будьте внимательны, – ласково проинформировал голос, принадлежащий разуму Города, и Флор поудобнее перехватила маску.

Никто из них не понимал, почему Мессерер так настаивала на личности Ханта. Что в нём было такого, отчего стоило побороться за эту весьма мерзкую душу? На его руках кровь тысяч таких, как они – бракованных. Живорождённых и тех, кому не повезло «подцепить» вирус того самого сострадания. А теперь и кровь Руфь, что отчаянно просила Флор хотя бы попробовать.

– Я не стану говорить о прощении. Боюсь, даже ты не сможешь найти в себе столько сочувствия, но он может помочь, – сказала она однажды.

В те времена Флор ещё не догадывалась, насколько чудовищный в своей трагедии план зрел в голове Мессерер, и легко позволила себе согласиться. Тогда всё казалось таким... умозрительным, далёким, необязательным, слегка философским. «*Зерно добра есть в каждом зле*». Ха! Что ж, теперь она осталась один на один с обещанием и Артуром Хантом, к которому непонятно даже было, как подступить. Флор скрипнула зубами, и в этот момент что-то больно ударило под лопатку.

– Пошевеливайся!

От сильного толчка Флор едва не потеряла равновесие и вдруг обнаружила, что впереди стало неправильно пусто. За-

думавшись, она пропустила разрешающий сигнал перехода и теперь задерживала группу. Это, разумеется, заметил один из Карателей, который уже заносил её промах в личное дело. Рядом, полные электронного любопытства, зависли несколько «глаз Канцлера». Вот же дерьмо!

– Да-да, простите, – торопливо пробормотала она и под сопровождение прохладного голоса поспешила нагнать остальных.

– Переход разрешён. Пожалуйста, держитесь безопасной зелёной линии. Переход разрешён. Пожалуйста, держитесь безопасной зелёной линии...

Флор украдкой взглянула на обочину дороги, где ещё виднелся не убранный с ночи песок, и поджала губы. Однажды это закончится. Однажды они смогут забыть о раздирающем звуке сирены... смогут забыть о необходимости смерти, что завтра им может не достаться талонов на баллон с кислородом, что их дети вовсе не дети, а продукт человеческих Фабрик... что кто угодно мог стать непригодным на основе своей же генетической карты, если появится кто-то лучше, умнее, идеальнее. Однажды они смогут сами решать, чем заниматься – пробовать, ошибаться, искать что-то новое. Однажды, да. Однажды и это станет историей. Но для этого им нужен проклятый Хант. Знать бы ещё почему.

– Пожалуйста, наденьте маску. Ожидается ветер. Пожалуйста, наденьте маску. Ожидается ветер...

О нет, как же не вовремя! Она же теперь опоздает! Однако

людские колонны послушно замерли, раздался нестройный шум от множества щелчков, а затем завывла сирена. Флор сделала пробный вдох безвкусного воздуха и на мгновение прикрыла глаза.

Сегодня, слушая разговоры своих хоть и добрых, но весьма недалёких соседей, с которыми делила выданную им на троих квартиру почти на самой окраине Города, она знала, о чём спросит Стивен, как только её увидит. Когда? Когда закончатся эти ненужные смерти? Когда они наконец положат конец власти искалеченных евгеникой полубезумцев? Когда... когда... когда... Он рвался действовать и пылал настолько искренней ненавистью, что Флор иногда становилось от этого страшно.

Стивен Джонс был тем самым фанатиком, что возглавил после Руфь их Сопротивление. И если раньше Мессерер ещё могла его урезонить, то теперь, вкусив единоличной власти, он стал почти неуправляем. *«Сильный лидер для тяжёлых времён»*, – говорил Стив, но Флор в это не верила. При всей её любви к Джонсу, он был не тем, кто смог бы возглавить Город. К сожалению. Слишком импульсивный, слишком неосторожный, слишком эгоистичный и авторитарный... ох. В нём всего было слишком, что грозило большой катастрофой. Флор не знала, почему ей так казалось. Она просто чувствовала. Или это был Город, который каждый раз будто вздрагивал, стоило Стивену пересечь границу Щита. Глупости, конечно. Происки напуганного вооб-

ражения. Но Руфь говорила, что для искусственного интеллекта Джонс был предателем, и, к своему стыду, Флор его понимала. Город. Не Стива. Так что к проблеме «Тифона» и его дитя Цербера добавилась новая – кто встанет во главе, когда всё закончится? Кто возьмёт это бремя безопасности Города и сможет его унести? Флор думала, что им станет Руфь, но та, похоже, считала иначе.

Тем временем колонна людей всё же двинулась, и Флор поспешила следом ней. Она безбожно опаздывала...

Лаборатория Перспективных Исследований располагалась недалеко от Теплиц на одном из верхних этажей западного «зубца» главной Башни. Аккурат над ангаром с Теплицами. Как дочь предателей Флор не могла рассчитывать на высокую должность, но божьим случаем гены сложились настолько удачно, что её сначала распределили в специализированный интернат, ну а потом в школу имени Первого Канцлера. Она не знала, кем были родители, но, судя по тому, что ей всё-таки сохранили жизнь, Флоранс Мэй представляла небольшой интерес. Ровно столько, чтобы не отправить младенца на биотопливо, а дать очень узкоспециализированное образование. Похоже, природное дарование, которое так рьяно отрицали правители Города, всё-таки показалось Канцеляриату важнее установленных правил. И пусть, она не была ценным специалистом... – бога ради, для этого её генетическая карта и собственная голова были изуро-

дованы клеймом «живорождённая»! – но работу любила. В огромных, светившихся изнутри стеклянных Теплицах, где среди последних сохранившихся цветов и деревьев можно было легко заблудиться, Флор пряталась от всего мира. Она следила за молекулярным и витаминным составом вверенных образцов, а в свободное время занималась попытками вывести устойчивый к Бурям вид. Что-то на грани запрещённого в Городе клонирования и вольной фантазии. Тогда она ещё действовала без какой-либо цели. Это был просто душевный порыв, который отчего-то заставил насторожиться Руфь Мессерер – главу той самой Лаборатории – во время рутинной проверки лояльности.

И Флор не знала, что случилось бы, обнаружь это кто-нибудь раньше. Не представляла да, в общем, и не хотела, потому что помнила вспыхнувший внутри животный страх смерти, стоило увидеть чёрную полосу в той самой графе, где до этого дня ничего не было и никогда не должно было быть! Ведь если «бракованным» жить в Городе сложно, то у людей с геном Симпатии не было ни единого шанса. Ничего. Совсем. На таких даже не тратили инъекцию тихого яда под названием «Милосердие», а просто кидали за границу Щита. Флор знала, что так любил делать Хант. И уже почти чувствовала на своём плече его хватку, когда одним лёгким движением Мессерер стёрла этот анализ и заменила другим. Идеальным. Теперь только глава Карательной службы мог узнать правду, если бы взял кровь Флоранс Мэй на ана-

лиз, но она не собиралась ему попадаться. Верно? Ведь какое дело Артуру Ханту до живорождённой девчонки из ненавистных ему Теплиц? Все знали, что он ненавидел всё сущее.

Флор не знала, сколько на самом деле людей спасла Руфь. Десятки? А может быть, сотни? И сколько легли мёртвым грузом на совесть? Мессерер никогда не рассказывала. Сначала не доверяла, потом не хотела лишний раз беспокоить, а потом стало просто опасно. Однозначно она знала только о тридцати, в общем, о тех, с кем была лично знакома, и кто составлял костяк их маленького восстания. Об остальных Флор могла только догадываться: по брошенным взглядам, по оставленным знакам, по тем мелочам, которые по одиночке могли показаться досадными совпадениями, но в целом складывались в картину организованного противостояния.

Но, как бы ни была обширна деятельность Мессерер, им всё равно приходилось быть осторожными. Особенно в Лаборатории. Особенно с тех самых пор, как после начала расследования место Руфь занял амбициозный, но глупый, льстивый, но истеричный, а ещё неотёсанный, грубый невежа по имени Кеннет Миллер. Этот человек был полной противоположностью Мессерер и почему-то питал особые чувства к брезгливо морщившейся рядом с ним Флор – то ли был тайно влюблён, то ли хотел придушить. В общем, ей приходилось быть вдвойне осторожной, и сегодняшнее неизбежное опоздание было явно некстати. Но, увы, Флор ничего не

могла поделаться.

Она влетела в Лабораторию как раз в тот момент, когда удар электронного колокола ознаменовал начало рабочего дня. Проскользнув на своё место, Флор постаралась как можно незаметнее стянуть серый плащ, но не рассчитала, и на пол с грохотом полетела тяжёлая маска, стопка бумаг и клочок какой-то записки. Он закружился, и Флор успела подхватить его в последний момент, прежде чем дверь в кабинет главы Лаборатории распахнулась, и на пороге возник Кеннет.

– Ты! – Он ткнул пальцем в замершую в неудобной позе Флор. Его невзрачные белёсые кудри типичного сына Генетической Фермы были взлохмачены больше обычного, а веснушчатый нос так сильно блестел выступившей на нём испариной, что это было видно даже с другого конца большой комнаты. – За тобой сейчас придут.

– Что? – Флор показалось, что мир перед глазами качнулся шальной каруселью, в голову немедленно полезли тысячи панических мыслей, но тут Миллер решил закончить свою мысль.

– На тебя есть запрос из службы Регулирования Единообразия Населения. Им нужен ещё один человек для каких-то исследований.

От облегчения она едва снова не выронила дурацкую маску. Господи, с этими бесконечными проверками она раньше помрёт от разрыва сердца, а не от положенной инъекции че-

рез десятков лет. Флор покачала головой. Служба Регулирования занималась подбором генов по запросу получивших разрешение на размножение жителей Города, прежде чем сделать забор и отправить на Ферму. И это была ужасно нудная, совершенно бесперспективная работа.

– Почему я? – попробовала узнать подробности Флор. – Я же ботаник...

– Ты генетик. Ну и не мне же этим заниматься?! – с искренним недоумением фыркнул Кеннет, и все возражения умерли сами собой.

Действительно. О чём это она. Глупость какая! Это Миллер был генетически совершенным, но никак не Флор, которой всего лишь волей случая повезло вытянуть хороший билет лотереи под названием «Эволюция». Пусть и выглядел Кеннет, как существо пугало, а изо рта его постоянно несло чем-то кислым, он всё равно стоял выше на иерархической лестнице Города.

– Собирайся. Они придут за тобой с минуты на минуту. – Кеннет махнул рукой, как бы очерчивая круг абстрактных задач, о которых, на самом деле, не имел ни малейшего понятия, но потом замер и чуть скривился: – И это... приведи себя в порядок.

Он хотел сказать что-то ещё, но тут из кабинета донёсся писк коммуникатора, и Миллер поспешил ответить. Флор же, так толком и не разогнувшись, взгляделась в своё лохматое отражение, которое виднелось в хромированном боку

лабораторного холодильника, и скрипнула зубами. Длинные каштановые волосы стояли торчком, на лице была какая-то сажа уличной пыли, а стандартная роба из искусственной ткани перекрутилась и, похоже, готовилась треснуть по всем своим хилым швам. Как же не вовремя! Неожиданно рядом возникло лицо генетика Бетти Андерсон, которая бросила взгляд на застывшую Флор и принялась торопливо собирать разлетевшиеся по полу бумаги.

– Начались проверки, – прошептала она едва слышно.

– Не удивлюсь, если это будет одна из них, – так же тихо ответила Флор.

– Стивен был прав. Тебе нельзя было сюда приходить.

Взгляд Бет был полон тревоги, и Флор хотела было её успокоить, однако тут вдалеке послышался шум, а затем вход в лабораторию вновь с грохотом распахнулся. И на этот раз не со стороны кабинета Миллера, в котором вдруг стало тихо. Дождавшись, пока отскочившая от стены дверь закончит положенную траекторию, из ярко освещённого коридора в помещение вошло трое мужчин, и Флор затаила дыхание. Тяжёлые ботинки со специальными креплениями, мягкое чёрное углеволокно слоёных, точно мелкая чешуя, доспехов под плотной тканью плащей, тяжелый шаг и... дыхание. То самое, спутать которое попросту невозможно. Металлическое и механическое. Такое долгое, что казалось, будто этим людям и вовсе не нужно дышать... Что, может, это и не люди. В конце концов, никто ни разу не видел их лиц.

– Это точно служба Регулирования? – едва слышно пошутила Флор, но Бет не улыбнулась.

Тем временем двое Карателей заняли места около входа, а один медленно прошёл вглубь Лаборатории и огляделся. То, что это не Хант, осторожно выпрямившаяся Флоранс поняла сразу. Не тот рост, хотя и тоже высокий. Не тот размах плеч, хотя мужчина был достаточно крупным. Не те движения, другая походка, наконец, совершенно иной взгляд, который она ощутила, стоило ему повернуть к ней свою маску. И всё же он медленно чуть склонил голову набок, почти повторив излюбленное движение Ханта, и скрестил за спиной руки.

– Флоранс Мэй, – утвердительно произнёс он, даже не попытавшись облечь неизбежность в вежливый вопрос.

– Да. Чем я могу...

– Идёмте, – коротко бросил он и приглашающе простёр руку в сторону двери. Однако, заметив, как колеблется Флор, с небольшим нажимом добавил: – У нас есть приказ. Давайте не станем тратить время на его бессмысленные обсуждения. Вас ждут.

Флор ничего не ответила, только выпрямилась, поставила на стол злополучную маску и, сунув правую руку с зажатой в ней запиской в карман, направилась к выходу. Следом прошествовали два молчаливых охранника, замыкал небольшую колонну тот самый разговорчивый Каратель.

Они шли по людному коридору, одним своим видом вы-

нуждая всех встречных торопливо прижиматься к стенам и отводить взгляд. На Флор никто не смотрел, и это было не удивительно. Обычно те, кто уходил в такой траурной компании, больше никогда не возвращался, а потому все старательно отводили взгляд. Никто не хотел попасть под горячую руку, справедливо опасаясь, что одна-две сопутствующих жертвы вполне вписывались в протокол Карательной службы. Так что до лифта они дошли довольно быстро и в полной тишине. Нажав кнопку вызова, Флор оглянулась.

– Куда мы идём?

– Боюсь, туда, где у вас уже нет доступа. Если вы позволите, я покажу, – ответил всё тот же велеречивый Каратель. Флор лишь пожала плечами и отступила, пропуская вперёд свою свиту.

– Я не настаиваю.

– Разумеется. Здесь настаиваем только мы, – в механическом голосе маски послышался самодовольный смешок, и повисло молчание.

В полной тишине они вошли в удивительно пустую кабину, один из Карателей вставил ключ-карту в положенный разъём, и, судя по моменту инерции, лифт стремительно двинулся вниз. Гораздо быстрее, чем помнила Флор, а ведь она пользовалась им каждый день. Табло этажей не горело, так что вскоре ориентация в пространстве дала сбой, и оставалось только гадать, в какой именно точке пространства оказалась кабина. В пределах Башни? Подвальные уровни?

А может, глубоко под землёй?

– Зачем я вам нужна? – не выдержала наконец Флор. По её подсчётам они давно преодолели уровень цокольных этажей, и теперь упрямо двигались вниз. Уши закладывало.

– Вас проинструктируют.

– Это прекрасно, но у меня есть работа, которую мне нужно работать. И я не могу позволить себе...

– Ваши потуги в ботанике подождут, – перебили её ровным тоном, но за ним Флор почувствовала тщательно отмеренную дозу недовольства. Именно столько, чтобы она замолчала. Так что ничего не оставалось, как захлопнуть рот, но в этот момент кабина дёрнулась, замерла, а потом двери открылись.

– Где мы?

Вопрос вырвался сам, и Флор удивилась, услышав ответ.

– В месте, которого официально не существует.

– Я думала меня вызвала служба Регулирования.

– Это один из её отделов. Идёмте.

Вопреки всем ожиданиям и предрассудкам, коридор, куда вышла напряжённая Флор не был тёмным или страшным. Облицованные светлыми панелями стены, обычные лампы на потолке, ряд дверей, что уходил вглубь и пол, залитый бесшумным пластиком. Ничего, что напоминало бы катакомбы и пыточные. Только шум вентиляции и... тишина. Флор даже проверила, не заложило ли у неё уши, настолько здесь было тихо. Ни голосов, ни звона лабораторной посуды,

ни гула Щита. Именно последнее, наверное, настораживало больше всего и казалось пугающе неестественным. Тем временем тот самый Каратель подошёл к третьей по счёту двери, которые были здесь совершенно одинаковыми, распахнул её и вновь приглашающе протянул руку. Сквозь визоры маски он сверлил взглядом Флор, которая замерла в нерешительности, а потому двое помощников мягко подтолкнули её в спину, и ничего не осталось, как шагнуть внутрь.

Однако стоило только переступить порог, как захотелось немедленно выйти прочь, закрыть за собой дверь и исчезнуть, но вместо этого Флор всё ещё аккуратно, но уже настойчивее, снова толкнули в спину, и она влетела в небольшую абсолютно белую комнату. За спиной хлопнула дверь, затихли шаги и повисло молчание. Флор боялась поднять взгляд и нервно сжимала в кармане записку, пока её разглядывали с головы до пят. И она не знала, сколько длился этот безмолвный досмотр, прежде чем наконец-то последовал вздох сквозь респиратор, шорох бумаг, а потом душное ощущение взгляда исчезло.

– Флоранс Мэй, – раздался механический голос, и Флор едва не зажмурилась.

Считалось очень дурной приметой, если хоть один из Карателей знал вас по имени, а ей, похоже, не повезло дважды. Но деваться было некуда, и она подняла взгляд, посмотрев прямоком в чёрные визоры знакомой маски со скелетообразным остовом.

Артур Хант стоял около небольшого стола, и теперь Флор не сомневалась, что это действительно он. Перепутать десницу Верховного Канцлера с кем-то ещё было попросту невозможно, хотя бы из-за тотального гнетущего ощущения, которое он распространял на десять метров вокруг. Сегодня он был без плаща, отчего его долговязая широкая фигура казалась ещё внушительнее, а ощущение безысходности – неумолимее. Так что Флор поёжилась и кивнула.

– У вас довольно любопытное резюме, – заметил тем временем он. – И не стану скрывать, меня больше удивляет факт, что вы вообще живы, чем ваши карьерные заслуги. Интернат, потом научная школа, работа в Лаборатории. Вы ведь... ботаник?

– Да, – едва шевеля языком ответила Флор. – Занимаю генети...

– На мой взгляд, весьма скучная и ненужная область, – перебил Хант. – Но вас характеризовали как успешного и довольно честостлюбивого учёного. И, видимо, это действительно так, раз три выписанных запроса на вашу утилизацию из отдела Нормирования граждан так и не были приняты к исполнению. Довольно непривычное достижение для такой, как вы.

Он перебрал несколько лежавших на столе документов, подцепил нужный лист и протянул Флор, видимо, предлагая ознакомиться. Но она не решилась взять бумагу, опасаясь даже моргнуть лишний раз.

– Вы хорошо осведомлены, – наконец произнесла она, чувствуя, как от волнения язык едва не прилипал к нёбу.

Если её сейчас бросят в камеру... Или устроят допрос... Дерьмо! Надо было послушать Стива и остаться в Убежище. К чёрту просьбу Руфь! К чёрту вообще всё! Враз стало жарко, а сердце от страха забилось так часто и громко, что, кажется, Хант это слышал. По крайней мере, он издал странный звук, который должен был означать что-то вроде смешка, а потом вновь повернулся к столу.

– Это моя работа, – механически отозвался глава Карательной службы, а потом уселся на край стола и, видимо, по привычке хотел было опереться на правую руку, но почему-то вдруг передумал. Он выпрямился и повернул свою страшную маску в направлении Флор, которая лишь чудом не отшатнулась. – Руфь Мессерер была вашим руководителем. Чем вы занимались?

– Все данные находятся у доктора Миллера.

– Чем. Вы. Занимались.

– Я же сказала, – нервно огрызнулась она. Серьёзно, какое ему дело до корешков и ботвы? Решил проникнуться живой красотой и засадить бетонные улицы кустарниками да полевой травой, над которой Флор корпела уже битый месяц? Вряд ли. Она едва сдержала скептическое хмыканье. Однако Ханта, видимо, что-то всё же очень интересовало.

– Чем. Вы. Занимались!

– Господи! Чем ещё можно заниматься в Теплицах? К то-

му же, я не понимаю такого внимания. Лаборатория не подчиняется...

– ЧЕМ. ВЫ. ЗАНИМАЛИСЬ!

От громкости крика, кажется, задрожал даже пол. Флор отшатнулась, но налетела на одного из Карателей, который тут же схватил её за плечо и толкнул обратно в сторону Ханта, заломив руки. А тот с такой силой сжал её челюсть, что Флор едва не заскулила. Она попробовала было вырваться, но хватка сзади была слишком сильной, вынудив зашипеть от прострелившей всё тело боли. Впрочем, Флор немедленно забыла о таком неудобстве, когда к ней приблизилась черепоподобная маска. В лицо ударил фильтрованный выдох, скрипнула кожа перчаток, в ушах зазвенело.

– Итак. Может, теперь всё же расскажете, чем вы занимались.

– Контролирую молекулярно-генетический состав в введенных мне теплицах 3, 4 и 17, – выдохнула она, едва шевеля стиснутой пальцами челюстью.

– И всё? Довольно... скучная работенка для того, чтобы три раза избежать утилизации. Что ещё вы там делаете?

– Пытаюсь вывести устойчивый к электронному излучению тип.

– Это санкционированные работы?

– Нет. Личная инициатива в свободное время.

– А оно у вас есть?

– Случается, – процедила Флор.

За свою дерзость она ждала новых вопросов или очередную порцию боли, но вместо этого хватка стала немного слабее, а потом и вовсе исчезла. Следуя невидимому приказу, который наверняка отдал Хант, державший её Каратель вдруг отступил, и Флор выпрямилась, разминая ноющие плечи.

– И как успехи?

– Весьма любопытные. Могу я узнать, это официальный допрос? – спросила она сквозь зубы, пока пыталась поправить перекрутившееся мешковатое платье. Послышался ещё один каркающий смешок, и Хант вновь повернул к ней свою страшную маску.

– А вам есть, что скрывать?

– А вам есть о чём спрашивать?.. Не считая очевидных вещей.

За спиной послышалось недовольное дыхание сторожевых псов, но Хант поднял руку, и в кабинете стало тихо.

– Ваши ответы не добавляют вам очков, – произнёс он и чуть склонил голову набок, снова разглядывая Флор.

– Не знала, что будут ставить оценки. Так я могу узнать причину, по которой нахожусь здесь?

– Вы довольно дерзки для простой служащей.

– Зато вы чрезвычайно обычны.

– То есть?

– Внушаете ужас и ничего более. Вы ответите на вопрос?

Повисла пауза, во время которой Хант, очевидно, разду-

мывал стоит ли продолжать беседу или проще сразу свернуть Флоранс шею. Но вдруг он поднялся, вплотную приблизился к замершей Флор и неожиданно коснулся волос, поднимая несколько прядей.

– Нет, – наконец произнёс Хант голосом, в котором не было ни следа веселья. Закончив ему одному ведомые размышления, он отвернулся и направился к выходу. – Приемлемо. Она подходит.

– Подхожу для чего?

Хант не ответил. Лишь махнул рукой и походя бросил:

– Досмотрите её и обрежьте, если необходимо, чтобы сверить идентификационные номера.

– Что?! – Флор подумала, что ослышалась. Хант же остановился и оглянулся, окинув её долгим взглядом, словно сомневался в только что принятом решении.

– Я должен убедиться, что вы это действительно вы, – всё же снизошёл он до ответа и открыл дверь.

– У вас паранойя!

Секунда молчания, и лишь короткое пожатие плеч.

– Это работа.

Щелчок замка поставил однозначную точку.

В комнате стало тихо. Ни механического дыхания респираторов, ни шороха одежды, только равномерный гул вытяжки, что качала воздух через две сотни фильтров. Флор посмотрела на стоявших вокруг неё Карателей и сделала шаг назад, потом ещё один и ещё. Она пятилась, пока не налете-

ла на стол, а потом замерла, стиснув в кармане уже ставший влажным клочок бумаги с запиской.

– Надо идти, – наконец проговорил тот же Каратель, что привёл сюда Флор.

Уже знакомым движением он приглашающе простёр руку, но Флор не шевельнулась. Ей вообще показалось, что она приросла к полу и краю стола, а оторвать её от этой надёжной опоры можно только, пожертвовав парой конечностей. Видимо, догадавшись об этом, Каратель вздохнул.

– Давайте не будем всё усложнять.

– Я никуда не пойду, пока мне не объяснят, что происходит, – торопливо проговорила она.

– Сначала досмотр – затем всё остальное. – И даже искаживший звук респиратор не смог скрыть, с каким нажимом была сказана эта фраза. – На вашем месте я бы послушался. Так будет проще.

– Но вы не на моём месте, – буркнула Флор, однако заставила себя оторваться от стола и на негнущихся ногах вышла в коридор. От страха её замутило.

Шли недолго. Буквально через несколько метров перед Флор распахнули одну из дверей, и она почувствовала несильный толчок под лопатку, который дал ясно понять, что лучше не мешкать. Ступив за порог, она оказалась в ещё одном стерильно белом кабинете, где от яркого света немедленно заболели глаза. Здесь былолюдно, если сравнивать с пустым коридором. Трое мужчин с совершенно лысыми го-

ловами и в одинаково мешковатых костюмах сидели за своими столами и равнодушно смотрели в экраны, где непрерывно бежал ряд буквенных столбцов. Ещё один стол пустовал, и Флор всмотрелась в стоявший на нём монитор, а потом нервно выдохнула.

Она знала, что это. Предпочла никогда бы не видеть, но увы, вся её жизнь была predetermined вот из-за этих столбцов. Это были те самые генетические карты, которые составляют на каждого жителя Города ещё в тот момент, когда в пробирке соединяют две клетки. От этого списка из бессмысленных, на первый взгляд, символов зависело, появится ли в будущем человек или его материал отправится в путешествие по сточным водам канализации. Обычная математика была основой существования Города, где давно не рождались обычные дети. Годами Канцеляриат урезал доступные квоты «на естественное размножение», пока полвека назад не запретил вовсе. Они мотивировали это вспышкой генного вируса, но Флор знала, что дело в другом. Базовая, заложенная природой функция просто оказалась недоступна для выведенного Канцеляриатом «сверхчеловека». На Генетических фермах чётко регулировали численность, навыки, склонности будущих жителей и даже цвет глаз и волос с помощью искусственных систем воспроизводства, но люди больше не были объектом живой природы. Теперь они просто синтетика.

– Вы знаете, что это такое? – прервал её размышления

механический голос, и Флор вздрогнула.

– Генетические карты. Но зачем...

– Досмотр, – напомнил Каратель и распахнул незамеченную ранее дверь, которая была почему-то железной.

Они оказались где-то вроде небольшой душевой, однако там тоже не задержались, а прошли дальше, и за ещё одной металлической дверью Флор обнаружила обычную раздевалку. Вдоль стен здесь стояли стандартные шкафчики, в центре была пара скамеек, ниша в стене, очевидно, для грязной одежды. В общем, и всё. Окружение здесь было такое же белое, как и везде. Тем временем Каратель повернулся к замершей Флор.

– Сейчас я попрошу вас раздеться, а после я вас досмотрю.

Она непонимающе уставилась в визоры чёрной маски, и послышался длинный вздох.

– Пожалуйста, – едва ли не по слогам проговорил Каратель. – Снимите одежду. Мне надо осмотреть вас на предмет маячков.

– Нет! – оскорблённо воскликнула Флор, которая пребывала где-то между ужасом и неверием. Да ладно! Они не могли это всерьёз... Но взгляд снова наткнулся на равнодушную маску и позу «спокойствие».

– Боюсь, что выбора у вас нет. Не вынуждайте меня применять силу. Я могу вас случайно поранить, и тогда придётся действовать по другому протоколу. Поверьте, это ещё более неприятно.

Каратель старался говорить спокойно, но Флор чувствовала, как стремительно тает его терпение. Он вообще был удивительно вежлив, что, впрочем, не отменяло дикости ситуации. И всё же она подчинилась.

Шагнув к лавке, Флор потянулась к застёжке на форменном сером платье.

– Вы... отвернётесь? – тихо спросила она, чувствуя, как от стыда начали гореть щёки.

– Нет. Вы можете этим воспользоваться.

– Бойтесь, что я на вас нападу? – от абсурдности мысли Флор едва не расхохоталась, но это было болезненное веселье. Истеричное. Напуганное. Видимо, её надсмотрщик это понял.

– Вы можете попробовать что-то скрыть от меня.

Флор взглянула на него так, словно он был душевно больным.

– Интересно, каким образом, – процедила она, но добилась лишь очередного пожатия плеч. Поняв, что ответа не будет, Флор принялась расстёгивать платье, хотя пальцы не слушались. Однако она упрямо старалась, так что вскоре оно отправилось на скамью, следом за ним обувь. Флор повернулась. В одном нижнем белье в комнате было прохладно, так что её тут же начала бить мелкая дрожь. Хотя, возможно, это от страха. Она посмотрела на замершего у стены Карателя.

– Полностью, – проговорил он и добавил, заметив её бешеный взгляд: – Поверьте, мне тоже это не доставляет ни

малейшего удовольствия.

Скрипнув зубами, Флор не удостоила его ответом и быстро стянула оставшуюся одежду. Теперь её уже колотило. Тело затрясло от холода, стыда и полного ощущения безысходности, когда Каратель стянул перчатки, обнажив бледные, почти трупного цвета ладони.

– Вам не кажется, что было бы вежливо, объяснить свои действия?

– Нет. Руки в стороны, – коротко приказал он, и, сжав зубы, Флор подчинилась.

В тот момент, когда до кожи дотронулись чужие холодные пальцы, её едва не стошнило. Это было до ужаса омерзительно. Флор чувствовала, как вместе с чужими руками по телу скользил внимательный взгляд, исследуя каждый сантиметр обнажённого тела на скрытые датчики. Он искал любой намёк на неровность или порез, на малейшую неоднородность на гладкой коже, под которой мог прятаться передатчик. И когда Каратель добрался до выпирающей косточки на плече, от Флор не укрылось, как напряглись его руки.

– Это кость, – выплюнула она.

Ради всего! Она прекрасно знала, что несовершенна, в отличие от остальных генетически правильных женщин. Не стоило об этом напоминать так откровенно и в такой ситуации. Но Карателю, конечно, было глубоко наплевать, что могла чувствовать Флор. В его идеальном геноме давно не осталось места для чего-то подобного. Поэтому она резко

выдохнула и зажмурилась, стараясь отрешиться от ощущения касавшихся её рук, которые перебрались с груди на спину, а потом на живот. Однако, стоило им добраться до пупка, как их движение остановилось.

Флор приоткрыла глаза и с каким-то весельем смертника вдруг поняла, что Каратель был озадачен. Он смотрел на её бледный шрам внизу живота и, похоже, не знал, что с ним делать. Господи! Это уже даже не унижительно. Это просто за гранью морали!

– Это шрам, – протянула она сладко, чувствуя своё превосходство, пусть и на долю мгновения. Парадокс. Власть, которая сделала её ущербной, оказалась озадачена этой самой ущербностью. – Я думала, вы всё обо мне знаете.

– Мы не запрашивали ваше досье.

– Весьма опрометчиво, – брякнула Флор и немедленно прикусила язык, когда Каратель медленно поднял голову и уставился на неё сквозь визоры маски.

– Неужели? – тихо проговорил он, и в его электронном голосе явно слышались нотки угрозы.

– Тогда не пришлось бы вынуждать меня мёрзнуть лишние пару минут, пока вы налюбуетесь.

Кажется, она начала нести чушь. Но то ли от страха, то ли от холода, а может, от унижения, на Флор снизошло равнодушие. Её мозг просто не смог справиться с таким потоком эмоций и отключил все, позволив без содроганий пережить прикосновение к шраму и дальше...

– Мне раздвинуть ноги?

– Да, пожалуйста.

Каратель по-прежнему говорил вежливо, но в его прикосновениях больше не было деликатности. Видимо, насмешка подействовала чуть сильнее, чем думала Флор, а может, дело было в чём-то другом. Тем не менее, теперь его пальцы давили намного грубее, и к концу этой весьма сомнительной экзекуции кожа едва не горела. Наконец, он выпрямился и натянул обратно перчатки, после чего стремительно прошёл к двери, что вела обратно в душевую.

– За мной, – раздался приказ и тут же следующий, стоило Флор потянуться за оставленной на лавке одеждой: – Это вам не понадобится.

Стало понятно, что пререкаться больше не стоит. Поэтому, оказавшись опять в душевой, Флор молча ждала следующих указаний, ёжась от холода и пытаясь прикрыться хоть чем-нибудь. Волосами... рукой... А что ещё оставалось?

– После того как вас обреют и сверят идентификационные номера, возьмите щётку и тщательно вымойтесь. Позже я дам вам одежду.

– Вы... сами это сделаете? – наверное, её голос прозвучал удивительно жалобно, потому что Каратель повернул к ней свою тошнотворную маску и внимательно посмотрел сквозь чёрные визоры.

– Нет, – наконец выплюнул он.

– Но вы не уйдёте, – Флор больше не спрашивала, но всё-

таким заслужила короткий ответ.

– Нет.

Можно было и не надеяться...

Процесс бритья Флор перенесла со странным спокойствием, которое удивило даже её. В конце концов, осознание, что она здесь воспринималась исключительно как объект с зачатками интеллекта, всё же прокралось в её перепуганную голову. Действительно, по их меркам она даже не женщина. Так... некое существо, которое прямо сейчас может быть им полезно. Так что, прикрыв глаза, она молча терпела, как какой-то служащий в стандартном белом рабочем костюме елозил по голове машинкой, потом очередной осмотр, пока Каратель тщательно сверял выжженное на коже черепа идентификационное клеймо живорождённой, и, наконец, душ, где с неё снова не сводили пристального взгляда. Видимо, опять чего-то боялись.

– На вас не должно остаться ни лишних волос, ни частиц уличной пыли, – неожиданно проскрежетал Каратель, и Флор вздрогнула, едва не выронив жёсткую щётку.

– Вы же понимаете, что это физически невозможно. Только если вы снимете с меня скальп или всю кожу, – процедила она сквозь зубы, но послушно принялась скрестить руки.

Было неприятно, а в тех местах, которые особенно тщательно досмотрели, ещё и больно, но всё это не шло ни в какое сравнение с общим состоянием потерянности. Нельзя бояться бесконечно, и после ареста Мессерер, какое-то вре-

мя Флор казалось, что она навсегда избавилась от этой эмоции. Просто... перегорела. Но прямо сейчас он снова сворачивался внутри липкой змеей. И оставалось только молиться какому-нибудь божеству, чтобы никто этого не заметил, потому что в Городе было строжайше запрещено: сожалеть, сочувствовать и, конечно, бояться... В общем, ощущать именно то, что в итоге делало человека человеком. Так что Флоранс принялась усиленно тереть себя щёткой, стараясь не вызывать подозрений. Она уже и так наболтала на целую статью выговора, и удивительно, почему Хант это стерпел. Видимо, она действительно им нужна.

Когда кожа уже горела от жёсткого ворса и мыла, наконец, пришла команда заканчивать. Флор с облегчением сполоснула сероватую пену, от которой тело будто покрыло невидимой плёнкой, вытерлась безворсовым полотенцем и взяла протянутую ей стопку одежды и обувь. Такую же белую, как у других служащих.

– Эту процедуру вы будете повторять каждый раз, когда нам потребуется, до тех пор, пока ваша биота не уравниется с биотой лаборатории, – проговорил Каратель, в то время как Флор одевалась. – В раздевалку есть другой вход. Им и будете пользоваться.

– Повторять всё, включая досмотр? – перебила она.

– Только если мы сочтём это необходимым.

– А как часто я буду нужна?

– Вы сами нам это скажете, – пришёл странный ответ, и

Флор нахмурилась.

Тем временем её надзиратель ступил в одну из незамеченных ранее ниш, что своим белым цветом сливалась со стенами, и на него обрушились клубы странно пахнувшего пара.

– Дезинфектор, – пробормотала Флор, кожу которой мерзко стянуло после специфических процедур. – Почему со мной так было нельзя?

– У вас слишком много открытых участков кожи, – последовал ответ, и Каратель направился в сторону выхода. – Идёмте, пора обозначить ваш фронт работ.

Под звук тяжёлых шагов они ступили в пустой коридор, и голову Флор овеяли показавшиеся невероятно холодными сквозняки. Это было странное чувство. Она потянулась было огладить свой совершенно лысый череп, но...

– Не трогайте. Старайтесь вообще ни к чему не прикасаться.

И рука опустилась сама, словно на неё надавили.

Они шли не так долго, как хотелось бы Флор, которая мечтала оттянуть момент неизбежности. Но за вторым поворотом коридор вдруг резко закончился, и она замерла, не в силах поверить в то, что увидела.

Больше всего это напоминало вольеры, где за полупрозрачными дверями сидели, стояли или лежали женщины. В том, какого пола были заключённые, Флор не сомневалась не только из-за их лиц, которые немедленно повернулись к вошедшим, но, скорее, из-за контуров их странных фигур. Те

просвечивали сквозь матовую часть стеклянной стены, которая, с одной стороны, создавала хоть какую-то иллюзию интимности, а с другой, не скрывала совсем ничего. И это, наверное, было первым, что бросилось Флоранс в глаза. Она обвела помещение ошарашенным взглядом, мысленно считая, сколько камер было заполнено. Добравшись до пятой, Флор споткнулась на чёрной фигуре, что слишком контрастно выделялась на фоне вездесущего белого цвета, и медленно выдохнула. Артур Хант, который стоял, по привычке сцепив за спиной руки, поднял голову и чуть склонил набок, будто рассматривал вошедших. Его маска призрачно бликовала свинцовыми контурами.

– Раз вы здесь, предположу, что сюрпризов не обнаружено, – заметил он, чуть растягивая слова, и жестом отпустил её конвоира. Хант подождал, пока стихнут в глубине коридора шаги, а потом отвернулся. – Добро пожаловать.

Респиратор выдал смешок, но Флор промолчала. Она старалась не смотреть по сторонам, но глаза сами скользили по камерам, в которых шевелились фигуры. Кто-то из женщин подошёл чуть поближе, кто-то равнодушно уселся на расположенные у противоположной стены койки, и Флор видела только их мутный контур.

– Могу я узнать, что происходит? – спросила она, усилием воли отводя взгляд от одной из... заключённых? Подопытных? Её живот прижимался к стеклу, и Флор никак не могла перестать пялиться на видневшийся тёмный круг.

– Теперь да.

Хант огляделся, словно раздумывал с чего бы начать, а потом медленно двинулся вдоль камер, отчего Флор пришлось последовать за ним. И только многолетняя привычка прятать эмоции помогла сделать первый шаг. Колени задрожали, но она стиснула зубы и вынудила себя идти рядом.

– Как я вижу, искусственное деторождение более не устраивает Канцеляриат, – произнесла Флор, возможно, излишне отрывисто. Но к горлу начинала подступать тошнота.

– Не совсем. Это пока только лаборатория. Эксперимент, который проводит сейчас Канцлер, начался ещё до вашего и моего появления.

– Но зачем?

– Мы в настоящей службе Регулирования Единообразия Населения. В центре Воспроизводства, и здесь выводят новых людей, – коротко ответил Хант и, заложив руки за спину, остановился у одной из камер, которая напоминала больничную палату. – Разработанный сразу после катастрофы первыми генетиками план оказался не столь идеальным, как все надеялись. Искусственная сегрегация населения вкупе с лабораторным отбором генов привела к нежелательным мутациям, которые начали появляться независимо от степени очистки генов.

– Вы имеете в виду... ген сострадания? – Флор нервно сглотнула.

– Не только. У них падали показатели здоровья, уровень

умственной активности...

– Но данные статистики говорят об обратном!

Хант неожиданно замер и повернулся к едва не налетевшей на него Флоранс.

– Это *официальные* данные, – тихо произнёс он, и в его голосе слышалась пренебрежительная усмешка. – Вы же не думали, что мы подвергнем население Города опасности сомнений?

– Нет, – прошептала она, глядя прямоком в визоры маски.

– Город должен работать, как единый слаженный механизм. Если одна шестерёнка даёт осечку, высок шанс, что сломается весь аппарат. – Они двинулись дальше, явно вознамерившись обойти по кругу всё большое помещение. – Поэтому первые учёные хотели подчинить себе каждый этап. Чтобы выжить, населению и Городу нужна была регулярная ротация здорового населения. И поскольку человеческое существо морально слабо, было решено избавиться от мук совести, которые неизбежно привели бы к волнениям, бунтам и, как следствие, всеобщей гибели. К сожалению, со временем стало ясно, что человеческий геном довольно упрям и...

– На каждое действие он отвечает противодействием, – снова перебила Флор, которая слишком задумалась, чтобы вовремя прикусить язык.

– Верно.

– Это основная форма защиты от факторов извне. Мир не любит стерильности и пытается заполнить её всеми доступ-

ными способами. Чем «чище» ген, тем агрессивней ответ. Поэтому вы решили...

Флор почувствовала, как холодеют руки. Они же не хотят сказать, что выводят здесь... Что занимаются...

– Мы имитируем естественную эволюцию, – буднично отозвался Хант, и Флор затошнило. – «Усыпляем» бдительность генома и ускоряем процесс. Поэтому мы подвергли вас таким процедурам – исключаем малейшую возможность непредсказуемого влияния.

– Абсурд. Нельзя внедрить ген помидора лишь натерев человека помидором!

– Вы можете принести на себе ненужный вирус или бактерии, что внесёт непоправимые изменения. Работу придётся начинать сначала. Нам нужны лучшие.

– А...

– Бракованные? Уничтожаем.

Хант снова остановился и повернулся к Флор, которая сама не понимала, как ещё не бьётся от безысходности о прозрачные стены этой «лаборатории». Бесчеловечно. Это просто бесчеловечно! Апогей цинизма. Люди не звери! Не лабораторные мыши!

– Думаю, вам будет интересно знать, кто автор и вдохновитель этой идеи, – вдруг заметил он.

– Вряд ли.

– Отчего же? – Хант слегка наклонил голову вбок. Верный признак, что он внимательно наблюдал. – Всегда надо пом-

нить о тех, кто работал на благо Города. Их имена выписаны на стенах Башни, а Руфь Мессерер была, без сомнений, гениальным генетиком...

Флор медленно подняла взгляд, и мыслей в голове не осталось. Руфь? Он сказал: «Руфь»? Чёрные визоры маски пялились, казалось, в самую душу, словно пытались считать эмоции. В ушах зазвенело, перед глазами поплыли цветные круги, а Хант продолжил:

– Наш эксперимент начался более тридцати лет назад. И именно Мессерер, в своё время, придумала систему отбора для кандидатов. Вы понимаете, о чём я?

– Генетические карты, – едва ворочая языком пробормотала Флоранс, мир которой так громко трещал по швам, что она почти не слышала Ханта.

– Совершенно верно. Мы запретили естественное размножение, которое вносило слишком много искажений в просчитанную эволюционную цепочку, и каждый год тщательно отбираем кандидатов. Сейчас идёт работа со вторым поколением, третье, по мнению наших генетиков, должно закрепить выведенную мутацию. Ну а это, – он обвёл рукой помещение, – наши лучшие экспериментальные образцы. Будущая основа, которой вы и будете заниматься.

Флор взглянула на одну из камер, где по-прежнему, прижавшись большим животом к стеклу, стояла одна из подопытных, и почувствовала, как неистово колотится сердце. Оно забилось так сильно, что единственное рабочее лёгкое

закололо от безрезультатной попытки вздохнуть. Флор попросту не могла. Пыталась, молча хватала ртом воздух, но тот словно жёг пересохшую от волнения гортань. Впервые в жизни Флор чувствовала полную безысходность.

– Чем... чем именно занималась Мессерер? – едва слышно спросила она и сама не поняла, как смогла это сделать.

– Ей принадлежит идеология и разработка методики. Скажем так, она была нашим гением. Автором «генетического совершенства». Всем этим, включая меня, но не вас, мы обязаны именно ей.

Хант полупочтительно-полушутливо склонил голову, словно отдавал дань уважения памяти собственноручно казнённой женщины, а Флор почувствовала, что её сейчас вырвет. Взгляд снова скользнул по светлым камерам. Это всё сделала Руфь? Она? Женщина, которую они боготворили? Которая была для них светом, верой... надеждой? Но как это возможно? Как вообще с этим потом можно жить?!

– В последние годы она занималась исключительно теоретическими исследованиями. И, видимо, слишком увлеклась. Тем не менее на работе лабораторий это не скажется.

Не скажется... Значит, они будут продолжать.

– Что вы хотите получить в конце... экспериментов? – сипло спросила Флор отвернувшись и вдруг ощутила горечь на языке. Она сглотнула, а потом вдруг с каким-то истеричным смешком вдруг подумала, что вот так ощущается на вкус предательство. *Руфь... Руфь! Что ты наделала? По-*

чему? Флор не понимала, как не понимала, что должно будет случиться, чтобы она смогла *это* простить. Невозможно. Слишком бесчеловечно!

– Процветающее общество, – тем временем с лёгким налётом электронного удивления ответил Хант, и Флор едва не расхохоталась.

Ах, конечно. Всеобщее благо! О! Это было идеальное преступление, где жертва была же его исполнителем. Ведь, на самом-то деле, люди никому не нужны. Только масса, которая обеспечила бы существование Города. Замкнутый круг из рождения, жизни и смерти, у которого нет ни цели, ни смысла. Как у самой Флор... Но она-то была обречена ещё до рождения! А они... Она снова обвела взглядом камеры и поняла, что не справится. Просто не вынесет. Никогда! Она никогда...

На плечо опустилась тяжёлая рука в чёрной перчатке, и Флор вздрогнула.

– Ваши обязанности довольно просты. – Хант встал так близко, что можно было рассмотреть контуры глаз за стеклом визоров. – Дайте нам сверхчеловека.

– Почему я? Моим делом всегда была только ботаника! – Флор облизнула пересохшие губы, чувствуя себя загнанным в угол крысёнком. Собственно, она таким и была.

– Вас рекомендовала Мессерер. – И маска опять чуть наклонилась, ещё больше приблизившись к Флор.

– Но...

– Она была *хорошим* генетиком независимо от... политических убеждений. Надеюсь, вы не хуже.

Респиратор с шумом выдавил из себя воздух, и Флор на секунду зажмурилась.

– Так что, вы согласны?

И вопрос в его голосе звучал лишь формальностью. Флоранс отвела взгляд.

– Зачем вы спрашиваете? Выбора ведь всё равно нет...

Давление на плечо исчезло, и Хант, развернувшись, направился в сторону выхода.

– Выбор есть всегда, – бросил он. – Хотя теперь он весьма тривиальный. Жить и принести пользу Городу, или же умереть. Видите, всё очень просто.

Действительно. Проще ведь не бывает. Флор едва не фыркнула от абсурда, но тут Хант вдруг оглянулся.

– Вы идёте?

Взгляд Флор опять остановился на той самой беременной, что весь разговор простояла около стеклянной стены. Она смотрела так настойчиво, словно пыталась что-то безмолвно сказать, но боялась быть пойманной. Только лишь когда Хант отвернулся, женщина отступила вглубь своей белой комнаты. И было что-то особенное в упрямом выражении её лица, отчего Флор против воли медленно проговорила:

– Да.

Полутёмный зал казался пустым, если не считать пары занятых кресел да мелькавших на фоне неоновых вывесок редких теней. На крошечной сцене томно извивалось нечто в пошлых рюшах и кружевах, в воздухе чувствовался синтетический аромат сигарет, сандала и пряной выпивки. Застывший на пороге Артур позволил дверям у себя за спиной закрыться с тихим шипением, огляделся, а потом с лёгкой усмешкой уверенно направился между столиками, стараясь не привлекать внимания к своей долговязой фигуре. Он отлично видел в этом сиреновом полумраке, а потому скривился от отвращения, заметив чью-то голую задницу в третьей кабинке, но промолчал. В конце концов, если его брезгливость и чувство меры не позволяли, точно полоумному сношаться с первой же из подвернувшихся официанток, то до остальных ему не было дела, пока всё происходило в рамках закона. А тот оставался за дверями в эту часть Башни.

Служба Отдыха, состоявшая из целого комплекса на нескольких этажах, находилась в её самом дальнем «зубце» и предоставляла услуги разного толка. Об этом месте в Городе ходили разные слухи, когда, разумеется, не могли быть услышаны посторонними, но доподлинно знали о том, что происходит за этими бетонными стенами, только привилегированные жители Башни. Здесь можно было найти практически всё. На любой вкус, цвет, размер и гендерные предпочтения... Но, главное, здесь можно было поговорить без лишних свидетелей.

Так что, нырнув в давно облюбованную кабинку, Хант на мгновение замер, а потом фыркнул.

– Иди, милая.

Сидевший в кресле Вард легко шлёпнул по ягодице улёгшуюся на нём девицу и неохотно помог той слезть с колен. Прикасаться к этим женщинам больше положенного Юджин не любил, а потому немедленно потянулся к журчащему рядом декоративному фонтанчику, где без капли стеснения сполоснул руки. Его шлем валялся на столике рядом, и Хант с наслаждением стянул свой, пригладив рукой неизбежно растрепавшиеся волосы.

– Мог бы и не прогонять её, – заметил он и уселся в соседнее кресло, впервые за день позволив себе немного расслабиться. Он не снимал доспехи уже двое суток, и плечи неистово ныли, так что Хант нетерпеливо дёрнул на груди одну из застёжек, едва не зашипев от боли в обожжённых пальцах. Вард неопределённо махнул рукой.

– Ну раз ты пришёл один, то веселья уже можно не ждать. А раз веселья можно не ждать, то намечается разговор. И поскольку я, кажется, знаю, о ком он будет, то лишние свидетели нам не нужны.

Хант поднял бровь, помолчал, а потом рассмеялся и покачал головой.

– Мда.

– И пока ты не разразился пространной тирадой, замечу – зря.

– Что именно? – устало спросил Хант, а Юджин высокомерно скривился и потянулся к стакану с выпивкой, который стоял на небольшом столике рядом. Он сделал пару глотков и указал бокалом на две тёмно-серые папки.

– Зря взял эту Мэй. Слишком молода. Я всё-таки почитал досье.

– У неё хорошие показатели интеллекта, к тому же, Мессерер готовила её своей преемницей.

– Вот именно. Мы знаем, что она подделывала результаты. И Мэй может вполне оказаться одной из этих сепаратистов, а ты впустил её в святая святых.

– Святая святых – это апартаменты Суприма, всё остальное имеет вторичную важность.

– Хант!

– Я слушаю тебя, – Артур медленно повернул голову и посмотрел прямо в глаза Юджина, которые бледно светились в полумраке кабинки. – Ну?

– Ты даже не перепроверил её генетическую карту! – воскликнул Вард, но осёкся, заметив появившуюся на лице Ханта кривую улыбку. – Ты специально...

Артур кивнул и устало прикрыл глаза.

– Первое правило крупной охоты – дай почувствовать жертве свою безопасность. Если наша зверушка ни в чём не виновата, мы ничего не теряем. Но если она как-то связана с Сопротивлением, я обязательно это узнаю. Из всех, кто остался в Лаборатории Мессерер, она единственная, кто

дотягивает показателями до стандартов Канцеляриата. Если честно, выбирать было попросту не из кого.

Хант расстроено покачал головой и откинулся на спинку кресла. Вард же помолчал, прежде чем недовольно покачал головой и сделал глоток, скривившись от приторного вкуса выпивки. Артур хохотнул. Алкоголь считался в Городе привилегией избранных, но даже это не могло заставить Ханта пить ту сладкую дрянь, которую делали из многолетней пшеницы. Невыносимая дрянь.

– Что показал досмотр? – спросил он.

– Чиста. Будь на ней что-то, я бы её не привёл.

Хант протянул руку и подцепил верхнюю папку с досье. Открыв на первой странице, он уставился на снимок Мэй. На первый взгляд в ней не было ничего необычного или настораживающего. На Артура смотрела молодая женщина весьма обычной наружности. Разве что её глаза можно было назвать хоть сколько-нибудь красивыми, – синие, как небо на старых картинах, – но и те портили нависшие веки, излишняя худоба лица и какая-то общая угловатость. Правда, череп был до странного правильным, хотя под кудрявыми волосами этого было, конечно, не видно.

– Вижу, ты уже ознакомился. – Хант брезгливо смахнул какие-то крошки, что прилипли к странице. – Партнёр? Дети есть?

Послышалось фыркание, а потом судорожный кашель.

– Живорождённая дочь бунтовщиков, Хант, – выдавил из

себя Юджин, который всё никак не мог откашляться. — Хорошо, если влагалище не зашито. Так глубоко я её не досматривал.

Он хохотнул, но осёкся под ледяным взглядом и сухо добавил.

— Стерилизована в десять лет. Живёт одна.

Артур снова посмотрел на фотографию. Что же, это многое объясняло. По крайней мере, недостаточный по меркам Города рост и общую недоразвитость вторичных половых признаков до установленного Канцеляриатом стандарта. Флоранс Мэй была определённо ущербна, хоть в том и не её вина.

— Я был на казни её родителей. Сколько ей тогда было? Год? Два? — спросил он, вглядываясь чуть внимательнее в попытке уловить то неясное чувство, которое засело где-то в висках и теперь сильно зудело. Хант чуть склонил голову набок и вдруг понял — глаза. Он, кажется, уже видел этот взгляд раньше. Или нет? Артур нахмурился.

— А какая разница? — брезгливо скривился Вард. — Оба синтезированы и выращены на человеческой Ферме. Генетических карт, разумеется, не осталось. Но, насколько я понял, они были с мутацией гена. Отсюда и дурацкое восстание. Их казнили, девочку отправили в Интернат.

— Удивительное место, — пробормотал Хант. Он захлопнул папку и поднял взгляд, когда в их кабинку вошла одна из официанток. — От шлюх до учёных. Должен заметить, у них

большой разброс... образовательных программ.

– И излишняя страсть к стерилизации. Чёртова политика генетического совершенства.

– Это не прихоть, а необходимость. Вряд ли ты захочешь окончить жизнь на эшафоте, если у тебя найдут пару дефектных потомков от местной танцовщицы.

– Да я первый сверну им шею, – рассмеялся Вард, и Хант криво улыбнулся. – Но всё-таки какие-то они не такие после этой процедуры.

Артур ничего не ответил. Вместо этого он потянулся ко второй папке и открыл анкету, едва успев подхватить выпавший оттуда снимок. Ну а сидевший рядом Вард вдруг отсалютовал стаканом в сторону фотографии в руках Ханта:

– Кстати, ещё тогда хотел сказать. Ты видел? У вас с Мессерер одинаковые ямочки на подбородке. Вот правильно говорят ребята с Фермы, что мы здесь все родственники. Возможно, я даже кувыркался со своей дальней сестрёнкой два дня назад...

– Надеюсь, что нет. И надеюсь, что с *этой* меня не связывает ничего, – процедил Артур и брезгливо отложил снимок.

Воспоминание о треске, с которым рвались под лезвием мышцы и ткани на горле Руфь Мессерер, попробовали было прорваться наружу, но были тут же задавлены волей. Вместо этого Хант вновь посмотрел на досье. Во время суда эту карту не раз читали и перечитывали, отчего пластиковое покрытие на страницах чуть стёрлось и теперь казалось шер-

шавым. Не задумываясь, что он делает, Хант стянул перчатку и коснулся одного из обтрёпанных уголков.

– Вот дерьмо, – послышалось бульканье, и Юджин наклонился вперёд, разглядывая сморщенную обожжённую кожу на руках Ханта. – Что за... Ты что, трогал работающий Щит?

– Оставил нашим бунтарям знак, что их послание достигло своего адресата, – сухо отозвался Артур, захлопнул досье и натянул обратно перчатку. – Посмотрим, что они выкинут дальше.

Он замолчал, всё ещё гипнотизируя взглядом фотографию Мэй, а потом тяжело поднялся.

– Ты будешь завтра на торжественной мессе по случаю очередной годовщины основания Города?

– Смотреть на святош Суприма под звуки их заунывных песнопений? – скривился Вард и прижал ко лбу зеленоватый стакан. – Нет уж. Тошнотворное зрелище.

– Церковь один из важнейших институтов Города.

– Только не говори, что вдруг уверовал, – перебил Юджин, нахально растягивая слова, и Хант фыркнул.

Нет, он не верил. Но правила всегда оставались правилами. На этом строилась безопасность, потому что *Город превыше всего!*

Глава 3

Человечностью называют способность участвовать в судьбе других людей. Но что это значит? Будет ли человечностью отстаивание своих личных идей ради жизни многих других? Или это забота о большинстве в ущерб единицам? Кто более человечен – тот, кто до последнего оказывает помощь смертельно больному, или другой, который решит проявить своё милосердие просто добив? Где та грань, что определяет человека в самом человеке?

У меня не было на это ответа. Мало того, у меня никогда не должно было даже возникнуть такого вопроса, но... Всё изменилось в тот день, когда я вдруг поняла, что стала той гранью. Что только моя мораль, предпочтения, вкусы определяли необходимый уровень человечности. Я оказалась мерилom, и мне стало страшно.

Мы назвали его в честь себя. Довольно самовлюблённо, но он действительно был нашим творением во всех смыслах. Мой и Алекса. Вторая попытка. Эксперимент, что увенчался успехом и положил начало новой теории совершенных людей.

Дневник Руфь Мессерер

Флор сильнее запахла тёмно-серое пальто и надвинула капюшон, скрывая лицо от вездесущих датчиков слежения.

Из-за магнитного поля Щита обычная техника работала в Городе нестабильно, но эти маленькие «глаза Канцеляриата» реагировали на движение и немедленно сообщали о местонахождении нарушителя режима или комендантского часа напрямиком в службу Карателей. Так что приходилось быть осторожным и не попадать в полосы холодного света чахлых уличных фонарей. Флор осторожно посмотрела по сторонам и быстро перебежала пустую мостовую.

В воздухе летала мелкая морось, от которой щекотало в носу, и было так сыро, что синтетическая ткань не справлялась. Стук маленьких каблучков эхом разносился по каменной улице, и как бы Флор ни старалась ступать тише, казалось, на этот звук сейчас слетится все патрули Города. Она нервно оглянулась, уклоняясь от скользившего луча прожектора, и в последний момент успела прижаться к грязной стене, растворяясь в сумраке ночи. Послышался рокот двигателей, и мимо ниши, где спряталась Флор, один за другим пронеслось пять чёрных глиссеров. Сердце нервно всхлипнуло, ладони вспотели, а ругательства повисли на языке, который она успела прикусить в последний момент. Флор прикрыла глаза, медленно выдохнула и хотела было по нервной привычке пригладить волосы, но вовремя одёрнула себя. Обновлённый идентификационный номер живорождённой мерзко зудел, горяча тонкую кожу головы. Это была ещё одна унижительная процедура, на которой, слава богу, не было никого, кроме человека из отдела Регулирования Единообразия. Так

что поморщившись от неприятных ощущений, когда тонкая короста на голове зацепилась за ткань, Флор осторожно высунулась из укрытия, от чего за спиной тут же с тихим шорохом посыпался на землю бетонная крошка обветшавшей с годами стены, и прислушалась к удалявшемуся гулу машин.

Вот уже несколько дней Хант и его люди рыскали по всему Городу. Они прочёсывали каждый уголок рядом с местом, где была оставлена надпись: исследовали жилые кварталы, трущобы, иногда вылавливали людей прямо на улицах. И Флор, которая едва не попалась, нервно вздохнула.

Всё это время она была сама не своя. В голове царил кавардак, который никак не давал сосредоточиться, а прошлой ночью одолело такое отчаяние, что хотелось завывать. Мир рухнул. В этом Флор призналась себе едва ли не сразу, как за Хантом закрылась белая дверь, и она осталась один на один с открывшейся правдой. Флор её не хотела. Отчаянно сопротивлялась малейшим попыткам анализа, но перед глазами стояли лысые головы девушек в камерах, их животы и, конечно же, Руфь, чей призрачный взгляд смотрел в самую душу. А ещё тот самый указ Канцеляриата. Флор буквально вчера нашла его в архивах, и стоило лишь дать себе подзатыльник, что никогда прежде ей не приходила мысль прочитать его полностью. Всю свою жизнь воспринимая этот проклятый указ как данность, она никогда хотела узнать – почему. Почему так всё случилось? А сейчас, глядя на подписи и заключение главы Лаборатории Перспективных Исследова-

ний, поняла, что просто мешалась. Флор и ей подобные были слишком уже неудобными, а значит опасными. И никогда не должны создавать подобных себе. Вот и всё.

И интересно, что она сказала бы Руфь, будь такая возможность? Кричала бы? Требовала извинений? За враньё, за двуличность, наконец, за своё ущербное тело? Ведь это из-за неё Флоранс стала такой! Она не «генетическое совершенство». Она – куча проблем и насмешка над системой, что в погоне за идеальностью сама убила себя.

Флор выдохнула и покачала головой. Так, что бы она ей сказала? Увы, ответа не было. Флор почувствовала, как в груди опять тоскливо заныло, когда от быстрого шага в искалеченных лёгких закончился воздух. Она постаралась медленно выдохнуть и вновь огляделась по сторонам, сквозь гул Щита вслушиваясь не раздаются ли шаги или рёв двигателей. В лицо летели мелкие капли дождя, и дышать было чертовски трудно, но она сделала ещё пару шагов, прежде чем снова настороженно остановилась. Идти не хотелось. Вообще ничего уже не хотелось, но надо было добраться до места встречи и постараться не нарваться на новый патруль.

Оглянувшись, Флор показала язык увешанной плакатами стене тёмного дома. «Сила и Справедливость» гласил многократно повторявшийся слоган, тщательно выписанный поверх маски Карателя. Какая же чушь! Фыркнув, она поспешила дальше по тёмной и узкой улице, где, кажется, даже безумные ветра Бурь не могли справиться с вечным запахом

плесени. Фу!

Если честно, для служб Канцеляриата в этой части Города не было ничего интересного. Несколько фабрик, два городских водогенератора и завод по очистке воздуха для резервных систем вентиляции, который усердно выбрасывал клубы неприятно пахнувшего дыма. Тот стелился по углам улицы, и Флор брела в нём, точно в тумане. Несколько лет назад автоматизированные заводы, которые дымили сладковатыми выхлопами, служили притоном для городских наркоманов, но после очередного рейда здесь никого осталось. Именно поэтому Стив выбрал это место для экстренных встреч, и до позапрошлой ночи оно было весьма безопасно, однако теперь Хант был настороже.

Как они и предполагали, Цербер Канцлера страдал паранойей, что лишь усугубляло шаткое положение их Сопротивления. Поэтому Флор честно выждала пару дней, боясь вызвать малейшие подозрения, прежде чем смогла отправить Стивену восточку, о чём теперь успела пожалеть уже трижды.

«Хант идёт за тобой», – гласила нацарапанная впопыхах записка от Бет, о которой Флор давным-давно позабыла. О ней она вспомнила только сегодня, когда обнаружила смятый листок в кармане своего платья, и грустно хмыкнула. Поздно. Уже пришёл. Так что сбегать на встречу сегодня было действительно глупо, но Флор не могла заставить себя спасти шкуру, пока другие рисковали своей. Вот, например,

тот же Герберт... Он ведь тоже предупреждал.

В том, что однажды главный Каратель заинтересуется личностью протеже Мессерер, никто из них не сомневался. Сразу после ареста Руфь взволнованный Стивен настаивал, чтобы Флор скрылась. Он уговаривал спрятаться, кричал и даже один раз угрожал, – в конце концов, допрос под инъекцией психотропов казался вполне логичным следующим ходом для Ханта, – однако ни во время расследования, ни перед казнью, ни позже Флор так и не тронули. Каждый день спускаясь в Теплицы, она ждала что её вот-вот схватят, но... Вместо этого Флор допустили туда, где дочери мятежников было не место. Уж скорее на плахе рядом с Руфь Мессерер! Однако, вопреки любой логике, она была жива. До сих пор. И это наводило на странные мысли, будто за ней наблюдали и ждали малейшего повода перерезать Флор глотку на виду у равнодушной толпы. Если, конечно, не свершится вселенское чудо и она не переманит главу Карательной службы на свою сторону.

От мысли, что Хант может растрогаться и с чувством вселенского сожаления предать Канцлера, встав на сторону сепаратистов, Флор едва не зашлась истерическим смехом. Глаза заслезились, в носу зашипало, и она едва сдержалась, чтобы не фыркнуть. Зажав рукой рот, Флор покачала головой и поспешила укрыться от очередного светового луча в тупике. Стук каблуков стал ещё громче, и пришлось стянуть обувь, чувствуя, как немедленно стынут ноги на холодных

камнях. Дерьмо! Чёрт возьми, ну в какое же дерьмо их вляпала Мессерер со своим Хантом. Почему нельзя было просто взорвать эту Башню вместе со всеми ублюдками, что там засели? Со всеми карателями, шлюхами, лаборантами, беременными и даже младенцами, что мирно спали в электронной утробе Генетической Фермы в южном крыле? Почему она должна сожалеть о смерти этих... будущих уродов системы и, будь всё проклято, *действительно сожалела*?!

Флор замерла на середине дороги и прикрыла глаза. Судорожный вздох вырвался сам, когда она сжала в руках свои ботинки так сильно, что металлические клёпки больно впились в ладонь. К сожалению, она знала ответ на каждый провокационный вопрос. Давным-давно нашла объяснение порой не самым счастливым чувствам, которые будила внутри мутация того самого гена. В конце концов, что ещё остаётся тем немногим, кто не хочет уподобиться Канцеляриату? Только сомнения, сожаления и одиночество. Сомнения в каждом поступке и действии, сожаление, когда вновь окажешься прав, и... как итог всему – одиночество. Видимо, о чём-то подобном и думала Руфь, когда просила дать шанс даже Артуру Ханту.

Впрочем, если хорошенько подумать, все цепочки всё равно вели именно к этому человеку. Всё в жизни Флор и остальных вертелось вокруг его личности, дел и возможных поступков. Затевая любое предприятие, будь то очередное исследование катакомб или вылазка за пределы Щита

в поисках проклятого «Тифона», необходимо было учитывать совершенно непредсказуемые действия Артура Ханта. Он был тем неизвестным, что тянулось из уравнения в уравнение, сколько ни совершай итераций, и от которого невозможно было избавиться. Хант был везде, в каждом вздохе, движении, мысли и невероятно мешал.

Флоранс снова вздохнула, чувствуя, как прорезало болью, видимо, одну из сожжённых долей правого лёгкого. Бок обожгло так, что она согнулась пополам и почти минуту безрезультатно хватала ртом воздух. Чёртова жизнь! До места встречи оставалось совсем немного, но чем ближе был Щит, тем труднее становилось дышать. Организм будто бы вспоминал, как плавилась от магнитного поля ткани, и отказывался двигаться дальше. Что-что, а инстинкт самосохранения не убить никакой идеальной селекцией.

– Ну же! Хватит страдать! – прошипела Флор и со всей силы залепила себе оплеуху, звон от которой разлетелся по каменному тупику.

Вышло больно, но перед глазами всё прояснилось, и, медленно вдохнув влажный воздух с каплями мороси, она поспешила вперёд. Капюшон едва не слетел, но Флор успела подхватить его край и натянула поглубже, скрывая под ним лысую голову. Это тоже предстояло как-то объяснить Стивену...

Встреча была назначена в одном из старых складов, ко-

торый раньше использовался службой обслуживания Щита. Стивен обнаружил его ещё во время работы на Город, и теперь тщательно оберегал. Здесь хранились тонкие свинцовые плиты, что составляли главный контур защиты от налетавших время от времени Бурь, а значит, нуждались в частой замене. Однако после создания сети подземных тоннелей по периметру города, помещение оказалось заброшено и поэтому подходило вот для таких экстренных встреч, когда выбраться из Города было попросту невозможно.

Сегодня Флоранс опаздывала. Она знала, что собрание уже началось, и отчаянно спешила. С трудом толкнув тяжёлую металлическую дверь, Флор торопливо нацепила злощастные ботинки и сбежала по лестнице в полуподвальное помещение, откуда доносились людские голоса. Едва не споткнувшись на последней ступеньке, она резко затормозила рядом с высокой мужской фигурой, одетой в стандартную форму Карателя, и махнула рукой Стиву. Он стоял в центре толпы и что-то старательно объяснял.

– Ах, вот и ты, – тихо проговорил Герберт Льюис, посмотрел на неё сверху вниз и улыбнулся одной половиной рта. Вторая была парализована после одного из допросов у Ханта и оставалась трагично серьёзной, придавая лицу лёгкий оттенок постоянной насмешки. – Стив уже несколько раз спрашивал. Кажется, готов был сам бежать под прожектор на твои поиски.

Флор усмехнулась и молча стиснула его руку в чёрной

перчатке – точно такой же, что два дня назад едва не оставила синяки на её челюсти.

– Я слышал новости, – тихо продолжил тем временем Льюис, заметив, как Флор натянула поглубже капюшон. – Вард плохо держит язык за зубами, если его что-то злит. А ты, похоже, постаралась на славу.

– Он был груб.

– А ты ждала реверансов?

Светлая бровь Герберта взмыла вверх, и Флор хмыкнула. Хорошо было иронизировать над ситуацией, когда опасность уже миновала. Впрочем, Льюис явно считал иначе, потому что тут же нахмурился.

– Это было слишком рискованно. Когда Стивен узнает, он тебя не отпустит.

– Тогда стоит ли ему говорить? – тихо откликнулась Флор и получила в ответ осуждающий взгляд.

– Шутки закончились, Колокольчик. Ты попала в лапы к самому Ханту, и хотя я не знаю, чем ты там занимаешься, но простым допросом уже не отделаешься. Он с тебя кожу живьём снимет, если заподозрит хотя бы в малейшем нарушении закона Лояльности. – Герберт поджал тонкие губы, и его серые, как небо, глаза чуть прищурились. – Стоит ли дело такого риска?

– Если в конце мы всё-таки победим, то безусловно.

Льюис посмотрел на неё с укоризной, сомневаясь не шутит ли опять Флор, и по привычке сцепил за спиной руки в

позе «Спокойствия». Он молчал долго, видимо, взвешивая на каких-то своих внутренних весах варианты и возможные последствия, прежде чем всё же тихо сказал:

– Я не смогу тебя защитить, если что-то случится.

– Если что-то случится, меня уже никто не спасёт, – так же едва слышно отозвалась Флор и натянуто улыбнулась, заметив брошенный на неё встревоженный взгляд. – Тебе нельзя больше рисковать своим положением. Хант не простит во второй раз.

– Он и в первый меня не прощал.

Льюис чуть дёрнул подвижной щекой и посмотрел на что-то вещавшего Стивена, молча показывая, что разговорам стоило пока подождать. Флоранс же перевела взгляд на стоявшую неподалёку девушку, которая делала вид, что усиленно слушает речь их нового предводителя, пока сама то и дело украдкой смотрела на Герберта. Её рука словно бы невзначай покоилась на большом животе, и Флор вдруг подумала, что Стивену не стоило разрешать ей приходить. Было слишком опасно, а срок Джуди уже подходил, однако... Из груди в который раз за сегодня вырвался тяжкий вздох. К сожалению, для Джуди и Герберта сегодня была одна из немногих возможностей наконец-то увидеться. Никто не знал, когда это получится снова – быть может, лишь через месяц или же два, или полгода... или вообще никогда. Поэтому Флор прекрасно понимала и Джу, которая искала любую возможность хоть немного побыть рядом с Гербертом, и, конечно же, Стивена.

Флор не знала, как именно они повстречались. Джуди тогда работала в городских Теплицах, а Льюис...

Льюис был одним из Карателей в личной гвардии Ханта. Почти такой же высокий и широкоплечий, как и сам Хант, в своих стандартных доспехах он производил пугающее впечатление, даже сняв неизбежную маску. Что и как нашла в нём когда-то Джу, вечно скептическая Флор не представляла. В силу работы и полученного в академии образования Льюис был нелюдим. Даже на собраниях он обычно молчал, а если и открывал рот, то лишь для того, чтобы коротко с чем-нибудь согласиться. В остальных случаях ему достаточно было бросить презрительный взгляд, и споривший с ним человек умолкал. Он был светловолосым, как и все «дети пробирки», абсолютно здоров и невероятно силен.

Джуди же была совершенно другой. Тонкая, вся будто сотканная из радужных отблесков, что вечно плясали на дорожках в вверенной ей тридцатой теплице – самой красивой, полной цветов для Оранжереи Суприма. И она была точно такой же: светловолосой, как бутоны белых цветов, и забавно курносой. Джуди звонко смеялась, пела весёлые песенки и рядом с ней было удивительно хорошо. Флор не сомневалась, что та станет восхитительной матерью. Однако, что именно произошло между ней и Льюисом и как вообще такие отношения оказались возможны, доподлинно не знал никто.

Впрочем, о многом Флор догадалась сама. Например, она

знала, что их первый ребёнок погиб ещё у Джуди в утробе и что только это спасло тогда Льюиса от немедленной казни. Хант никому не прощал нарушения правил, и этих двоих неизбежно ждала бы «инъекция смерти», но в нужный момент Герберта нашла Руфь и предложила довольно циничную сделку. Мессерер не давала гарантий, что сам он выживет, но обещала позаботиться и спрятать Джу в обмен на нужные сведения. Льюис согласился и с риском для жизни стал ценным шпионом их небольшого Сопротивления. Ну а Джуди, как и обещала Мессерер, по всем документам была вот уже пару лет как мертва.

Был ли такой выбор приемлемым? Флор не бралась судить этих двоих. Она ещё никогда никого не любила, чтобы поставить себя на их место и попробовать поразмышлять. Ей вообще часто казалось, что найденная у неё мутация гена так и осталась где-то в зачатке, не развившись до полноценного сострадания. Впрочем, именно это помогало ей без подозрений вот уже несколько лет работать в самом центре Канцеляриата, добывая нужные сведения.

– У меня есть новости о «Тифоне», – неожиданно проговорил Герберт, и Флор подняла на него взгляд.

– Это отлично. Потому что у меня тоже есть несколько новостей, – мрачно отозвалась она.

– Судя по твоему тону, ничего хорошего ждать не стоит.

– Когда было иначе? – хмыкнула Флор и перевела взгляд на Джуди. Следующие слова вырвались сами: – Ей больше

не безопасно сюда приходить.

– Я знаю.

– Это место слишком близко к Щиту, если сейчас объявят тревогу, плохо будет всем. Но ей особенно.

– Я. Знаю.

– У неё слишком большой срок. Нельзя так рисковать и...

– Я. ЗНАЮ! – не выдержал Герберт. Он стиснул зубы и упрямо наклонил вперёд голову, с такой силой сжав за спиной руки, что кожа перчаток испуганно затрещала. Флор смотрела на него несколько долгих мгновений, прежде чем покачала головой и отвернулась. Вот дура!

– Прости, я... Мне... – Флоранс хотелось дать себе хорошего тумака, чтобы перестать наконец заикаться, но холодный взгляд Льюиса, от которого по спине побежали мурашки, не настраивал на разговоры. Так что она прикусила до боли язык и ровным голосом проговорила: – Идём, мне надо вам кое-что рассказать.

К тому моменту, как они добрались до Стивена, толпа вокруг него поредела. Возможно, этому поспособствовало упрямое выражение лица Флор, но, скорее, огромная фигура Льюиса, что возвышалась у неё за спиной. Герберта здесь не очень любили. Вернее, не доверяли. Он это понимал и относился к подозрениям весьма философски, отвечая фирменным взглядом на все вопросы недоброжелателей. К счастью, Стивен, который взял на себя бремя лидерства, хоть и был склонен к излишним предубеждениям, но смог трезво оце-

нить ту удачу, какой оказался для них Льюис. Поэтому, стоило им только приблизиться, он немедленно оборвал разговор и повернулся.

– Флор! – зашипел Стивен и попробовал было то ли обнять, то ли что-то ещё, но вовремя остановился, заметив её недобрый взгляд. – Где тебя носит? Я уже думал отправлять на твои поиски Герберта...

Несмотря на всё своё здравомыслие, Стивен был слишком категоричным. Особенно его почему-то всегда беспокоило поведение Флор, которая не находила ни одной дельной причины для такого внимания и невольно морщилась, когда, по её мнению, он хватал через край. Но сегодня волнение было оправдано, так что она поспешила его успокоить. Ну... насколько это было возможно в их весьма непростой ситуации.

– Всё в порядке. Просто пару раз нарвалась на патруль, – пробормотала она и осторожно взяла Стива под локоть, чтобы отвести в сторону.

– Слышал. Похоже, уродец Хант окончательно рехнулся на почве своей подозрительности, – процедил Стивен, а потом повернулся к шедшему следом Льюису. – Напомни, почему ты не можешь просто свернуть ему шею?

– Потому что он успеет свернуть мою мгновением раньше, – сухо откликнулся Герберт и вдруг добавил. – Приказ Верховного Канцлера.

В этом была ещё одна ещё одна странность Льюиса, которую не понимали все остальные, но очень ценила Флор. Он

никогда не говорил плохо об Артуре Ханте. Какое бы бесчинство, по мнению Стивена, тот ни творил, у Герберта всегда был один ответ – приказ. Хант жил по инструкции, потому что действительно искренне верил в правильность буквы закона. Лишённый, кажется, даже обычных человеческих чувств, не говоря уж о сострадании, он подменял их преданностью Канцлеру и видел своей единственной целью служение Городу. Хант был, как инструмент: острый, прочный, безжалостный, но... не уникальный. Стоит ему лишь слегка затупиться, как его тут же заменят другим. Флор не сомневалась, что он это знал. И эта фанатичная жертвенность, вопреки здравому смыслу, вызывала если не одобрение, ввиду полной бесчеловечности главы Карательной службы, то хотя бы толику уважения. Ну а Герберт, который до недавнего времени был точно таким же, прекрасно понимал мотивацию Ханта.

– Ах, главный психованный выродок этого гадюшника, – прорычал Стивен, видимо, о Канцлере, и Флор брезгливо передёрнула плечами. На это возразить было нечего да, в общем-то, и не хотелось. – Ничего. Скоро мы до него доберёмся, и он за всё ответит.

– Кстати, о Канцлере, – тихо пробормотала она, огляделась и потащила Стивена в самый дальний и тёмный угол этого полуподвального помещения. Льюис молча последовал за ними и своей широкой фигурой загородил от возможных любопытных взглядов остальных. Убедившись, что их

не подслушивают, Флор заговорила, глядя напрямиком Стиву в глаза: – Сейчас я тебе кое-что покажу, но пообещай мне не кричать, не возмущаться и не ругаться. Хорошо?

– Что за бред?

– Обещай.

– Я никогда...

– Обещай, Стив!

– Ладно. Обещаю, конечно... – оскорблённо было фыркнул Стивен, но осёкся, услышав за спиной хмыканье Льюиса. – Что? Это так ужасно?

– Само по себе нет, – замялась Флор. – Но в ближайшее время я не смогу приходить на собрания. Это больше не безопасно.

– Да в чём дело? Бет говорила, у вас всё по-прежнему. Она успела передать тебе запис...

Стивен резко замолчал, когда одним плавным движением Флор стянула с головы капюшон, затем едва слышно при свистнул и окончательно затих. Кажется, он не верил своим глазам, настолько непонимающим был его взгляд. Он смотрел на чуть сероватую кожу на голове Флор, где алел обновлённый идентификационный номер живорождённой, и едва заметно шевелил губами, словно не мог подобрать слов. Наконец, он ожил, потянулся было, чтобы дотронуться до выжженных на коже символов, но одёрнул себя и тихо спросил:

– Что это?

– Это досмотр, – ответил за Флор невозмутимый Гер-

берт. – Не знаю, для чего именно, но это стандартная процедура проверки живорождённых.

– Брить налысо?

– Сверять и обновлять идентификационные номера, если для живорождённого оформляется специальный допуск, – невозмутимо кивнул Льюис, чем заслужил подозрительный взгляд от Стивена. – Это один из обязательных пунктов.

– *Один из?* Значит, есть что-то *ещё*?

– Так. Ладно. Не будем углубляться в детали, – вклинилась Флор, которая не хотела обсуждать то самое «что-то ещё», но Стивена было не остановить.

– Нет-нет, подожди. Что ты имел в виду?

Он посмотрел на Герберта, который вопросительно взглянул на Флор, словно спрашивал разрешения. Но ответить она не успела. Стивен, кажется, сам обо всём догадался.

– Ты сказал досмотр? Я правильно понял?

– Да. Каратель должен проверить каждый миллиметр.

– Миллиметр чего? – прищурился Стив.

– Тела. Иногда осматривают ещё ротовую полость, носоглотку, ушные проходы и... остальные отверстия.

Герберт замолчал, давая Стивену возможность додумать подробности, а Флор отвернулась и закусил губу. Ох, ладно. Подумаешь! Унижением больше, унижением меньше. Не в том сейчас суть... Однако на плечо опустилась чья-то рука, и Флор оглянулась.

– Прости, – мягко сказал Льюис. – Но иногда полезно

знать, какую приходится платить цену.

Флор хотела было сказать, что понимает, но в этот момент послышалась ругань, а в следующий миг от пинка Стивена на пол полетели полуразложившиеся коробки из-под каких-то деталей. Послышался грохот, затем звон, и гул голосов во-круг на мгновение стих, из-за чего в уши немедленно впил-ся звук разнёсшейся над Городом сирены. Она какое-то вре-мя надрывно выла в полной тишине, прежде чем люди вновь зашумели, возвращаясь к своим разговорам.

– Я говорил, что тебе нельзя туда возвращаться! – проши-пел Стив, почти тыча пальцем в лицо Флор, отчего она от-шатнулась. – Я говорил! Ты понимаешь, что случилось бы с нами, устрой Хант допрос? Что случилось бы с тобой?!

– Стивен, – попробовал было урезонить Герберт, но тот не слушал.

– Он же больной урод! Долбанный психопат. Он же шею тебе свернёт, если решит, что ты как-то не так моргнула!

– Стив!

– А ещё он касался тебя! Эта... эта мразь посмела...

– Это был не он!

– У него приказ! – одновременно с ней рыкнул Герберт, которому, очевидно, надоели бесконечные причитания. – Таков протокол, Стивен. Поверь, им тоже это не доставляет особого удовольствия.

– Только не вздумай их защищать!

– Я и не пытался. Просто хочу, чтобы ты уже понял: Хант

не так прост, как тебе хочется. Ты ничего не добьёшься, оскорбляя его. Только убедишь себя в том, что твой противник глуп и предсказуем, а это будет ошибкой. Он не такой. Поэтому вместо того, чтобы брызгать слюной, лучше подумай, зачем им понадобилась именно Флор. Почему они не тронули её раньше? Её досматривал Вард – правая рука Ханта и один из наиболее фанатичных Карателей. Он почти никогда не ошибается. Его натаскивали на «Симпати», значит, он чувствует таких, как мы, так же остро, как и сам Хант.

– «Симпати»? – настороженно спросил Стивен и нахмурился, когда Льюис отвёл взгляд. – Что это?

– Что-то вроде наркотика, – нехотя ответил он, но под внимательным взглядом продолжил: – Создает короткий эффект, сравнимый с очень сильной эмоцией. У каждого она своя, но основная цель – научиться понимать, как влияют разного рода переживания на действия или решения. Один укол, и твой мозг готов воспринимать все чувственные ощущения с двойным усердием. Некоторые этим пользуются не только в образовательных целях.

Льюис скривился, а у Флор вдруг часто забилось сердце в ожидании чего-то очень нехорошего.

– Ты тоже его пробовал? – спросила она.

– Это обязательный этап обучения, – пожал плечами Герберт, а потом усмехнулся. – Только никто не учёл, что у него бывает побочный эффект. Иногда он пробуждает тот самый ген.

– *Она* не учла. Верно? – с нажимом спросила Флор и посмотрела в серые глаза Герберта, не оставляя шанса соврать.

– Она? Кто она? – вмешался ничего не понимавший Стивен, но на него никто не обратил внимания. Флор смотрела на Льюиса, тот смотрел на неё, и каждый из них пытался понять, сколько же правды известно другому. – Эй!

– Нет, – наконец коротко ответил Льюис.

– Что «нет»?

– Нет? – Флор удивлённо приподняла брови.

– Такой эффект был просчитан, но экспериментально не подтверждён.

– До тебя, – она не сводила взгляда с Герберта, игнорируя нетерпеливого Стивена.

– До меня, – согласился Льюис. – Так что мой случай представлял *для неё* определённый академический интерес.

– Почему ты не сказал?

– О чём он должен быть сказать? —опять влез Стивен, которого уже бесили непонятные ему игры в шарады.

– Это было одним из *её* условий.

– Ах, – с поганой улыбкой протянула Флор. – Разумеется.

– Да, о чём вы?

– Флор, *она* не гордилась тем, что сделала. И пыталась это исправить, – примирительно вздохнул Герберт.

– А ты знал, что *она* ещё делала?

– Кто?!

– Нет. *Она* наблюдала за нами только во время обучения

с «Симпати», больше я ничего не знаю.

– Но не рассказал нам даже этого.

– Флор...

Она нервно дёрнула плечом.

– Нет, согласна. Это должна была сделать *она*...

– ДА ВЫ СКАЖЕТЕ ИЛИ НЕТ?! – неожиданно проорал Стивен, привлекая внимание. – В чём дело?

Флор поджала губы, наконец-то отвела взгляд от Герберта и повернулась к взбешённому Стивену.

– Хочешь знать, в чём дело? Хорошо. Как тебе идея, что Руфь Мессерер была главным идеологом Канцеляриата?

– Что? – Стивен растерянно моргнул и, кажется, даже невольно отступил.

– А новость, что все эти годы она работала на Центр Воспроизводства? Настоящий Центр Воспроизводства, а не поставленный на конвейер поток пригодных для Фермы клеток.

– Какого...

– Или что она более тридцати лет проводила эксперименты на женщинах?

– Бред!..

Но Флор лишь едва заметно усмехнулась.

– Это не бред, Стив. Мессерер – автор идеи «генетического совершенства». Именно она придумала, разработала и внедрила практику генетических карт. Она создала критерии отбора годных для размножения и тех, кого отправляли

на... – Флор споткнулась, задыхаясь от бешенства, не в силах выдавить из себя слово «стерилизация». Унизительно! Мерзко! Она с шумом втянула воздух: – Не удивлюсь, если Фермы тоже её идея. Всё... ВСЁ В ЭТОМ ГОРОДЕ! Всё, против чего мы пытаемся сейчас бороться, создала Мессерер. Ты понимаешь?!

Флор не знала, как сумела не сорваться на крик. Тщательно упакованные за эти два дня эмоции вдруг дрогнули и посыпались, словно рухнувшая от удара стена. Там было всё: пережитый страх, брезгливость, неверие, разочарование, сомнения, безысходность и боль. В общем, всего было так много, что Флоранс сначала спрятала лицо в рукаве мокрого от дождя пальто в безрезультатной попытке взять себя в руки, а потом впервые за эти дни провела рукой по своей голове. Не с опаской. Не кончиком пальца. А всей ладонью, с каким-то отчаянным мазохизмом ощутив, как больно врезаются в кожу едва заметные тёмные волоски, и как саднит проклятое клеймо.

– Откуда ты знаешь? – тихо спросил Стивен, о котором в буре своих переживаний Флор успела уже позабыть.

– Мне рассказали, – коротко ответила она и добавила, пресекая любые попытки оспорить: – И показали.

– Кто?

– Хант. Он теперь отвечает за эти исследования.

Послышалось злобное фырканье.

– И ты ему веришь? ТЫ веришь шавке Канцлера? – Сти-

вен ударил по бетонной стене с такой силой, что с той посыпалась какая-то крошка. – Ради всего святого! Да тебя же развели, как...

– Посмотри на меня! Я была там. Я видела своими глазами!

– Но это не доказывает участие Мессерер...

– Насколько я поняла, у них есть все шансы на успех, Стив. И довольно скоро, – холодно усмехнулась Флор. – Совершенные люди. Ни болезней, ни возможных мутаций. Стабильный геном, равных которому нет. Ты знаешь, чем занималась Руфь...

– Под видом работы на Канцеляриат! – не сдавался он. – Город всегда занимался селекцией.

– Не на живых, Стив. Игра с генами в пробирке и их выращивание на Фермах в коллекторах, точно это лабораторные мыши, даже на миллиметр не приблизилась в своём цинизме к тому, что происходит сейчас.

– Это по-прежнему ничего не доказывает.

Флор отвернулась, борясь с желанием швырнуть что-нибудь в многострадальную стену. Она сама не могла объяснить, почему так легко и сразу поверила Ханту. Просто было в его интонации, словах и жестах нечто такое, что убивало любые сомнения. Он не врал. Наоборот, Флоранс была почти уверена, что Хант едва не сболтнул лишнего в порыве собственной заинтересованности в этой странной игре. Вряд ли он уже о чём-то догадывался, но явно подозревал. И это

было чертовски опасно, о чём, по всей видимости, подумал и Стив. Он успел успокоиться, взлохматил золотистые кудри, которые выдавали в нём образец кропотливой селекции, а потом примирительно поднял руки.

– Хорошо. Допустим. В любом случае, возвращаться в Башню опасно. Хант достаточно хитрая тварь, чтобы обеспечить за тобой круглосуточное наблюдение при первых же подозрениях. Ты сегодня же отправишься в Убежище...

– Боюсь, с этим придётся подождать, – впервые за время перепалки в разговор вмешался Льюис, и сердитый взгляд Стивена обратился к нему.

– В смысле подождать? Я не понимаю, на чьей ты стороне. Будем терпеть, пока её не изнасилуют и не свернут шею в порыве очередной забавы? Или ты даже тогда станешь защищать этого «падальщика»?

– Нет, – коротко ответил Герберт, проигнорировав очевидное оскорбление.

«Падальщиками» в народе называли Карателей, чьи плащи и маски на вид напоминали обглоданный птицами череп. Ассоциация со смертью и трупами была хоть и банальна, но всё же оправдана. Впрочем, Льюиса сложно было вывести из себя подобным мелочным выпадом. Он лишь свысока взглянул на Стивена и продолжил:

– Я уже говорил, что у меня есть новости о «Тифоне». И если сначала я считал их лишь глупыми слухами, то теперь всё становится намного серьёзней.

– Покороче, – нетерпеливо огрызнулся Стив. Флор хотела было сделать ему замечание, что подобное поведение неприемлемо для лидера, но Льюис едва заметно мотнул головой.

– Я поговорил с некоторыми девушками из obsługi...

– Шлюхами?

– ...их покровители из отдела Технического обслуживания не любители потрепаться, но под «Симпати» языки развязываются даже у этих...

– А у тебя?

– Стивен! – не выдержала Флор, но тут Герберт поднял руку, призывая к тишине.

– Так вот. Они утверждают, что некие испытания выйдут на финальный этап. Разумеется, это держится в строжайшем секрете, но если знать, что искать, то ответы лежат на самой поверхности. И недавняя Буря тому доказательство. Она оказалась сильнее, чем мы думали.

– Сколько погибло? – тихо спросила Флор, чем заслужила тяжелый взгляд Герберта.

– Дело не в том, сколько их было, – медленно проговорил он. – Важно, как они умерли и кто именно.

Последовала пауза, которая давала время подготовиться к самому невероятному и болезненному исходу, но реально превзошла все ожидания. Льюис посмотрел на Джуди, которая стояла в противоположном углу подвала, и задержал взгляд на её животе.

– Их просто расплавил, – проговорил он не поворачива-

ясь. – Всех из первой линии домов у Щита с северной стороны. Живорождённых, неудачные генетические образцы, даже тех, кого через несколько дней ждала инъекция «Милосердия» и уютное погребение в котле переработки. Убиты были все, кто хоть сколько-нибудь не дотягивал до понятия «средний стандарт», словно... Словно кто-то специально целился именно в них. Соседние дома остались нетронутыми, в этих же служба Утилизации нашла лишь растекшиеся вонючие пятна, вместо людей. На кроватях, на стенах, на полу. В этом районе нет искусственной фильтрации воздуха, и многие не успели дотянуться до масок, но тех, кто смог, это всё равно не спасло. Излучение было такой силы, что без защитных доспехов организм просто взрывался. Каждая клетка. Те, кто был в ту ночь вместе с Хантом у Щита, жаловались, что хотелось содрать с себя кожу. Они говорили, что будто горели заживо. И, похоже, это не бредни под «Симпати». Вся заводская территория северной части действительно оказалась выжжена полностью.

– Они думали, что мы где-то там, – неожиданно зло процедил Стивен. – Хотели загнать в ловушку.

– В ловушку? – ошарашенно переспросила Флор. – Ты был там? Опять?! Стив, это же...

– Хотел оставить Ханту послание.

– И он его видел, – спокойно ответил Герберт, а Флор раздражённо взглянула на Стивена.

– Да ты, никак, рехнулся!

– Я всего лишь передал Канцлеру пожелания долгих лет жизни. В Аду! – сардонически хохотнул он, а потом нервно взлохматил светлые волосы. – Ну и этому выродку заодно! Что, чёрт возьми, намешали в лаборатории, пока лепили это чудовище? Почему в ту ночь Хант не сдох? Как вообще смог дотронуться до Щита?

Герберт лишь молча пожал плечами.

– Сейчас это не так важно, – коротко отозвался он. – Меня беспокоит неизменно повторяющийся в сообщениях факт, что испытания подходят к концу. Если раньше мы думали, что «Тифон» грозит нам лишь небольшими проблемами, то теперь ставки выросли.

– Что ты хочешь сказать? – нахмурился Стивен.

– Они нас уничтожат. – Герберт наконец оторвался от любования Джуди и повернулся. – Сотрут весь Город с лица земли и заселят новым видом людей. Идеальными. Беспроblemными.

Повисла тишина, прежде чем, шумно выдохнув, Флор устало спрятала лицо в ладонях.

– Просто, легко и удобно. Больше никаких забастовок и саботажей. Только *процветающее общество*, – пробормотала она, чувствуя такую невыносимую тоску, что захотелось то ли немедленно броситься спасти людей у Щита, то ли с Башни. Флор прикрыла глаза и опёрлась спиной на холодную стену. Повеяло запахом сырости. – Сам Канцеляриат, как и вы, полагаю, выживет и поведёт Город к дальнейшему про-

цветанию с помощью железного кулака Карателей?

– Доспехи тех, кто был у Щита в ту ночь, показали неплохую устойчивость. Правда, в последнее время всё чаще барахлят фильтры в масках.

– Думаешь, это связано? – Стивен недоверчиво приподнял бровь и наткнулся на спокойный взгляд Герберта. У Карателя явно не было никаких сомнений, так что, вздохнув, Стив едва слышно закончил: – Значит, выживут не все.

– Нет.

– И шансов склонить их на нашу сторону тоже?

– Эти люди готовы умереть, выполняя приказ. Нас создавали защищать Город, и мы будем это делать до конца.

– И Хант? – в принципе, не надеясь на что-то хорошее, спросила Флор на всякий случай.

– Я всегда говорил Руфь, что её идея сомнительна. Он фанатик и будет защищать Город даже ценой своей жизни, так что нам придётся хорошенько постараться, чтобы дать ему нечто большее. Какую-то совершенно невероятную цель, что перевесит врождённое чувство долга.

Герберт говорил уверенно, не оставляя ни малейшего повода на хоть какие-то споры. Не сказать, что Флор собиралась, но теперь в планах будто поставили точку. Видимо, Стивен тоже почувствовал что-то подобное, потому что вдруг неуловимо подобрался, словно где-то внутри сжалась пружина, и в сером взгляде появилась решимость.

– Значит, его надо убить, – выплюнул он, и Флор едва не

расхохоталась. По её мнению, это было так же нелепо, как и завербовать этого Цербера. Но тут Стивен посмотрел ей в глаза, и всё дурное веселье мгновенно исчезло. – Флор...

– Что? Безумие! – воскликнула она. – Не тебе ли несколькими минутами раньше Герберт доходчиво объяснил, чем закончится просто попытка подумать об этом! А ты предлагаешь мне своими руками...

– Нет, – скривился Стивен и поморщился. – Ты сказала, Хант отвечает за исследования?

– Ч-что? – Флор показалось, что она рехнулась, когда её осенила догадка. – Не-ет. Нет-нет-нет! Это живые люди, Стив! Это девушки, которые просто... Я не буду этого делать! Я не стану их убивать, чтобы подставить Ханта!

Она замотала головой, но взгляд Джонса был неумолим.

– У нас нет других вариантов. Если опыты будут сорваны, Хант ответит за это собственной головой. Канцлер не прощает подобных ошибок.

– А если нет? Что, если мы попросту убьём несколько ни в чём не повинных людей?

Стивен поджал губы.

– Тогда мы хотя бы выиграем время до запуска «Тифона». Если Льюис прав, то я почти уверен, что без этого звена план Канцлера не имеет особого смысла. Мы успеем найти его и обезвредить.

– Ты отвратителен... – пробормотала Флор, и Стив отвёл взгляд.

– Наша цель слишком важна.

– Важнее, чем жизни других?

– Если ради достижения большего, придётся пожертвовать меньшим, значит, так надо. Идея свободы превыше всего. Наши надежды, цели, поступки – все они заключены в одной лишь свободе, за которую мы и боремся. Не за тебя, не за меня, но за них всех. – Стив махнул рукой в сторону собравшихся людей. – Они наша идея. А потому мы должны расчистить ей путь.

С этими словами он быстро поцеловал её в лоб и направился прочь, таким своеобразным, немного хамским образом поставив точку в их спорах. Ну а Флор неверяще посмотрела в спину друга, который вот так легко принял решение о чьей-то смерти. Без капли сомнений! Без... сочувствия! Малейшего сострадания и... Она перевела на Герберта растерянный взгляд в поисках хоть какой-то поддержки, однако вместо этого тот произнёс:

– Если не будет другого способа остановить это массовое убийство, я буду вынужден согласиться со Стивеном. Но до тех пор, я буду на твоей стороне, Флор. – Едва ли не впервые Льюис назвал её по имени, а потом заговорил так тихо, что ей пришлось шагнуть к нему ближе: – Не знаю, зачем и почему Хант выбрал тебя, но это наш шанс. Он промахнулся так сильно, что уже никогда не сможет это исправить.

– Он пошёл на поводу Мессерер, – с неохотой призналась она. – Руфь меня рекомендовала...

– Вот видишь. – На лице Герберта появилась тень весьма бледной улыбки. – Возможно, ты права в своём гневе на её прошлое, однако чем дольше я на это смотрю, тем больше вижу тонких верёвочек. Они ведут в один очень запутанный клубок.

– Хотела бы я видеть нечто подобное, – пробормотала Флор. – У тебя нет ощущения, что тебя предали?

– Нет, – без капли сомнений ответил Льюис, и Флор горько хмыкнула. – Я не могу её осуждать. Мы оба делаем... делали не самые добрые дела. Но ты должна понимать, у неё тоже была однажды идея. Возможно, слишком честолюбивая. Возможно, тщеславная. Но она была, а потом на её смену пришла другая. Для меня вполне достаточно знать, что она пожертвовала собой ради нас, чтобы не сомневаться.

Флоранс вздохнула и покачала головой. Хотела бы она, чтобы и для неё всё было настолько же просто. Однако слова Герберта навели на новую мысль, которую Флор поспешила озвучить, пока была такая возможность:

– Ты говорил, что вас обучали на «Симпати». Скажи, Хант тоже его принимал?

– Нет, – после недолгого раздумья ответил Герберт. – Руфь говорила, что у него врождённое чутьё.

– Странно, – задумчиво пробормотала Флор. – Что-то не сходится.

– Он даже ради развлечений его не использует.

– Странно... – снова повторила она, но Герберт только по-

жал плечами.

— Руфь как-то сказала, что он был выведен особенным образом.

Особенным? Куда уж ещё экзотичнее! Флор нахмурилась и отступила в тень. Ей надо было подумать.

Артур Хант стремительно поднимался по воздушным переходам, что возносились вместе со светлыми стенами Башни под разрисованное имитацией чистого неба подобие потолка. Он легко перескакивал через несколько ступенек то и дело встречавшихся на пути лестниц, прежде чем впечатывал шаг с такой неимоверной тяжестью, что, казалось, гнулись стальные перекрытия пола. И если сначала путь ему приходилось прокладывать через спешившую по делам разношёрстную толпу, которая шарахалась от него в стороны, то чем дальше он углублялся в один из «зубцов», тем безлюднее становилось вокруг. Наконец стеклянные желтоватые стены сменил грубый бетон, а воздух даже сквозь респиратор показался удивительно влажным.

Теплицы Города располагались в западном крыле и представляли собой гигантскую карусель из стеклянных кубов. Три ряда по сорок ячеек на каждом. Конструкция была настолько высокой, а сами теплицы такими большими, что находившийся в экстремуме куб неизбежно терялся под сводами бетонного «зуба». Остальные же светились в сумраке искусственным светом, напоминая яркие звёзды, которые за-

чем-то спрятали в хрустальный сосуд. По каменным стенам ползли бледные блики, здесь было прохладно, гулко и почему-то пахло стерильностью.

Остановившись около входа в одну из теплиц, переведённую в нижнее положение, чтобы можно было зайти, Хант огляделся. Он редко бывал здесь. А если точнее, то всего пару раз, когда выполнял очередное поручение Канцлера. Ему здесь не нравилось. Это застывшее в стекле напоминание о некогда живой природе казалось ему ненужным и довольно бессмысленным, когда за стеной Щита мир представлял, в общем-то, мёртвую степь. Однако личные сады Суприма требовали периодического обновления, да и сам Канцлер в редких порывах философского благодушия любил прогуляться по Оранжерее.

Впрочем, сегодня Ханта интересовали вовсе не цветы. Искомый объект он нашёл сразу, несмотря на почти скрывшую проход зелень. Визоры маски отлично справлялись с пестротой окружения. Большие тёмные листья гибридных кустов лоснились от напитавшей их влаги и тяжело свешивались сквозь поддерживающие их упоры, но белый лабораторный халат Флоранс Мэй было видно даже издалека. И, если честно, это раздражало так же, как и сама Мэй. Но, ступив на покрывавшую теплицу утопанную землю, которая превосходно глушила шаги, Хант осторожно двинулся вдоль каких-то растений. Он старался не повредить свисавшие гроздьями листья, из которых потом, наверное, сделают модифициро-

ванный хлеб или... или ещё что-нибудь нужное, ибо каждый лепесток, плод и корешок здесь тщательно подсчитан и распределён на пищевые дотации. И это, кстати, было одной из причин, почему Хант никак не понимал восхищения Супри-ма очередным редким цветком. Всё, произведённое в западном «зубце» являлось потенциальной едой, а любоваться пищей было, на взгляд Артура, весьма странно. Он ел, чтобы жить. Не больше.

Однако стоявшая около одного из деревьев Флоранс явно считала иначе. Замерев с зажатым в руках инструментом, в котором Хант предположил подобие гомогенизатора, она зачем-то гладила кончиками пальцев тонкий ствол и что-то бормотала себе под нос. Артур не видел её лица, зато его взгляду в очередной раз предстал восхитительно ровный череп, который чуть портил обновлённый идентификационный номер. С их встречи прошла неделя, и потому Хант хотел услышать хоть какой-то отчёт. Однако, когда он пришёл в Центр Воспроизводства, Мэй там не оказалось, как не нашлась она и в Лаборатории. Лишь заикавшийся на каждом слове Кеннет Миллер, от лебезящего вида на весьма туповатом лице у которого Хант испытал приступ бешенства, смог пробормотать что-то вразумительное. И то, лишь когда его шею сжала рука. Здоровая. Правая всё ещё причиняла Артуру беспокойство, что лишь ту же закрутило спираль раздражения. К тому же, бегающие глазки вырожденца Миллера выглядели настолько виновато-лживыми, что к тому момен-

ту, как Хант дошёл до Теплиц, гнев вырос до неведомых ранее абсолютных значений. Ну а вид ненавистных оранжерей поставил последнюю точку. Что бы ни натворила эта девчонка, будет чудом, если он её не убьёт.

– Может быть, объяснитесь, что вы здесь делаете? – холодно произнёс Хант, и голос, пропущенный через динамик чёрного шлема, прозвучал грубо и хрипло. Ну а Мэй, явно не знавшая о его приближении, вздрогнула и обернулась так резко, что пошатнулась, а в следующий момент с тихим вскриком споткнулась о какой-то выступавший бордюр.

С какой-то невообразимой усталостью Хант смотрел, как она инстинктивно сначала попробовала уцепиться за ствол дерева, а потом, поняв, что этого ни в коем случае нельзя делать, ещё больше наклонилась и окончательно потеряла равновесие. Второй тихий вскрик Артур услышал, когда уже схватил её за плечо и дёрнул вверх, в попытке вернуть вертикальное положение. И возглас этот прозвучал настолько болезненно, что он чуть было не разжал и без того ноющие пальцы правой руки. Ту прострелило дикое жжение, но Хант стиснул зубы и резко потянул Мэй на себя, пока вдруг не увидел взгляд полный недоумения. Он смотрел в широко распахнутые синие глаза, что пуще прежнего выделались на лишённой волос голове, и мысленно проклинал долбаный древесный реликт, свою реакцию и, конечно же, Мэй... Мэй, во взгляде которой плескалась обида напополам со слезами. Вот ведь дерьмо!

Поставив дурочку на ноги, Артур брезгливо отряхнул руки и, на всякий случай, скрестил их за спиной. Он сам не понимал, отчего решил помешать такому нелепому падению. В конце концов, какое ему было дело сломает эта уродка себе шею или проломит свой удивительно правильный череп? Таких, как она, в Городе оставались ещё тысячи. С другой стороны, именно Мэй, возможно, могла привести его к сепаратистам. И от осознания, что ради этого ему придётся опуститься до общения с самым ничтожным существом Города, раздражение внутри Ханта вспыхнуло с удвоенной силой.

– Я жду ответа, – процедил он, а пытавшаяся привести в порядок перекрутившийся халат Мэй снова вздрогнула и подняла голову.

Она смотрела на Ханта несколько мучительно нудных секунд, прежде чем тихо сказала:

– Пожалуйста, повторите вопрос. Я, кажется, не расслышала.

Хант не знал, каким чудом не сломал ей шею в ту же секунду. Хрустнули сжатые в кулак пальцы, затрещала кожа перчаток, казалось, даже воздух вокруг загудел, вторя оставшемуся за бетонными стенами гулу Щита. Однако Артур не шевельнулся. Он медленно вдохнул, затем выдохнул, отчего испуганная Мэй было попятилась, но наткнулась на всё то же злосчастное дерево. Прижавшись к нему спиной, она замерла в неестественной позе, точно её пригвоздили прямо к стволу. И, смерив взглядом сквозь визоры маски её щуплую

серую фигуру, Хант наклонился вперёд и прошипел бледной Мэй прямо в лицо:

– Я спросил, что вы здесь делаете.

– Ра... работаю, – сипло пробормотала она и, откашлявшись, добавила: – Это *тоже* моя работа.

– Мне казалось, я достаточно внятно обозначил ваши обязанности.

– Да, но при этом не соизволили сообщить о них Миллеру! – попробовала было возмутиться Мэй.

– Я не обязан... – начал было Хант, но тут произошло нечто совсем непонятное.

Ещё недавно едва не падавшая в обморок Мэй вдруг выпрямилась и шагнула вперёд, отчего её лоб упёрся прямым в маску Артура. Он хотел было отшатнуться, но тут перепачканный в земле тонкий палец ткнул его в грудь, и это прикосновение Хант ощутил даже сквозь углепластик доспеха. Визоры маски позволили сфокусировать взгляд на лице Мэй, и Артур увидел, как, чуть прищурившись, та посмотрела ему точно в глаза. Разумеется, она ничего не могла разглядеть, но на мгновенье Ханту впервые стало не по себе.

Было во всём этом что-то такое знакомое, отчего Артур нахмурился, а потом неожиданно для себя отвёл взгляд. Мэй, конечно, не знала об этом, зло скалясь в сторону маски, зато Хант вдруг увидел ссадину на её левой щеке, которая протянулась до самого уха, а потом и едва затянувшие ранки коросты. В памяти всплыла помятая рожа убогого Миллера,

и с какой-то тоской Хант вдруг подумал, что лучше бы он свернул ему шею. Распускать руки на подчинённых, пускай и таких, как эта Мэй, было запрещено. Но Артур знал, что мало кто следовал этому правилу.

Тем временем девчонка сильнее вдавила грязный палец в доспех и зло процедила:

– Разумеется, вы ничего и никому не обязаны. Однако напомню, Лаборатория подчиняется только службе Регулирования Единообразия Населения. И главой значится Миллер, а не Артур Хант. Поэтому даже если вы и привыкли, вследствие своей безнаказанности, вести себя столь же взбалмошно, то здесь так не выйдет. Мне всё равно предстоит отчитываться перед Миллером.

– Это вы сейчас жалуетесь? – с чумным весельем вдруг хмыкнул Хант.

– Нет, – выплюнула она и отвернувшись, уставившись на проклятое дерево. – Всего лишь объясняю, что я здесь делаю. Вы же это хотели узнать?

– Допустим. – Артур чуть склонил голову набок, разглядывая тощие плечи, что торчали даже под мешковатым лабораторным халатом. С высоты своего роста и благодаря беспощадному освещению, что придавало и без того бледной коже девчонки оттенок свежего трупа, он мог разглядеть каждую кость вплоть до формы лопаток. Это было жалкое зрелище, но вслух Хант произнёс: – А ещё было бы неплохо получить от вас отчёт за неделю.

– Установлено ещё три потенциальных кандидатуры на воспроизводство в рамках исследования. Ожидаются дополнительные проверки, – пришёл сухой ответ. Всё.

Честное слово, не будь Мэй наживкой, Артур давно отправил бы её тощее тело гнить в цехах переработки. Но она была нужна, а потому всё ещё стояла к нему спиной и делала вид, что чертовски занята каким-то зелёным листом. Отчего-то Ханта это позабавило.

– Вы слишком дерзкая.

– Мы с вами это уже проходили. В прошлый раз вы нашли это приемлемым, – огрызнулась она, но Артур видел, как предательски заалело пострадавшее ухо, и усмехнулся.

Право слово, наблюдать за Мэй оказалось куда интереснее, чем он мог предположить. В ней было много эмоций. Целый шквал самых разных, что пронзали Ханта, словно лучи, а потому разобраться в них было сложно. Он чувствовала гнев и досаду... О, определённо, было раздражение на него, сильно болела щека, на которую, похоже, пришёлся тяжёлый удар. Так же то и дело появлялось навязчивое беспокойство из-за его присутствия. Остальное проскальзывало почти незаметно и разобрать этот поток оказалось едва ли невозможно. Там был лёгкий голод, потому что до обеда ещё далеко; усталость; обида на что-то или кого-то; и, конечно же, ставшее обыденным одиночество. К удивлению Артура, места для страха в разуме Мэй уже не нашлось. Она ничего не боялась.

Обойдя едва заметно напрягшееся от звука шагов тело, Хант демонстративно прислонился к одному из реликтовых деревьев, чем заслужил весьма испепеляющий взгляд. Кажется, он посягнул на святое. Прекрасно.

– Хотите, я освобожу вас от... этого? – Он небрежно махнул рукой, показывая на видневшуюся повсюду зелень. Последовала пауза, когда на лице Мэй появилось немного задумчивое выражение, а потом она неожиданно покачала головой. Хант закатил глаза. – Я не знаю языка жестов.

– Нет, – пришёл ответ. – Мне нравится здесь.

– Но это работа не вашего уровня. Вы медицинский генетик, а не ботаник.

– И что с того? Я могу быть кем угодно, но моё происхождение явно против любого карьерного роста. А поскольку других мест в Лаборатории нет, меня определили сюда. Думаю, это лучше, чем отправиться в отдел переработки и стать биотопливом. Так от меня больше пользы.

Мэй рассуждала по-деловому, почти равнодушно, как и положено говорить о неизбежности, которая в конце жизни ждала каждого жителя Города. Но что-то беспокоило Ханта. Это вилося неясным туманом и кололо в предвкушении кончики пальцев, однако следующая фраза спугнула едва оформившееся чувство.

– Вы просто предупреждайте в следующий раз, чтобы не пришлось искать по всей Башне. Я вас дождусь.

От той простоты, с которой эта Мэй ставила ему условия,

Хант было взбесился, но потом неожиданно фыркнул и покачал головой. Он отчаянно не понимал, что творилось в её голове.

– Непременно учту, – саркастично ответил Артур и склонился в шутиливом поклоне.

Его маска вновь оказалась около лица Мэй, и это произвело интересный эффект. Видимо, вспомнив, кто стоит рядом, она невольно шарахнулась в сторону. Послышался хруст, Флоранс вздрогнула, и в этот момент какая-то ветка хлестнула её по щеке. Хант выпрямился и заложил руки за спину, с любопытством разглядывая застывшую в неудобной позе девчонку. Как назло, удар пришёлся по ссадинам, показались несколько капель крови, а в следующий миг Мэй закрыла лицо грязными ладонями.

– Вот видите, даже глупая древесина разочарована вашей дерзостью.

Мэй ничего не ответила. Судя по тому, как медленно поднимались и опускались её плечи, она пыталась взять себя в руки. Наконец, когда Хант уже был готов потерять терпение, Мэй пошевелилась. Она выпрямилась, но в глаза теперь не смотрела.

– Прошу прощения. Этого не повторится, – скучным тоном проговорила она, и Артур в удивлении приподнял брови. Однако...

– Не сомневаюсь, – тем не менее ответил он и, оглядевшись по сторонам, неожиданно сам для себя спросил: – Что

произошло в Лаборатории?

Вопрос вызвал неожиданную реакцию: Мэй отвернулась и вдруг направилась куда-то вглубь теплицы. От удивления Хант опомнился, лишь когда она уже почти скрылась за густой зеленью раскинувших свои ветви деревьев. Что за... Чувствуя, как опять поднимается раздражение, Артур всё же двинулся следом. Вопрос, почему он продолжает бегать за этой юродивой настойчиво повис в воздухе. Потому что, если быть честным, эта наживка была не настолько ценна.

И всё же Артур направился следом, чтобы обнаружить Мэй около заваленного аппаратурой и пластиковыми документами стола. Она нервно переставляла какую-то стеклянную посуду и упрямо не обращала на Ханта внимание, стояло ему замереть у неё за спиной. Чуть склонив голову набок, он долго разглядывал затылок с коротким ёжиком едва проклюнувшихся волос, а потом вдруг со смешком подумал, что эта Мэй даже без слов умудрялась выразить своё недовольство удивительно дерзко. Ну, и что ей на этот раз не понравилось?

Впрочем, ответ Артур прекрасно знал сам. И чувство презрения к Миллеру, которое зародилось минут двадцать назад, стало ещё нестерпимее. Будет чудом, если в следующий раз он не отправит главу Лаборатории полировать пол в самой убогой камере Канцеляриата. Честное слово, Миллер заслужил это и, может быть, ещё что-нибудь сверху за свою феноменальную глупость. Да, жизнь Города весьма аскетична.

Здесь чёткая иерархия подразумевала ясную систему приказов и подчинения, которую нельзя было оспорить, и каждому отведена роль согласно эволюции его родительских генов. На основе созданных Мессерер карт можно было сразу сказать, каким будет человек в будущем. Кто-то годился только в уборщики улиц, кто-то в обслуживающий персонал, и только с живорождёнными никогда нельзя доподлинно предсказать, что из них выйдет. Да, их геном так же разбирали на составляющие и можно было делать прогнозы, но... Но их врождённая свобода воли подчас оказывалась непросчитываемой. И Мэй была из таких, чем доводила образчик отменной селекции Кеннета Миллера до зубового скрежета. Она была лучше его, умнее, сообразительнее, даже, пожалуй, исполнительнее, если верить тому, что Артур узнал про неё. И это, разумеется, раздражало всех, кто оказывался достаточно глуп. Ну а Миллер был непроходимым тупицей, из-за чего страдал излишней агрессией и несдержанностью в общении со службой Отдыха, а теперь, похоже, ещё и с подчинёнными.

Осознав это, Хант поинтересовался:

– И даже после этого вы хотите продолжать здесь работать?

– Я уже говорила, что мне нравится в Теплицах, – процедила Мэй, так и не соизволив повернуться.

– Что-то не слышу в вашем голосе ноток бурного восторга. Или, может, вы сами бились головой о... Что это было?

Стена? Стол?

– Вас не касается...

– Меня касается всё, что происходит в стенах Башни и Города! – рявкнул Хант, которого достали непонятные реверансы и хождения по кругу.

– Ну тогда вы очень дерьмово выполняете свою работу! – неожиданно едко сорвалась в ответ Мэй, а в следующий миг изо всех сил вцепилась в руку, которой Хант сжал её горло.

Она пыталась царапаться, но Артур с силой вдавил большой палец в подъязычную мышцу, и Мэй затихла не в силах сопротивляться. По расчётам Ханта у него была пара минут, прежде чем его жертва сначала потеряет сознание, а потом задохнётся, но, похоже, воздух в лёгких у Мэй таял с чудовищной скоростью. Сквозь кожу перчатки Артур чувствовал, как она попыталась сглотнуть, а потом её глаза закатились. В этот же момент он отпустил несчастную шею и нахмурился. Это было... неправильно.

Мэй приходила в себя медленно. Она сидела на утоптанной земле, машинально схватившись за горло, и никак не могла отдышаться.

– Я предупреждал, – проговорил Хант. – Слишком дерзко.

Ответа, разумеется, не последовало. Артур знал, что при всём желании, Мэй не могла сейчас даже пошевелить языком. Едва не порванные мышцы недвусмысленно намекали молчать, и она – о чудо! – молчала.

– Чем вам здесь так нравится, что вы готовы терпеть до-

могательства Миллера? Он ведь приставал к вам. Верно? – Артур перевёл взгляд на сидевшую рядом с ним женщину и увидел лёгкий кивок. Что же, похоже, гордыня едва не задохнулась вместе с хозяйкой и стала сговорчивее. – Полагаю, не в первый раз.

И снова едва заметный кивок.

– Тогда, думаю, я не ошибусь, если предположу, что он получил по заслугам? – невинно спросил Хант и вдруг увидел, как на посиневших губах появился намёк на улыбку. – Неудачный у вас выдался день, Флоранс Мэй.

Она потупила взгляд и пожала плечами, как бы говоря, что ей не привыкать. И почему-то это столь необычное смирение от девчонки, которая только что дерзила ему в лицо, разочаровало Ханта. Однако он заложил руки за спину и нехотя произнёс:

– Я поговорю с Миллером. Его поведение недопустимо.

Взгляд, которым после этих слов одарила его Мэй, был достоин ещё одного удушения. В нём оказалось столько презрения напополам с возмущением, что Хант едва не расхохотался. Ей были даже слова не нужны, чтобы утопить Артура в своей неприязни. Он смотрел в синие глаза, которые опять напомнили ему небо с картин, что висели в одной из галерей Башни, и мог отчётливо прочесть всё, что Мэй думала насчёт него, помощи, Миллера и всей этой ситуации в целом. Поистине её дерзость не знала границ. Однако, сделав вид, что ничего не понял, Хант повернулся к одному из деревьев,

чьи мясистые тяжёлые листья настырно пытались зацепиться за его плащ, и дотронулся до одной из согнувшихся под тяжестью веток.

– Вы тратите свои мозги на это. – Он махнул рукой в сторону влажной земли. – На какие-то глупости вместо того, чтобы приносить настоящую пользу. Я вас не понимаю. Вы будто прячетесь здесь.

Послышался шорох одежды, пока Мэй поднималась, а потом Хант увидел её рядом с собой. Она остановилась, глядя на возвышавшееся над ней дерево, и вдруг дотронулась до покрывавшей его грубой коры с лёгким налётом зелёного мха.

– Им плевать, кто я такая, – хрипло проговорила она и откашлялась.

– А вас это беспокоит?

Хант заметил, как она чуть скосила глаза, посмотрев на него чуть насмешливо, но следующая её фраза вышла неожиданно тактичной и отдавала фальшью.

– Это беспокоит Канцеляриат, а значит, должно беспокоить каждого добропорядочного гражданина. Иерархия по селекции должна соблюдаться. Город превыше всего.

– Город, конечно, превыше всего, но не скромничайте. Вы уже неделю как знаете, что Канцеляриат признал преимущества естественного размножения. Да, с некоторыми уточнениями, но эти люди будут подобны вам. Разве вас это не радует?

Мэй промолчала. Хант внимательно следил за ней, но её лицо оставалось столь же пустым, как у какой-нибудь дурочки из службы Отдыха, которых так обожал Вард. Ноль мыслей на квадратный сантиметр мозгов. Но если у тех и правда была всего пара извилин, то Флоранс Мэй могла похвастаться нетривиальным интеллектом. В тот вечер Хант внимательно ознакомился со всем содержимым её досье. Запрещённые эксперименты по клонированию! Это же надо! И пусть это были всего лишь вот эти вот дурацкие корешки да травки, но подобная дерзость действительно впечатляла. Что уж скрывать, Флоранс Мэй была интересной.

– Вы знали, что у деревьев тёплая кора? – раздался неожиданный вопрос, и Хант медленно повернул свою маску. Мэй ощутило передёрнуло при виде очертаний черепа, которые наверняка бликовали в ярком искусственном свете, однако она не растерялась и продолжила свою мысль: – Я раньше никогда не задумывалась, пока не попала сюда. Камень, бетон, стекло... всё оно становится ледяным, а эти... – Она кивнула в сторону другой части теплицы. – Будто всегда тёплые. Вы знали?

Откуда?! Зачем?! Хант едва не выругался. Он ненавидел это место и предпочитал обходить его стороной, однако в этот момент ненормальная Мэй вдруг повернулась к нему и спросила:

– Я иногда представляю, каким был мир до катастрофы. Наверняка там было много деревьев...

– Вы всегда можете выйти за пределы Щита и полюбоваться, – саркастично протянул Хант, недвусмысленно намекая на торчавшие с западной стороны ржавого цвета обрубки. Всё, что когда-то осталось то ли от рощи, то ли от парка. В хорошую погоду эти колья на фоне зеленовато-серого неба были видны из всех окон Башни, как ядовитое напоминание, чего человечеству стоила свобода выбора, воли и действий. Ходить туда было строжайше запрещено, впрочем, никто и не пытался.

Мэй, видимо, решив, что Хант попросту издевался, невольно поморщилась.

– Это не то.

– Уж не *сожалеете* ли вы? – вкрадчиво поинтересовался Хант, и Мэй обернулась. Артур не надеялся, что ему чертовски повезёт, и она тут же признается, но реакция показалось странной. Мэй посмотрела на него так удивлённо, словно он сказал какую-то чушь, а потом пожала плечами:

– Это академический интерес. Неужели... неужели вам не интересно? Неужели вы никогда не задавались вопросом – как? Как это было? Чем пахло? На что было похоже?

Она смотрела прямоком в визоры маски, опять без труда находя взглядом его глаза, и это разозлило Артура. Так что, собрав всё презрение, на которое он был способен, Хант коротко выплюнул:

– Нет.

Он видел, как разочарование промелькнуло на лице Мэй

и тут же исчезло.

– Действительно. С чего бы, – пробормотала она едва различимо, но Артур услышал. Ну а в следующий миг Мэй отвернулась и направилась куда-то в глубь оранжереи, походя буркнув, что ей надо работать.

Послышался шорох шагов, который удалялся быстрее и быстрее, а потом Хант неожиданно остался один. Он медленно оглядел пустую теплицу, где кроме дурацких растений не было ничего, и вдруг беззвучно расхохотался. Какой абсурд! Нет, ну какой же абсурд! Артур покачал головой, не понимая, что произошло прямо сейчас. Он сошёл с ума? Она? Оба?! Здесь расплён какой-то галлюциноген или яд? Потому что ничем иным Хант не мог объяснить ни своё, ни её поведение, которое было таким же недопустимым и наглым, как и весь их неприемлемый разговор. За такое её следовало немедленно сдать дознавателям. Да и его, если быть честным. Однако вместо жалобы и доклада в Канцеляриат, Хант стоял и смотрел на то самое дерево, которым только что так восхищалась безумная Мэй. Он разглядывал испещрённый мелкими трещинами ствол, прежде чем неожиданно шагнул вперёд и резким движением, почти зло сдёрнул с руки перчатку. Он точно рехнулся, если делает это, но...

Артур замер в миллиметре от кажущейся грубой коры, а потом осторожно, едва задевая подушечкой указательного пальца, провёл по краю самого некрасивого на его взгляд участка. Ствол в этом месте давно треснул, и в получившей-

сы расщелине виднелась какая-то застывшая жидкость, оказавшаяся неожиданно тёплой и липкой на ощупь. Хант легко надавил на неё ногтем, и та тут же осыпалась, отчего он невольно затаил дыхание.

— Это смола, — послышался за спиной голос, и Артур прикрыл глаза. Нет, однажды он точно убьёт эту Мэй. Хотя бы за вопиющую бестактность и неуместность. — Интересное вещество. Богато углеродом и ещё некоторыми веществами, которые раньше использовали. Удивительно, как мы быстро...

Она прервалась, не дочитав свою, безусловно, зануднейшую лекцию, и Хант услышал нервный вздох.

— Что... что у вас с рукой?

Рукой? Ах! Ну да. Артур перевёл взгляд на искалеченную излучением кисть, с которой как раз слезал уже третий слой кожи. Новая была ярко-розовая и постоянно сочилась какой-то жидкостью, которая засыхала и прилипала к перчатке. Из-за этого её приходилось каждый раз отрывать, и процесс заживления начинался по новой. Да, надо было признать, конечность выглядела не очень приятно. Хант давно хотел дойти до медицинского блока, но, как и в случае с испорченным респиратором, необоснованно медлил. Тем временем раздался тихий лязг, а потом грохот, из-за чего Артур инстинктивно развернулся и схватился здоровой рукой за спрятанный вдоль спины чёрный клинок. Однако из опасностей была только Мэй, которая, опустившись на кор-

точки, что-то сосредоточенно искала в одном из выдвижных ящиков лабораторного стола. И тихо, будто стеклянные колокольчики, звенели бесчисленные склянки, которыми тот был уставлен.

Медленно опустив руку, Хант выдохнул, но пропущенный через фильтр воздух искажился до злого шипения, и Мэй вздрогнула. Она подняла испуганный взгляд и поспешно пробормотала:

– Я сейчас, подождите.

Хант хотел было устало поинтересоваться, какого именно кошмара ему ждать на этот раз, но тут девчонка удовлетворённо цокнула и поднялась.

– Дайте, пожалуйста, руку, – попросила она.

Хант не пошевелился. Вместо этого он смотрел на Мэй, как на умалишённую, размышляя, будет ли уместно снести ей голову прямо здесь или всё-таки лучше за пределами теплицы. И, видимо, почувствовав его сомнения или догадавшись своим недюжинным интеллектом, Флоранс Мэй на мгновение закатила глаза, а потом серьёзно произнесла:

– Клянусь. Я не причиню вам вреда. – Она кивнула в сторону пострадавшей руки. – Её надо обработать, иначе вы рискуете подхватить заражение. – И когда Хант никак не отреагировал, Мэй, видимо, привела последний аргумент, который, по её мнению, должен был стать решающим. – Я знаю, о чём говорю.

– У вас нет половины правого лёгкого. Я в курсе, – равно-

душно ответил Артур и чуть склонил голову набок, разглядывая растерявшуюся Мэй. – Хотел, кстати, спросить – как оно?

– Приемлемо, – скупно отозвалась она и грубо добавила: – Особенно, если тебя не душат или не приходится подыхать в нашем медблоке.

Это замечание вызвало у Ханта кривую улыбку. Похоже, у них нашлось что-то общее – нелюбовь к весьма убогим медикам Города. Генетически идеальные люди болели здесь редко, а потому эта профессия считалась весьма непрестижной и туда отправляли самых дефектных. Так что, хмыкнув, Хант неожиданно сам для себя протянул руку и сунул под нос приготовившейся к новым спорам девчонке, которая, очевидно, не ожидала такого. Впрочем, её растерянность длилась не дольше пары секунд, и с удивившим его самого удовлетворением Хант наблюдал, как быстро та собралась.

– У вас неплохая реакция, – заметил он, и Мэй отчего-то смутилась.

– А... да... наверное, – пробормотала она, и заметно выделявшиеся на коротко остриженной голове уши покраснели.

Артур перевёл взгляд на её руки. А те оказались внезапно такими до странного тонкими, что Хант удивился, как она их ещё не сломала. На его взгляд, эти пальцы, больше похожие на длинные узкие льдины, которыми зимой обрас-

тал Щит, должны были трескаться от любого усилия. Но такие же бледные, едва не прозрачные, они на удивление ловко управлялись с замысловатым паутинным бинтом, что был пропитан белёсой жидкостью и пах слишком уж приторно.

– Я бы хотела привести их сюда, – неожиданно проговорила Мэй, и Хант с силой заставил себя оторваться от созерцания её рук. Движение пальцев походило на танец, пока они разглаживали, сворачивали, ощупывали и делали ещё уйму мелких почти незаметных движений, от которых почему-то было тяжело отвести взгляд.

– Кого? – спросил он и вновь наткнулся на осуждающий синий взгляд.

– Девушек...

– Подопытных? – хохотнул Хант и увидел, как при этом дёрнулась щека Мэй. Забавно... – Зачем?

– Им будет полезно, – коротко ответила она и чуть сильнее, чем нужно дёрнула конец бинта, закрепляя. Тот на мгновение растянулся, а потом плотно обхватил кисть, приняв нужную форму. Если бы не волокна, можно было подумать, что на руке ничего нет.

Хант мысленно усмехнулся. Очевидно, Мэй злилась, оставалось только понять почему. На его непонятливость или же всё-таки соперничала? *«Мессерер... Сколько же змей ты приютила в нашем гнезде?»* Он мысленно скрипнул зубами и резким движением натянул обратно перчатку. Отступив от замершей Мэй, он сцепил за спиной руки и отчеканил:

– Нет. Инструкции говорят об обратном. Никаких внешних контактов.

– Значит, инструкции ошибаются, – упёрлась Мэй.

– Инструкции никогда не ошибаются.

Хант начинал уставать от этой беседы, но, когда уже было хотел развернуться и уйти прочь, за спиной раздался неожиданный ядовитый шёпот:

– О! Ну вы-то в этом отличный специалист. Наверное, даже испражняетесь по приказу!

Артур медленно повернулся, глядя сверху вниз на нервно сжавшую кулаки Мэй, и шагнул к ней навстречу, подавляя всем: ростом, весом, словом. Дыхание вырвалось из респиратора с такой силой, что тот захрипел.

– А вы, я посмотрю, решили попробовать себя в качестве знатока естественной репродукции? – негромко проговорил Хант, но Мэй едва не шарахнулась в сторону. Быть может, она бы и попыталась, но только что перебинтованная ею рука снова вцепилась в тонкую шею, вынуждая остаться на месте. – На что будете опираться? Книги или... быть может, собственный опыт? М-м-м?

О том, что удар достиг цели, Хант понял по взгляду. Глаза Мэй переполнила такая дикая ненависть, что он невольно растянул губы в жуткой улыбке. Это было прекрасно! Так хорошо, что за накатившим удовлетворением, Артур едва не пропустил самое важное. Он узнал его! И предчувствие, что терзало его всякий раз, стоило посмотреть в лицо Мэй,

наконец обрело форму и смысл. Взгляд! Тот самый, как в день казни Мессерер. Ошибиться попросту невозможно. И понимая, что наконец-то нашёл нужную нить, Хант отпустил шею, на которой уже проявлялся красный след от его пальцев.

Но, когда он уже отвернулся, Мэй нашла в себе силы в последний раз огрызнуться. И это было напрасно...

– Вам прекрасно известен ответ, – процедила она, но Артур лишь пожал плечами. – У вас может быть хоть целый свод правил, но книги не врут. Я читала...

– Разумеется, что вам ещё остается, – перебил он, не поворачивая головы. – На большее вы всё равно непригодны.

Мэй замолчала, ошеломлённая столь равнодушно выданным оскорблением, и Артур направился прочь. Он мысленно считал секунды и усмехнулся, когда в спину ударил злой крик.

– А вам, как погляжу, недоступно даже такое! Вы всего лишь тупой исполнитель!

Гнев Мэй разлетелся по оранжерее, зазвенел колокольчиками лабораторной посуды, а потом неожиданно оборвался, словно споткнулся, налетев на замершего в дверях Ханта. И в теплице №3 стало удивительно тихо. Настолько, что было слышно, как капала скопившаяся в поливочных конденсаторах жидкость. Хант чуть повернул голову, давая Мэй осознать всю глубину совершённой ошибки, и когда позади раздался отчаянный всхлип, спокойно заметил:

– Всё сказали? Тогда, пожалуй, на сегодня дерзостей уже через край. Вам не кажется?

Мэй ничего не ответила. И, пожав плечами, Артур закончил:

– Жду ваш отчёт.

С этими словами он вышел прочь и спокойно прикрыл за собой стеклянную дверь. В её отражении он успел заметить, как Мэй было ринулась за ним следом, но затем остановилась и отвернулась, зажав рот ладонью.

– Раз, два, три... тебе некуда идти, – пробормотал он весьма самодовольно и направился прочь.

Хант понимал, что эта девчонка сбежит, если, конечно, не дура. Вот прямо сейчас, едва стихнут в западном «зубце» эхо его шагов. Но ещё Артур был почему-то уверен, что она так не сделает. Каждый поступок, каждое слово или действие Мэй, включая совершенно дикую эскападу с бинтами, не укладывались в привычную картину предательства. Ей зачем-то нужно было остаться именно здесь, а потому она словно пробовала, как далеко может зайти и, похоже, перестаралась. Хант усмехнулся.

«Неудачный у тебя выдался день, Флоранс Мэй... Ох, неудачный».

На верхних этажах Башни всегда было довольно пустынно. Далеко внизу остались суетливые службы Канцеляриата, залы для совещаний, Архив, сотни людей, что сновали по

переходам и коридорам... Однако сюда, на сотый этаж, не долетал гомон их голосов. А потому в этот час тишину здесь нарушал только шум вентиляции и неизбежный гул от Щита, чей верхний край маячил аккурат под ногами. Из больших желтоватых окон можно было, как на ладони, рассмотреть его состоявшую из гексагонов тяжёлую сетку, что едва заметно переливалась в закатных лучах тусклого фиолетового солнца. Это было довольно красиво, и Хант, замерев напротив одного из оконных проёмов залюбовался его голубоватым флуоресцентным свечением.

Город был всем, что представлял собой Артур. Его плотью, кровью, мыслями, телом. Тем, что он поклялся защищать ценой своей жизни, и что ни разу за десять лет, находясь во главе службы Карателей, не подвёл. Город это ценил. Сложно сказать имелись ли у искусственного разума, хоть какие-то чувства, но всё здесь было готово рассказать Ханту свои тайны, стоило лишь попросить. Центральные площади, кварталы рабочих, даже заводские трущобы на самой окраине немедленно раскрывали секреты. Артур дышал этим Городом, а тот отвечал своей преданностью.

По крайней мере так было до той странной Бури неделю назад. С тех пор Ханта не оставляло неприятное чувство, будто от него что-то скрывают, но Город упрямо молчал. Он вообще словно бы вымер под потоками странного ветра, а на утро едва дышал, захлёбываясь ранеными лёгкими вентиляции. Так много смертей! С чего бы? Артур не понимал.

Из всех жителей он, наверное, лучше других знал пыльные Бури, что проходили ежемесячно через Город. Он наблюдал за ними со стороны, был в их эпицентре, встречал под Щитом и перед ним. Знал их на вкус, видел их цвет, чувствовал приближение шторма задолго до первого воя сирены. Задолго до того, как столбы поднятой пыли заслонят горизонт, подобно грязной стене! Но в тот день, когда была казнена Мессерер, не было ничего. Буря будто возникла прямо у самого Города. Но откуда? И почему?

Устало стянув шлем, Хант провёл рукой по взлохмаченным волосам и машинально нащупал скрытый под ними и сгладившийся от времени старый шрам, что остался от давно позабытого пореза. Рубец привычно засадило, однако, скользнув по нему забинтованной ладонью, Артур на мгновение замер, а потом резко отбросил мешавшуюся маску на небольшой столик. Раздался грохот, скрежет, от которого он невольно поморщился, а потом с тихим шипением открылась дверь, что вела в ещё одну комнату. На пороге возникла эфемерная фигура белокурой Лины, и Хант улыбнулся. Вышло до отвращения формально, но здесь никто не проверял на искренность чувств.

– Ты сегодня поздно, – тем временем негромко проговорила она и, тихо ступая босыми ногами, подошла к Артуру. Лина потянулась к нему, явно намереваясь помочь снять тяжёлый плащ, и полупрозрачные зелёные рукава её робы мягко скользнули по белоснежным рукам.

Она вся была сделана будто из снега. Светлая настолько, что терялась на фоне молочного цвета стен. Белые волосы, белая кожа, даже глаза, хоть и были, как положено серыми, казались прозрачными и словно выгоревшими в обрамлении таких же светлых ресниц. Идеальный продукт селекции. Канцлер был в восторге от её вида, Ханту же оказалось глубоко всё равно. И сейчас, смотря на её отражение, что бледной тенью в полумраке заката виднелось в оконном стекле, он в этом лишний раз убедился. Лина была удобна, как мебель. Послушна, тиха, неприхотлива и отменно воспитанна. На этом пункте Хант мысленно хмыкнул и позволил снять с себя плащ. Да уж, разница между ней и той же Мэй была поистине колоссальна. Бледная утончённость и кричащая грубость. Светлые кудри и тёмный ёжик волос. Хант до сих пор помнил, как блестели в ярком искусственном свете тёмные пряди, что после отправились на сжигание. По мнению Города внешность Мэй была жутко вульгарной.

Скривившись от воспоминаний, Хант повернулся.

– Поздно? – спросил он и бросил взгляд на часы, в которых медленно сыпался чёрный песок. – Да, пожалуй. Надо было решить одно дело.

В памяти всплыло перепуганное лицо Миллера, когда перед его носом замаячил тусклый клинок, и Хант недобро усмехнулся. Кажется, глава лаборатории слегка обмочился, пока они с ним вели беседы об этике и допустимости подобного поведения. Артур сам точно не понимал, что вынудило

его вернуться в Лабораторию после всех разговоров в Теплицах. Право слово, за своё поведение Мэй заслужила, чтобы с ней так обращались. С другой стороны, Хант не терпел лжи, тупости и когда трогали его вещи. И, если подумать, Мэй можно было отнести к разряду предметов. В конце концов, она была нужна Канцеляриату и Ханту лично.

– Вижу, всё прошло довольно успешно, – заметила Лина, когда на лице Артура появилась кривая усмешка. – У меня тоже есть несколько новостей.

Она аккуратно повесила плащ и повернулась, ожидая команды. Та не заставила себя ждать.

– Раздень меня, и, заодно, поговорим, – кивнул Хант и поднял руки, позволив расстегнуть тяжёлый доспех. Лина молча шагнула вперёд.

– Сегодня я спускалась на третий уровень, – тихо начала она, ловко справляясь с тугими защёлками. – Предлога особого не было, но никто и не спрашивал.

Хант хмыкнул.

– Уверен, ты бы нашла, что сказать, – пробормотал он, а потом с удовольствием размял плечи, которые наконец-то избавились от тяжести чёрных доспехов. Лина тонко улыбнулась.

– Возможно. Так вот, поскольку за мной не следили, я сумела пообщаться с некоторыми девочками из obsługi. В основном, с теми, чьи патроны любители «Симпати».

Хант хмыкнул вновь. Лина действительно была неглупа,

чему он каждый раз удивлялся. Видимо, сказывалось общение с «подругами» Варда, чей интеллект плескался в районе абсолютного нуля. Однако подсунутая однажды Канцлером молчаливая Лина стала для Артура вторыми глазами, а порой и ушами. Вот как сейчас. И было плевать, что с тем же рвением она шпионила за ним самим. Ему нечего было скрывать.

Тем временем, стянув с него рубашку, Лина вдруг замерла и серьёзно посмотрела на Артура своими выцветшими глазами. От неё пахло цветами, и это почему-то снова напомнило Ханту о Мэй. Он мысленно выругался. Чёрт побери, за что?!

– Ты зря их недооцениваешь. – Лина подошла ближе. – Хант, что-то творится. Слухи разнятся, но одна деталь всегда общая. Каждая несколько раз повторила фразу «прошлая Буря». И, похоже, это именно та, что была неделю назад. Говорят, Канцлер с ней связан. А ещё какой-то Тифон.

– Тифон? – тёмные брови Артура сошлись на переносице.

– Да. Мне не удалось узнать, кто это...

Лина замолчала, когда Хант отстранился и подошёл к окну, глядя на раскинувшийся под ногами Город. А тот словно вымер. Пустые лабиринты каменных улиц, редкие провалы квадратных площадей, и тёмные окна домов. Только Башня светилась подобно вечному символу и отбрасывала на влажные от недавнего дождя стены и дорожные плиты свои жёлтые блики. Свет в жилые кварталы дадут лишь через

час. Виски заломило, предупреждая о надвигавшейся Буре. На этот раз совершенно обычной, но Хант нахмурился ещё больше. Тифон... Бог жаркого ветра, смерти, опустошения. Кто в здравом уме назвал бы так человека? И что случилось в ту ночь?

– Артур?

Маленькие тёплые ладошки скользнули по обнажённым плечам, погладили шею, поигрались с прядями длинных русых волос и перебрались на подбородок. Артур поднял голову и оглянулся. Нежные пальцы Лины соскользнули, оцарапавшись об уже выступившую на его лице щетину, и она игриво прижала их к своим пухлым губам, будто хотела подуть.

– Пойдём, – прошептала она. – Тебе надо отвлечься.

Хант в последний раз взглянул на тёмный Город, прежде чем отвернулся и направился вглубь тонувших в полутьме комнат.

Глава 4

Есть такие типы людей, которым лучше никогда не встречаться друг с другом. Любой их разговор, совместное действие или один лишь неуместно брошенный взгляд способен либо убить их самих, либо всё живое вокруг. Мы с Алексом оказались именно этой породы. Живое и мёртвое. Глава Карательной службы и подающий надежды генетик. Чёрный доспех и белый халат. Шахматная партия, которая привела к катастрофе.

Должна сказать, я повела себя малодушно. Нет, тогда мне казалось, что это решение было верным, ведь во мне кипел энтузиазм учёного. Но, увы, я не предусмотрела главное – тот самый выпестованный эволюцией человеческий фактор, который оказался сильнее любой науки. Именно он повлёк за собой цепочку других трусливых поступков, о чём я буду сожалеть вечно.

Я не сказала Алексу. Он ни о чём не догадывался, и я не понимаю, как мне удавалось так долго скрывать от него своё положение. Возможно, не поддайся он чрезмерным амбициям, не займи кресло Каниклера, и всё вышло бы по-другому. Я была обижена и, конечно, зла, но... Но как и для любого Карателя, Город всегда был для Алекса превыше всего, ну а для меня... Для меня мой ребёнок внезапно оказался центром всего мироздания, которое рухнуло и разбилось

в тот день, когда Верховный Канцлер Алекс Росс обо всём догадался.

Дневник Руфь Мессерер

Холодные гулкие тоннели, по которым мчались несколько квадроглиссов, становились всё уже и теснее. Они петляли и пересекались между собой, как хорошо продуманный лабиринт, и если не знать дороги, то здесь можно было провести целую вечность без шанса выбраться на поверхность. Когда-то это было чем-то вроде метро с сетью подземных переходов. Теперь это был тайный город. Старые каменные своды нависали так низко, что слабый свет фар без труда освещал потрескавшиеся цементные стены и потолок. И местами ещё даже оставались ржавые рельсы, которые в своё время не успели убрать и переплавить. Теперь на них то и дело подпрыгивал глисс.

Давным-давно именно здесь прятались люди. Они жили в нишах и тупиках, что уходили вниз на глубину нескольких сотен метров, и в своих исследовательских путешествиях члены Сопротивления несколько раз натыкалась на чьи-то тряпки, подобие мебели и даже кости. После катастрофы оставшиеся в живых ушли под землю – естественную защиту от того, что они натворили. Через несколько лет, конечно, не выдержав, вернулись обратно. Создали Город, построили Щит и, на первый взгляд, идеальное общество, но потом что-то случилось.

Вероятно, это копилось с первого дня, а может, просто оказалось чей-то причудой, или в том действительно была необходимость. Доподлинно уже никто не знал. Но со временем мысль стала идеей, идея – стремлением, стремление – целью, а цель – инъекцией «Милосердия». Тем прекрасным и нежным паралитическим ядом, что помогал умереть без боли, страха и сожалений. Человечество всегда боялось смерти. Это был тот эволюционный базис, который миллионы лет считался незыблемым, пока в один момент вдруг не оказалось, что твоя жизнь – чья-то смерть. Теперь в Городе рождались и умирали согласно строгому подсчёту службы Регулирования Единообразия Населения, и было нечто забавное, как во имя сохранения жизни, реальность опять загнала людей в подземелья. Всё в мире до смешного циклично. И потому Убежище возникшего несколько лет назад Сопротивления пряталось на третьем уровне далеко за границей Щита, в самом сердце старого подземного города.

– Здесь направо и выход на поверхность, – раздался в динамике голос Стивена Джонса.

Как главный нарушитель порядка, за которым вот уже несколько лет охотились все службы Канцеляриата, он лучше всех ориентировался в подземных Городских переходах. Без него они бы уже давно запутались в лабиринте, но Стив всегда находил выход. Возможно, это было чутьё, но, скорее всего, секретные знания, которыми обладал каждый работник службы Щита. А Стив отработал там без малого десять

лет. Для всех в Городе он был предателем, но для Сопротивления – единственной возможностью выжить.

Вот и сейчас их группа остановилась около крутого подъёма, в конце которого чернела беззвёздная ночь. Наверное, раньше здесь была лестница, но за почти сотню лет ступени давно раскрошились и их засыпало песчаными бурями. Некогда красивая облицовка потрескалась, местами осыпалась, а в остальном представляла налёт из грязи и копоты.

– Придётся тащить вручную. Глисс здесь не проедет, – слышался чей-то голос, который Флор не смогла разобрать из-за шума помех. Похоже, это всё же был Льюис.

Она посмотрела наверх и тяжело вздохнула. Подъём был крутой, зыбкий из-за слоя песка, но другого выхода не было. Так что, соскочив со своего глиссера, Флор вцепилась в ручки и молча двинулась наверх. Стиснув зубы, она толкала перед собой машину, хотя ноги тут же провалились по самую щиколотку, и уже через пару шагов тащить тяжеленный глиссер стало невыносимо. Пот катил по лицу и спине, несмотря на царивший вокруг ночной холод. Однако с трудом выдохнув, Флор перехватила поудобнее ручки и упрямо двинулась дальше. В динамике слышалась чья-то тихая ругань, и это отчего-то придавало сил. Сама она не могла позволить себе такой роскоши и тратить дорогое дыхание на сердечную брань. Наконец, два передних колеса упёрлись во что-то твёрдое, и Флор с неимоверным усилием вытолкнула глисс на последние пару ступеней. Подъём закончился, и пе-

ред ней открылась покрытая жухлой травой унылая пустошь.

Флор тяжело выдохнула и нервно дёрнула ворот костюма, что нещадно сдавливал шею. Хотелось сорвать с себя маску и тесный защитный комбинезон, который так облепил тело, словно хотел выжать из неё все доступные соки, но было нельзя. Так что она лишь согнулась, уперев руки в колени, и попробовала отдышаться. Искалеченные лёгкие тяжело ныли в груди, и сердце непонимающе бухало, требуя воздуха. Флор задыхалась. Её сиплое с присвистом дыхание не могли заглушить даже три слоя фильтров и герметичная маска, а глаза слезились от прокатывавшихся по груди раскалённых волн боли. Было жарко, душно (потому что приходилось отчаянно экономить запас кислорода в баллонах) и, конечно, темно. Шумно дыша сквозь плотно стиснутые зубы, она подняла голову и огляделась.

Здесь, за пределами Щита, была ночь. Не обычное серое блёклое нечто, которое опускалось на Город вслед за таким же невыразительным вечером, а настоящая темнота. Флор подняла голову и впервые за долгое время посмотрела в небо, которое не портили холодно переливавшиеся гексагоны Щита. Луны не было. Быть может, её осколок ещё болтался где-нибудь над горизонтом, но в дымке окутавших Землю облаков этого было не видно. Да и звёзд, в общем-то, тоже, но хотя бы было темно. По-настоящему.

Ещё раз тяжело вздохнув, Флор оглянулась. Вдалеке зелёным потусторонним мерцанием светился уснувший Город.

Он выглядел инфернально. Призрачно. Подобно диковинному украшению из популярного у Канцеляриата уранового хрусталя, он рисовал на чёрном небе тонкий зелёный узор, который переливался в холодном воздухе ночи. И Флор им залюбовалась. Она смотрела, как тёмные пятна на нём, чередуясь с почти белыми вспышками, то и дело скользили по вуали Щита и создавали иллюзию, будто Город дышал. Медленно. Вдумчиво. И её дыхание выравнивалось вместе с ним. Она любила Город. Действительно испытывала невыносимую нежность к его улицам, виадукам для поездов, старым зданиям. Даже коричневая плесень, которая стремилась пожрать каждый камень, не могла отравить это чувство. А вот люди смогли. Те, кто засел в Башне. Но Город был в этом не виноват. Флор желала ему только лучшего и, наверное, только поэтому продолжала свои дурацкие, никому, кроме неё и вот этих вот стен, не нужные опыты. Но им нужна зелень – хоть травинка, хоть кустик, чтобы однажды закончить дурацкие Бури. Чтобы вздохнуть...

– Флоранс, – раздался совсем близко приглушённый фильтрами голос Стивена, и она резко обернулась, натываясь на встревоженный взгляд. – Как ты?

– Нормально, – тряхнула Флор головой. К сожалению, зыбкий полумрак, что создавал тёмно-синий свет фар их квадроглиссов, не смог скрыть, как недоверчиво скрестил на груди руки Стив, и Флор закатила глаза. – Всё хорошо.

Она дотронулась до его плеча затянутой в перчатку рукой

и неожиданно почувствовала ответное прикосновение. Стивен сжал её пальцы так сильно, но одновременно с тем осторожно, словно вот-вот собирался что-то сказать или сделать. Он уже было чуть подался вперёд, но вдруг словно очнулся и отступил. Флор удивлённо подняла брови, вглядываясь в видневшееся под прозрачной маской лицо. Что это было? Однако спросить не успела, потому что Стив резко кивнул и отпустил.

– Надо ехать. Время поджигает, – проговорил он, отводя взгляд. – Ты справишься?

– Да, – отрезала Флор. – Я же сказала – всё хорошо.

В ответ ей достался ещё один недоверчивый взгляд, но Стив промолчал. Он повернулся к своему квадроглиссу и завёл тяжёлый мотор. В тишине ночи, посреди пустой и мёртвой земли, где не раздавалось ни единого шороха, этот звук показался громоподобным. Синий луч фары прорезал темноту на несколько метров вперёд, и Флор зажмурилась от его яркости. На самом деле, света она давала немного, но этого вполне хватало, чтобы не налететь на что-нибудь в темноте. К тому же, выбирать было не из чего. Они находились в нескольких километрах от Города, посреди самого настоящего ничего. Земля здесь была стёрта ветрами почти до гладкой поверхности, и потому заметить небольшую, быстро двигавшуюся группу было очень легко. Впрочем, синие вспышки от фар так легко списать на искры Щита... По крайней мере, Флор надеялась именно на это, когда взбира-

лась на свою колымагу.

Это была допотопная модель. Не чета скоростному и вёрткому глиссеру Ханта и прочих Карателей. Доставшиеся им в следствие наглой и почти хамской выходки Стивена машины, которые он спёр прямо из хранилища в Башне, были неуклюжими, часто ломались и не обладали даже зачатками искусственного интеллекта. Здесь всё приходилось делать своими руками и головой. Стив этим безумно гордился, считая, что таким образом ставит себя выше избалованного новой технологией Ханта, но Флор знала – это бравада. Квадроглисссы были медленными и неповоротливыми в условиях Города, однако, как ни странно, они прекрасно годились, чтобы исследовать территории под землёй и за пределом Щита. В любом случае, это было лучше, чем тащиться пешком. Ночью. Во тьме. Стуча зубами от холода и с неясной перспективой на возвращение.

С тихим рокотом они стартовали. Стивен, разумеется, был впереди, чётко следуя указаниям гироскопического компаса, остальные держались как можно ближе друг другу, чтобы скрыть возможный свет фар. Флор чуть повернула голову и наткнулась взглядом на маску Карателя. Ясно. Похоже, Стив приставил к ней надсмотрщика в лице Льюиса. И, словно услышав её мысли, Герберт чуть повернул голову.

– Все вопросы не ко мне, – раздался в динамике голос, и Флор фыркнула.

– Но ты согласился.

– Будто у меня был хоть какой-нибудь выбор... – начал было Герберт, но тут:

– Тишина! – рывкнул Стивен, и они замолчали.

Радиомолчание. Никаких шорохов или помех, из-за которых их могли вычислить патрули. Никаких разговоров на общедоступных частотах. Только шум моторов, который становился тем тише, чем ближе был оранжевый лес. Наконец, впереди показалась полоса, что выглядела кипенно-белой даже в сумраке ночи. Ну а потом резко, словно из-под земли, перед Флор выскочила тёмная башня. Именно так. Сначала линия заграждений из белоснежных пирамидальных зубцов, а потом почти слившийся с небом зиккурат. Он возвышался мрачной бетонной громадиной, от вида которой стало не по себе. Флор притормозила и вгляделась в едва различимые тёмно-серые стены, чьи вершина и основание терялись в черноте ночи. Это было страшное, угнетающее зрелище, от которого что-то тревожно сжималось внутри.

Неожиданно Стивен поднял вверх руку, и их отряд остановился. Жестом велел заглушить моторы, он спрыгнул со своего гласса и велел следовать за ним. Флор подчинилась, но, ощутив под ногами неожиданно твёрдую землю, вдруг растерялась. Она не хотела туда идти. Отчаянно боялась приближаться к белым зубцам защиты и самому зиккурату, словно там её что-то ждало. Флор нервно сглотнула и судорожно огляделась, выхватывая взглядом немедленно ошетилившиеся при их приближении заграждения. Ржавые колья

выскочили изнутри пирамид, превратив белую полосу в изрезанное рваное полотно, и Флор подняла голову. Тёмные потёки на стенах башни, где бетонные плиты касались друг друга, почему-то походили на слёзы. Словно само здание было измученно своим существованием. И это настолько давило, что Флор сначала замедлила шаг, а потом и вовсе остановилась.

— Механизм реагирует на изменение магнитного поля, мешая подобраться к генератору на глиссах, но мы пойдём пешком, — по-своему истолковав её сомнения, попробовал успокоить Льюис, за что был тут же зашикан.

Однако его голос помог сбросить какой-то морок безысходности, который овладел Флор, и она двинулась вперёд.

Шли осторожно, след в след, чтобы не наткнуться на невидимую в ночи ловушку. Казавшиеся издалека невысокими, вблизи бетонные пирамиды оказались почти с человеческий рост и опоясывали башню в несколько рядов. Флор насчитала их шесть, но было легко сбиться, поскольку приходилось петлять меж гудевших от напряжения арматур, что торчали из белых граней. В голову снова полезли ненужные мысли, что наверняка, в тот момент, когда работал «Тифон», любого неосторожного просто нанизало бы на эти торчащие колья. Флор сглотнула и прикрыла глаза, стараясь избавиться от видений.

Она вслушивалась в окружавшее их гудение и думала, что, если б не Льюис, им было бы намного сложнее добрать-

ся сюда. Ох, да ладно! Кабы не он, «Тифон» так и остался чем-то неведомым, а теперь у них есть какой-никакой план и даже шанс на успех. Каким образом Герберт умудрился добыть информацию, не знал никто. И Флор могла только догадываться, сколько доз «симпати» ушло ради этих бесценных сведений. По крайней мере, два дня назад, когда Льюис добрался до их Убежища, выглядел он на редкость дерьмово, а Стив ещё долго не пускал к нему Джуди из опасений... Флор почувствовала, что невольно краснеет. В общем, из опасений.

Тем не менее Джонс считал, что итог стоил таких усилий, ведь другого шанса у них не будет. И когда они замерли около грубой бетонной стены, Флор поняла это со всей ясностью.

– Это главный генератор, – тихо проговорил Герберт, когда все собрались. – Основное устройство «Тифона». Кабели лежат под землёй в старых тоннелях, но их намеренно затопили.

– Ни оборвать, ни перерезать, – задумчиво отозвался Стивен и, сняв перчатку, дотронулся до шершавой стены, которая уходила ввысь. – Вибрирует, – неожиданно пробормотал он, а потом заметил уже громче и чётче: – Значит, придётся взрывать на земле.

– Невозможно, – покачал головой Льюис, и все взгляды обратились к нему. – Внутри этих стен стоит накопитель. При любом повреждении произойдёт выброс такой энергии,

что работающий на пределе Щит покажется нам пустяком.

Флор вздрогнула. И опять перед глазами закружились картины нанизанного на ржавые штыри тела. Почему-то чёрного... Она вздрогнула.

– Разве защитный костюм не справится? – неожиданно подал кто-то голос, и послышалось одобрительное ворчание, но Стиву было достаточно лишь повернуть голову, чтобы любой шум тут же затих. Он бросил на Флор быстрый взгляд. Значит, заметил...

– Нет, – покачал Джонс головой, и её сожжённое лёгкое мерзко заныло. – Разве что мы раздобудем костюмы Карателей.

– Можно использовать отложенную или ручную детонацию.

– Всё равно слишком опасно, – вмешался Герберт. – Мы не сможем заложить взрывчатку заранее. При очередной активации «Тифона» генератор попросту выведет из строя любую известную нам электронику. Стив, ты даже не представляешь, насколько мощное он создаёт искажение полей.

– Тогда придётся *очень* постараться. Будь у нас глиссы карателей, было бы проще. Но я подумаю, что можно сделать с нашими колымагами, – задумчиво пробормотал Стивен и поджал губы. – Надо всё рассчитать с точностью до минуты. Взрыв генератора должен случиться точно в момент, когда они решат запустить «Тифон». В этот момент мы уже должны быть в Городе, а лучше сразу у Башни.

– Но нас слишком мало, – заметил Льюис. – Мы не сможем быть сразу в трёх местах, да ещё и осаждают самую охраняемую точку Города.

– Выбора всё равно нет.

Стив задрал голову, пытаясь в темноте найти край возвышавшейся перед ним бетонной твердыни, но тот сливался с чернотой неба. Флор последовала его примеру и тоже посмотрела наверх. Возникло неприятное ощущение, будто это нагромождение из бетонных кубов вот-вот рухнет. Оно нависало так угрожающе и тяжело, что вдруг показалось – ещё немного, и упадёт прямиком на их группу. Что за дурацкие галлюцинации! Однако Флор попятилась и вдруг наткнулась на спокойно стоявшего Герберта. Послышался лёгкий смешок.

– Впечатляет, да? – тихо спросил он, и Флор кивнула. Льюис шагнул вперёд и тоже коснулся стены. – Иногда я не понимаю, почему всё вышло именно так. Почему, имея все возможности, мы ограничиваемся только одной, самой радикальной идеей. Почему, спустя столько веков, столько потерь и попыток начать всё сначала, мы по-прежнему стоим с бритвой Оккама в руках и делаем неправильный выбор?

– Потому что нам всегда мало? – криво усмехнулась Флор. – Мало еды, мало воздуха, мало места, мало любви, мало власти.

– А лично нам, как понимаю, мало той жизни, что отведена законом и Канцлером.

– Верно, – вздохнула Флор.

– Так чем мы тогда лучше их? – Льюис махнул в ту сторону, где остался Город. – Нам кажется, что нас обделяют, и мы начинаем брать сами. Это то же, что делают и они.

– Мы не берём, – неожиданно вмешался в разговор Стивен. Он подошёл и остановился рядом с Флор, в упор посмотрев на Герберта. – Есть разница между нами и теми, кто засел в Башне.

– Разве? В чём, Стив? Каратели так же хотят спасти Город и жизни тех, кто доверился Канцлеру, – покачал головой Льюис. – Мы храним Щит, обеспечиваем порядок на самых важных объектах. Если что-то случается, именно мы решаем последствия. Ты думаешь, в Городе мало сумасшедших, которым вдруг хочется уйти из жизни красиво? С шумом и фейерверком на полквартала? Стивен, вы не единственные сепаратисты под сетью Щита. И защита от этих безумных – тоже моя работа.

– Как и чистки Лояльности, публичные казни и карательные отряды, что без разбора вырезают целые районы несогласных из-за мании одного выжившего из ума старика, – тихо заметил Стив, и Герберт осёкся.

– Порой это необходимость, чтобы просто-напросто выжить, – сухо заметил он. – Ты тоже далеко не святой.

– Не спорю. Но у нас, в отличие от прочих фанатиков, есть чёткая цель.

– Разрушение Башни, а значит смерть Суприма и Канц-

лера? Хочешь сказать, она делает тебя лучше? Лучше, допустим, меня или Ханта, который готов умереть за тот Город, который ты собираешься уничтожить?

Оба мужчины раздражённо взглянули друг на друга, и Флор закатила глаза. Глупый спор. Совершенно бесцельный. Тем не менее эти двое, похоже, считали иначе.

– Да. Делает. Потому что это поступок, продиктованный совестью!

– Это трусость!

– Нравственность не предусматривает героизма. Она служит лишь показателем, что ни при каких обстоятельствах ты не совершишь подлости. А чего стоит вся ваша бравада, если она совершенно бесчеловечна? Что она вам даёт, и не потому ли ты пришёл к нам? Потому что быть нравственным – вот высшая цель каждого человека.

– Не неси чушь!

– Чушь?

– Полную и абсолютную чушь, – отрезал Герберт. – Легко говорить о морали, сидя в своём подземелье. Ты не знаешь, что значит для нас этот Город. Ты не дышишь им, не живёшь. Для тебя он – символ узурпированной власти. Да, Канцлер заслуживает прилюдно ответить хотя бы за «Тифон», но Су-прим... Он управляет Городом. Он его мозг, который нужен, чтобы вся эта махина продолжала работать. И мне сложно его ненавидеть. Этот человек служит нашей безопасности точно так же... Чёрт! Если уж есть в этом мире пресловутый

корень зла, то это именно Канцлер, а не слабый старик, что отдал своё здоровье на благо Города.

– Но Канцлер – не символ. В умах большинства власть – это Суприм. А здание – его знамя, наделённое настолько удушающим символизмом, что стало тюрьмой. И если мы хотим дать людям свободу, то должны его уничтожить. Их всех.

– Но тогда Герберт прав, мы станем такими же палачами, которые ничем не лучше тех, кто сидит в Башне, – покачала головой Флор и вздрогнула, когда Стив круто повернулся.

– Палачами? Тебя это смущает? Послушай, каждый, кто затевает переворот, рано или поздно приходит на эшафот. И только от него зависит будет ли меч в его руках или занесён над головой. Можете называть это как угодно, но я не смогу спокойно жить со своей совестью, если хотя бы не попытаюсь что-нибудь сделать. Да, жертвовать придётся многим и многими, но я готов к любому исходу. Надеюсь, вы тоже.

С этими словами Стивен отвернулся и направился в сторону стены, чтобы, видимо, обойти и рассмотреть её подробнее. Рядом с ним немедленно оказались парочка инженеров-самоучек, которые затараторили о фундаменте, плотности и о чём-то ещё.

– Наше добро добрее, а справедливость справедливее, – неожиданно с горечью проговорил Льюис, и Флор кивнула. – Стив одержим идеей, но вряд ли представляет, что будет дальше.

– А мы?

– Делай, что должно, Флоранс, и решение придёт.

Они замолчали, вслушиваясь в тихий гул, что издавал спрятанный в саркофаг генератор.

– Не думаю, что Руфь хотела именно этого. Хотела смертей и разрушений, – вдруг заметил Герберт. – Суд – да. Но остальное...

– Она надеялась, Хант будет с нами, – скривилась Флор. – Не знаю, как бы нам помог этот факт...

– Из Ханта получился бы неплохой лидер, – тихо пробормотал Льюис, и Флор вздрогнула от таких крамольных мыслей. Она испуганно взглянула на Карателя, но его обезличенная маска была, как всегда, невыразительна. Тем не менее Герберт всё понял верно. – Не смотри на меня так. Он предан Городу больше, чем Стив. Им не движут обиды, личные счёты или корысть. Всё, что он умеет – защищать. И делает это, как умеет.

– Чем создаёт мне кучу проблем, – ворчливо отозвалась Флор, но мысленно согласилась с доводами Льюиса.

Она снова посмотрела на тяжёлую бетонную стену, за которой скрывался генератор «Тифона». Господи, если они смогут её подорвать, это уже будет чудо. А ещё надо как-то добраться досюда вновь и не убиться самим. Или убиться... Стив же сказал: «...жертвовать придётся многим и многими».

– Как у вас складываются отношения? – словно бы невзна-

чай спросил Герберт и демонстративно натянул посильнее перчатку.

– С кем? – глупо переспросила Флор, а потом тяжело вздохнула, когда Льюис принял позу «Спокойствия». Ох, да ладно... – Я так понимаю, тебе уже о чём-то донесли.

Последовал смешок.

– *Ему* следует меньше доверять Варду. Все уже в курсе, что в Башне завелась одна дерзкая лаборантка, которой благоволит сам Артур Хант. Это опасно. Юджин, быть может, и неплохой друг, но держать язык за зубами не может.

– Вряд ли этим двоим известно значение этого слова. К тому же, я не нянька большому мальчику, при виде которого у меня трясутся поджилки. Пусть сам разбирается, – огрызнулась Флор, но замолчала, когда к ней повернулась страшная маска. Поджав губы, она помедлила пару мгновений, прежде чем всё же честно призналась: – Мне кажется, он подозревает меня или уже догадался о чём-то. Но я не могу промолчать. Совсем. Знаешь, в нём столько эмоций! Даже удивительно. Целый комок.

Льюис ничего не сказал, и Флор смутилась. Ей вдруг показалось, что она несёт откровенную чушь и совсем помешалась на том, чего нет. Придумала себе какие-то эмоции у гуманоида Ханта, а потом уверовала в свою же идею. А всё из-за Руфь с её идефикс! Да пошло оно... Флор досадливо поморщилась и хотела уже было отойти, закончив этот фантазмагорический разговор, но тут Льюис качнулся на мысках

и вдруг тихо сказал:

– Проверь его.

– Кого? – растерялась Флор. Похоже, со всеми волнениями прошлых дней она неожиданно отупела.

– Ханта.

– На что?!

Герберт вновь повернул к ней свою маску и чуть наклонился, словно вглядывался в едва заметные за защитным стеклом глаза Флор. Он склонил голову набок, отчего она инстинктивно вздрогнула и отшатнулась. В ушах вновь зазвучало хриплое дыхание респиратора Ханта, но Флор заставила себя через силу рассмеяться.

– Ты бредишь, – прошипела она, когда нервное хихиканье стихло, но Льюис так и не пошевелился. – И как ты себе это представляешь?

– Не знаю, – пожал он плечами. – Но мне не нравится, что происходит. Я уже говорил сегодня Стивену, что в Городе достаточно сумасшедших, которым мешает и Башня, и Канцлер. Но в первую очередь им мешает Хант. Мы их, конечно, вылавливаем. Нам не нужны диверсии. Но, благодаря Варду, его чрезмерная зацикленность на твоей персоне известна даже тем, кто совершенно не интересуется делами Канцеляриата. Против тебя легко устроить какую-нибудь провокацию, а значит, и против Ханта.

– Герберт! – снова едва не рассмеялась Флор. – Да кому я нужна?!

Льюис не ответил. Он выпрямился и уставился на бетонную стену, словно не было только что весьма странного разговора. Флор удивлённо посмотрела в его сторону. Что за странные предупреждения? С чего бы? И почему нельзя выражаться как-то конкретнее? На что ей надо проверить Ханта? Уж не на запрещённый ли ген? Какой абсурд! Если и был в этом мире идеальный набор хромосом, то это у Ханта. Зачем лишний раз себя огорчать? Флор и так знала, что найдёт там сплошное генетическое совершенство. Так что она нахмурилась и снова взглянула в сторону Герберта, чей чёрный плащ Карателя казался темнее безлунной ночи, а поза выражала абсолютное равнодушие. И глядя на скрещенные за спиной руки, Флор вдруг поняла, что Льюис просто не давал себе шанса поддаться хоть каким-то эмоциям, из-за риска выдать себя. Новой оплошности Артур Хант ему не простит.

– Пойдём, – неожиданно проговорил он. – Я научу тебя обращаться с интеллектом моего глассера. Кто знает, что может нам пригодиться.

И от его мрачного тона Флор зябко поёжилась.

При дневном свете эта часть Города выглядела ещё более необжито, чем думалось Ханту. Обычно тесно ютившиеся друг на друге бетонные хибарки покрывали каждый клочок земли и, громоздясь, словно улей, вырастали будто из

воздуха. Но здесь, и Хант медленно обвёл взглядом окраину, было просторно. Почти пусто. Ни заводов, ни очистных, ни даже концентраторов воды, что строились на самом краю близ Щита. Из-за бесконечного гула жить здесь было едва ли возможно, однако дефицит места вынуждал некоторых перебираться даже в эти неблагополучные районы. Вот и здесь кто-то много лет назад выстроил целый ряд однотипных домов, которые сейчас отбрасывали тусклую тень на серые камни брусчатки. Обычно такие халупы служили типичным жильём городского отребья, что ютились вдесятером на одном убогом диване, но, похоже, здесь уже давно никого не было.

Чуть дальше по пустой улице располагалась пара старых полуразрушенных складов времён правления второго Суприма, а ещё дальше, едва не налезая на металлическую сетку Щита, пристроилась безликая бетонная коробка. На одной из её стен была наскоро приколочена звезда из трёх проходивших через середину друг друга крестов. Хант чуть склонил голову набок, внимательно глядя на этот символ, и нехорошо усмехнулся.

– Кому здесь могла понадобиться церковь? – озадаченно пробормотал за спиной Вард, но Артур не соизволил ответить. Вместо этого он демонстративно натянул посильнее перчатки. Право слово, ответ был и так всем очевиден.

Городская церковь обладала довольно сомнительной репутацией при весьма высоком статусе её служителей. О ней

ходили разные слухи, на которые Хант предпочитал не обращать внимания, пока действия священнослужителей находились в рамках закона. Как добропорядочный гражданин он старался не пропускать ни одной литургии или же проповеди, старательно исповедовался и причащался. Религия в Городе была обязательна и олицетворяла в себе духовную часть доктрины Канцеляриата. Бог здесь служил оболочкой морали и внушал людям чувство общности, которое так хорошо подменило собой ненужную совесть и страх сомнений. На всё воля Божья, а Бог велел соблюдать закон о Лояльности. Именно поэтому, как главные стражи закона и, соответственно, веры, Каратели часто носили такие же одежды, как и церковники, только без символа. И сегодня Хант намеренно не стал надевать свой обычный доспех, ограничившись лишь форменным одеянием. В конце концов, какие бы ни были цели, сегодня он входил в храм. Так что, натянув поверх неизбежного шлема капюшон чёрного, без опознавательных знаков, пальто, Хант расправил стянутые плотной тканью широкие плечи, ещё раз огляделся по сторонам и тяжёлым шагом направился к проржавевшей двери.

Здание церкви выглядело таким же неухоженным, как и всё его окружение. По стенам разросся местный вредитель – коричневый грибок, что начал уже разрушать плотный бетон, а каменные плиты около входа оказались разбиты и сложены как попало, отчего надпись *«Город превыше всего»* перепуталась и в ней местами недоставало кусков. Толь-

ко звезда из крестов оставалась единственным опознавательным знаком и казалась удивительно новой, будто её только недавно повесили. Хант помедлил около входа, вслушиваясь, как стихают за спиной шаги десятка Карателей, а потом резким ударом ноги вышиб дверь вместе с добротным куском бетонной стены. Послышался грохот, взвилась пыль, но тут же опала, когда с улицы налетел влажный от недавних дождей порыв ветра. Дождавшись, пока уляжется шум, Артур ступил в полутёмное помещение.

Скрежет, с которым респиратор вобрал и исторгнул из себя воздух, прокатился по пустынному залу и затих около того места, где полагалось быть алтарю. Вдох-выдох. Хант медленно повернулся и чуть склонил голову набок, с улыбкой вглядываясь в замерших около голой стены людей. Вдох-выдох. Света с улицы, разумеется, не хватало, чтобы разогнать темноту, но визоры маски прекрасно справлялись, то и дело выхватывая напряжённые позы. Вдох-выдох. Взгляд прошёлся по замершим в напряжении людям, скользнул по их лицам, отчего некоторые не смогли сдержать дрожь, а кто-то попробовал отвернуться, а потом Хант устался на показавшегося из-за колонны священника. Тот был достаточно молод для своего сана, впрочем, все они здесь умирали, едва дожив до первых сединок. Вдох-выдох. Церковник замер в полосе тусклых солнечных лучей, отчего символ на груди вспыхнул золотом, и на лице служителя Божьего Хант не увидел ни страха, ни удивления. Значит, их здесь уже ждали.

Видимо, об этом подумал и Вард, потому что вдруг шепнул со смешком:

– Зря ты не надел доспех.

– Они мне не ровня, – так же негромко откликнулся Артур, ну а затем выпрямился и привычно сцепил за спиной руки, отчего кончики пальцев ещё не сильно, но плотно упёрлись в крепление для клинка. Оглядев через визоры маски помещение, он шагнул вперёд.

– Прошу простить мне настойчивость, с которой я хотел попасть сюда, святой отец. Но дверь была заперта, и мне показалось, что вы что-то... скрываете? Скажите, отче, что я ошибаюсь, а всё это... – Он медленно повернул голову вправо, уставившись на осторожно сбивавшихся в кучу людей. – А всё это только недоразумение. И мы уйдём с миром.

Голос, пропущенный через серию фильтров, был таким же бесцветным, как и выдыхаемый воздух. Пустой. Формальный. Без единого намёка даже на тень от эмоции, которая могла стать для застывшего священника поводом к диалогу, спору или, не дай боже, сопротивлению. Ничего. В словах Артура Ханта был вакуум, в котором так легко задохнуться.

Однако спрятавшиеся в этом подобии церкви явно не хотели умирать молча. Хант чувствовал скопившиеся вокруг них эмоции: тяжёлые, мрачные. Они пахли тленом, сырой землёй и горечью, какой обычно отдаёт воздух после особо убийственных бурь, когда из-за усиленной работы Щита

скапливалось слишком много озона. Это был привкус отчаяния и обречённости. И, видимо, Вард почувствовал нечто подобное, потому что подошёл ближе и замер у Артура за спиной, так же сцепив за спиной руки. Действительно, застигнутое врасплох и загнанное в угол животное всегда дерётся сильнее, а в том, что драки не избежать никто уже не сомневался.

– Святой отец? – напомнил о себе Артур, когда молчание затянулось. Право слово, если их ждали, то как-то весьма инфантильно. Он надеялся на более... бурную встречу.

– Чем... чем могу помочь? – Наконец святейшество отмер, и Хант едва сдержался чтобы его не ударить.

Божий служитель стоял в конце длинного полутёмного прохода, недалеко от алтаря, но даже со своего места Артур видел, как тряслись его руки. Хант ненавидел предателей. Особенно тех, кто боялся своего же предательства. Жалкие существа. Однако вместо того, чтобы немедленно разmozжить череп этому выродку одним метким ударом, Артур огляделся и медленно двинулся вдоль прохода.

– Вы не слишком внимательны к святым стенам, – заметил он и кивнул на голый бетон, где не было ни единого символа веры.

– Я недавно получил это здание и ещё не успел... – послышался голос, который вдруг дал петуха, и церковник затих.

– Надо же.

Хант ухмыльнулся и увидел, как его собеседник нервно

сглотнул, чем выдал себя с головой. Мальчишка. Он действительно был всего лишь мальчишкой, и чем ближе подходил Артур, тем явственнее это видел. Безбородое лицо, голубые глаза, чуть волнистые светлые волосы. Ах, чистейших генов чистейший образец. Хант почувствовал, как внутри поднимается волна ненависти. И воспоминание о предательстве Мессерер, последствия которого прямо сейчас жались к стенам, забурило в крови чистым бешенством. Он не знал, были ли это её выкормыши, или очередные глупцы, вдохновившиеся дурным примером. Какая разница, если итог один? Они ставят под угрозу безопасность Города, а значит, должны умереть.

– Вам стоило бы поторопиться. Похоже, вашей пастве не терпится получить благословение, – процедил Хант и в несколько скользящих шагов достиг аналая.

Без покрывала и писания тот казался едва ли не голым. Хант отвёл взгляд и уставился на священника, а тот зачем-то вдруг задрал голову, хотя их глаза были чётко напротив друг друга. Чистейших генов образец...

– Господин Хант, чем всё же я обязан такому высокому визиту?

– Высокому? Ваше святейшество... – Хант провёл по пыльной подставке, наблюдая, как под чёрной перчаткой образуется жирный комочек грязи. – Поверьте, и я, и мои люди стандартного роста и соответствуют нормам Канцеляриата.

– Я не это имел в виду.

– Тогда соизвольте выражаться конкретнее. Ваше сомнительное подобострастие здесь неуместно. Мы с вами на одной ступени, хоть и на разных лестницах, – коротко бросил Артур и оглянулся на священника, вновь убирая руки за спину. – У вас есть ещё одна попытка.

Артур увидел, как чуть прищурились голубые глаза, и усмехнулся. Похоже, парнишка понял, что ему несдобровать и это придало ему смелости. Поздно. Уже слишком поздно.

– Чем я могу вам помочь?

– Найдите всех сепаратистов, поприсутствуйте на каждом из заседаний суда по уже пойманным врагам Города и сходите за меня на ежегодный приём к Суприму. А ещё, если не затруднит, проинспектируйте вверенные вам отделы, ведь, по мнению Канцеляриата, вы незаменимый специалист в любой области. Ну а на досуге, если останется время, переделайте график патрулей, потому что этот, чёрт возьми, никуда не годится, – немедленно откликнулся Хант, и за спиной послышалось тихое фыркание Варда.

– Ч-что?

Кажется, святой отец был несколько ошарашен. Но Артур лишь пожал плечами и окончательно повернулся к священнику, который до белых костяшек вцепился в край аналая.

– Вы спросили, чем можете помочь, – вкрадчиво проговорил Хант и медленно склонил голову набок, разглядывая стоявшего перед ним гадёныша. – Я ответил.

– Тогда, боюсь, это не в моих силах, – пришёл торопливый

ответ.

– Не в ваших? Совсем?

– Нет... к сожалению.

– Тогда зачем предлагали помочь?

– Я... ну это... я...

– Вы – это действительно вы. А у вас были сомнения?

– Нет! В смысле...

– Да-да?

Хант знал, что издевался, но не мог устоять, видя, как тряслась от страха губа этого идиота. Продиктованная молодостью бравада ушла так же быстро, как и нахлынула, оставив после себя только весьма нерадостный факт в виде Артура Ханта, который чуть наклонился вперёд.

– Я вас внимательно слушаю, – прошипел он, и фильтр маски зашёлся тревожным свистом.

– Чего вы хотите? – так же тихо ответил священник и посмотрел прямоком в визоры маски. – Зачем вы пришли и ведёте со мной разговоры?

– Может, у меня острый дефицит общения.

– Сомневаюсь, – неожиданно зло выплюнул юноша. – Единственное, чего вам не хватает – это души.

– А у вас, я смотрю, её предостаточно, святой отец. Целых тридцать две штуки. – Артур кивнул в сторону замерших позади людей. – Вполне хватит, чтобы устроить диверсии по всему Городу. И не врите, что с такими рожами вы собрались здесь разучивать новый псалом.

– Мы не вредители, Артур Хант.

– Я не давал права называть себя по имени.

– Перед Богом мы все равны.

– Ну, тогда мне стоит порадоваться, что хотя бы закон имеет какое-то уважение к личности.

– Ваш закон – это тотальное угнетение. Ни одно живое существо не заслужило жить в непрестанном ожидании смерти!

– Мой закон, – прорычал Хант, – основа для выживания.

– Без свободы нет жизни!

– Свободы? Что стоит ваша свобода за границей Щита? Что стоит она посреди выжженной радиоактивным дождём пустыни или перед грядущей Бурей? Что она стоит, когда заканчивается еда? И стоит ли на самом деле того, что вы готовы за неё заплатить?

– Она стоит наших жизней, – совершенно фанатично прошептал священник, и Хант отстранился.

Он смотрел на стоявшего перед ним юношу, в чьих глазах горел огонь такой веры в собственную идею, что это граничило с безумием. Сумасшедший. Перед Артуром стоял настоящий фанатик, который, если бы у него была такая возможность, действительно мог бы доставить много хлопот. Увы, Хант нашёл его раньше, чем феникс очередного мятежа успел опериться.

– Да будет так, – проговорил Артур негромко.

Священник выпрямился, пока не осознавая, что значат

эти слова, а в следующий миг его голубые глаза распахнулись. Они смотрели на Ханта с таким удивлением, будто не понимали, что происходит, но проткнувший насквозь чёрный клинок был до боли реален.

– Вы же сами сказали, святой отец, – негромко процедил Артур, – свобода стоит вашей жизни. Ну так поздравляю. Похоже, вы теперь свободны. Наслаждайтесь!

С этими словами он резко оттолкнул от себя тело, ловко проворачивая в ране острое лезвие, и отступил. Священник же что-то булькнул, пустил горлом кровь, которая немедленно перепачкала вышитый на груди золотой знак церкви, а потом медленно осел на пол. Так же незаметно, как и обнажив его, Хант спрятал свой короткий клинок в креплениях за спиной.

– В этом городе развелось слишком много дерзких людей, – пробормотал он и отвернулся. Как раз вовремя, чтобы одной только вскинутой вверх рукой остановить дёрнувшуюся было к нему толпу.

Артур медленно обвёл взглядом тёмный зал, купаясь в той ненависти, которой были наполнены уставившиеся на него взгляды, и усмехнулся. Это хорошо. Это правильные чувства. Они развязывали ему руки и позволяли вершить правосудие, как покажется правильным. Теперь у него было на это законное право, потому что как ветвь исполнительной власти, глава Карательной службы Артур Хант был обязан подчиниться главному принципу выживания – предатель дол-

жен быть мёртв. Немедленно. Ибо Город превыше всего. Город, Канцлер и великий Суприм!

И в этом не было ничего личного. Бога ради! Он даже не знал этих людей. Но жизни нескольких тысяч других зависели оттого, как хорошо он сделает свою работу прямо сейчас, ведь любой мятежник – это убийца. Поэтому он молча развёл руки в стороны, словно бы в наигранном удивлении, а потом громко проговорил:

– Все вы обвиняетесь в мятеже и нарушении закона о Лояльности. Сомневаюсь, что среди вас найдётся хоть один, кто скажет, что не осознавал свои действия или был введён в заблуждение. Поэтому, согласно статуту Канцеляриата о безопасности Города, вы признаны виновными в измене и приговорены к смертной казни. В моей власти немедленно привести этот приговор в исполнение, однако я дам вам шанс. Шанс сохранить свою гордость и честь. – Хант обвёл взглядом повернувшиеся к нему лица, а затем медленно сцепил за спиной руки. И каждый вокруг знал, что это значит. – Из этого здания у вас есть два пути. Первый – куском мяса, чтобы стать топливом. Второй – на работы в подземные шахты. Да, жизнь ваша будет короткой и не самой приятной, зато не бессмысленной.

– Да лучше сдохнуть, чем выплюнуть свои лёгкие во имя вашего режима! – раздался чей-то злобный рык из толпы, и Хант усмехнулся.

С помощью визоров он без труда нашёл источник глупого

звука и чуть склонил голову набок, отчего респиратор в маске издал особо скрежещущий звук. Хант разглядывал бунтаря не дольше пары мгновений, после чего лишь едва заметно пожал плечами.

– Выбор сделан, – негромко проговорил он, но все услышали. – Закройте двери.

Два последних Карателя синхронно ступили внутрь церкви, и за их спинами раздался громкий щелчок. Стало темно и очень тихо. Однако навалившееся вслед за неожиданным приказом молчание длилось недолго. Как и предполагал Артур, страх навсегда остаться в этом гулком каменном мешке оказался сильнее любого здравого смысла, и когда первый мятежник дёрнулся в сторону выхода, приказал:

– Убейте. Всех.

Варду не нужно было повторять дважды. Выдернув из-за спины свой клинок, он уверенным шагом ступил прямо в навалившуюся слепую толпу, и сквозь визоры Артур успел заметить, как на полу расцвели тёмные пятна. Их, конечно, немедленно затоптали, но начало было положено.

Особенности масок Карателей были такими, что людям Ханта было плевать стояла ли в Городе ночь, был ли день, шёл снег или лил мерзкий дождь. Точнейшая электроника справлялась в любой ситуации, так что и в полной темноте церкви Артур видел каждую мелочь. Он шёл сквозь обезумевшую от первобытного страха толпу, и его тяжёлый медленный шаг поднимал клубы пыли, которые немедленно

окрашивались в тёмно-красный. Хант видел, как та оседала на его сапогах.

Он убивал неторопливо. В отличие от Варда, который с тщательно контролируемым азартом радостно вспарывал грудные клетки, Артур не получал от этого наслаждения. Нет. Это была работа. Кто-то скрещивает в пробирке новые клетки, кто-то закидывает под пресс и заливает кислотой биомусор, а он наводит порядок в доме. Поэтому Хант старался не делать лишних движений. За тридцать лет его точность стала абсолютной, а контроль тела – безошибочным. Однако, когда его чёрный клинок встретил неожиданное сопротивление, Артур на секунду сбился со своего чёткого шага. Всего на мгновение, но этого оказалось достаточно, чтобы противник успел сориентироваться.

Стоявший напротив Артура сепаратист выглядел отвратительно. Грязный, взлохмаченный, с выпученными глазами, которыми он пытался хоть что-нибудь разглядеть в абсолютной темноте церкви. Он, на удивление, не казался напуганным, но определённо растерянным. И едва заметная ошибка Ханта стала ему опорой, чтобы встать в нужную позу, хотя взгляд слепо шарил в кажущейся перед ним пустоте. Наверное, он ориентировался на слух, потому что ради любопытства Артур взмахнул клинком чуть медленнее, чем обычно, и наткнулся на точно взметнувшийся в ответ нож. Разумеется, оружия у этих горе-заговорщиков не было, но этот самодельный тесак был не так уж и плох.

Артур ударил один раз, затем ещё и ещё, действуя неторопливо и создавая как можно больше постороннего шума. В нём вдруг проснулось желание поиграть, и стало интересно, как долго продержится этот смельчак. Его глаза по-прежнему пялились куда угодно, только не на Ханта, и он решил помочь.

– Сейчас будет скользящий слева, – негромко проговорил Артур и заметил, как вздрогнул его противник, впрочем, удар отразил и даже попробовал напасть сам. Безрезультатно, конечно. Хант небрежно парировал, а потом подсказал снова: – Теперь справа и подводка снизу вверх.

Эту атаку оборванец встретил уже не настолько уверенно. Он отступил, едва не налетев на какого-то бедолагу, которого только что прикончил прошедший мимо, словно таран, Герберт Льюис, и попробовал выполнить ныряющий удар, но Хант просто перехватил нож в полёте. Он сжал его в ладони с такой силой, что лезвие изогнулось. Чёрт возьми, из какого дерьма это сделано?

– Да просто убей уже, – раздался неожиданный хрип. – Хватит унижать меня поддавками. Я тебе не игрушка.

Говоривший опять пялился мимо Артура, и пришлось аккуратно коснуться остриём его заросшей щеки, чтобы тот понял, куда надо смотреть. Видел ли он при этом хоть что-то, не волновало Ханта.

– Твоё тело думает и действует быстрее тебя. Ты неплохо ориентируешься по звуку, – задумчиво проговорил он, про-

должая удерживать клинок рядом с лицом застывшего противника, который зло выпалил:

– Но не для тебя.

– Не для меня, – согласился Хант. – Где ты учился?

Вопрос казался простым, но с некоторым удивлением Артур заметил, как поджались пухлые губы, а потом в поисках подходящего вранья дёрнулся в сторону взгляда.

– Не стоит лгать, – тихо предупредил он и чуть сильнее надавил на щёку, отчего по серой коже поползла капля крови. В этой темноте она казалась почти настолько же чёрной, как и клинок. – Это простой вопрос. Отвечай.

– Я нигде не учился, – раздался ответ, и Хант почувствовал, что мужчина не врал. Впрочем, всей правды тот тоже не говорил, и поэтому Артур выдернул из несопротивляющейся руки уже бесполезный нож, который с тихим звоном бросил на пол, и придвинулся чуть ближе к жертве.

– Не учился? Да, пожалуй, – выдохнул он, и респиратор превратил его голос в хрипкое скрежетание. – Но так ли уж нигде это твоё «нигде»? М-м-м?

Острие лезвия переместилось под подбородок, вынудив задрать голову. Хант видел, как дёрнулся кадык, когда борец за очередную свободу нервно сглотнул. Крысы. Все они крысы, которые только и могут, что красть и нападать исподтишка. И прямо сейчас он чувствовал эти грязные вонючие мысли, которыми была набита немытая башка этого парня. От бывшего интереса не осталось и следа, когда Хант понял,

в чём было дело.

– И как давно ты служишь полумойкой в Академии Канцлера? Я ведь прав? Ты наблюдал за нами, поганец, – протянул Артур зло. – Старательно запоминал и воровал всё, что мог унести в своей голове. Так, как давно ты предаёшь нас?

– Судя по тому, что я тебя впечатлил, – достаточно, – слышался было хриплый смех, но в следующий миг Хант так стремительно рванул вперёд, припечатывая к стене не успевшее ничего осознать тело, что несостоявшийся бунтовщик со всей силы стукнулся головой о бетон, охнул и закашлялся.

– Что ещё ты успел узнать? М? Какие секреты унёс? – прорычал Артур, приблизив свою черепоподобную маску вплотную к заросшему щетиной лицу. Жертва попробовала было отвернуться, но пальцы Ханта больно впились в подбородок, вынудив посмотреть прямо в слабо светившиеся в темноте визоры.

– Только твои... – раздался в ответ невнятный хрип.

– Неужели? И как давно ты следишь за мной?

– Уже неважно, – слышался едва различимый шёпот. – Нас много. Мы наблюдаем. От нас нельзя спрятаться, Хант. Ты думаешь, что Город – это ты. Но нет. МЫ – этот Город. Мы нашли тебя. Мы нашли её. И всё, что вы делаете.

– А не много ли ты на себя берёшь, крысёныш?

– В самый раз, чтобы прямо сейчас тешить себя мыслью, как вместе со мной сдохнет и та тварь. А потом ты. И все, кто тебя...

– О ком ты? – перебил поток фанатичной радости Хант. Он пока не понимал, что именно насторожило его в словах сепаратиста, но всплеск чужой радости почти обжёг больную руку, которая плотно прижимала лезвие клинка к шее. – Кто должен умереть?

Первая мысль была почему-то о Лине, но затем...

– Она! Она! – И в донёвшемся смехе Артур услышал нотки безумия. – Стерву Мессерер ты так любезно отправил в Ад сам. Ну а с этой справимся мы. Уже справились. Уже! И с ней, и со шлюхами, и с...

Окончание фразы Хант уже не расслышал, потому что стремительно повернулся, оттолкнув от себя предателя, и быстрым шагом направился к выходу. Почти сразу путь преградил Вард, который, видимо, уже наигрался и теперь молча резал глотки тем, кто ещё трепыхался. Бросив ему короткое «добей», Артур направился дальше, не утрудив себя объяснениями. Впрочем, Юджину они и не требовались. Хант слышал, как полетевший было в спину смех резко оборвался булькнувшим хрипом, а затем затих навсегда. Послышались короткие команды, но Артур уже не слушал. Толкнув тяжёлые двери, он вышел на залитую серым полуденным светом грязную площадь и одним плавным движением вскочил на свой глосс. Взревел мотор, и машина стремительно сорвалась с места, чтобы уже через мгновение затеряться в узких улицах Города. Хант спешил и очень... очень не хотел опоздать.

Спать хотелось безумно. Флор подавила очередной зевок, который едва не вывихнул челюсть, и попыталась углубиться в высветившиеся на экране цифры. Вышло плохо. После бессонной ночи глаза слезились, голова звенела, как пустой колокол, а неизбежный гул от Щита давил на барабанные перепонки, вызывая мигрень. Даже сделанная втайне инъекция стимулятора, который она стащила из холодильника лаборатории под осуждающим взглядом Бет, не помогла, скорее наоборот. Получившая пинок нервная система окончательно растерялась и почему-то привела в тонус мышцы, а не головной мозг. Пальцы мелко подрагивали, ступни зудели, зато в черепной коробке было по-прежнему состояние высокого вакуума.

Вчерашняя вылазка отняла много сил, и двух часов сна, разумеется, не хватило. Грудная клетка из-за едва не надорвавшихся лёгких болела, мышцы ныли, и, сидя перед экраном, Флор вдруг подумала, что лучше было бы вообще не ложиться, чем проснуться настолько разбитой. Думать не получалось, мысли соскакивали с рабочих проблем на какие-то совсем неуместные, вроде, пожеланий самой себе не забыть вечером зайти в отдел Пищевого Снабжения, или что утром вдруг забарахлил водяной концентратор. Так что сидеть ей дома без нормальной воды.

Из груди вырвался едва слышный вздох. Нет, решено. Хотя бы за порционом она должна сегодня успеть, несмотря ни на что. Не убьёт же её Хант лишь из-за того, что ей нужно хоть иногда есть. Может, он и способен питаться страданиями своих жертв, но Флор ничего подобного не умела, а обнаруженная утром треть упаковки растмяса оказалась мало съедобна. От одного только вида коричневого сморщенного куска, которым наверняка можно было дробить камни, у Флор болезненно стянуло желудок. Бог знает, из какой дряни его делали, но прожевать, а потом ещё и переварить это подобие пищи было почти невозможно. Ну а больше дома ничего не нашлось. Поэтому пришлось давиться размоченным на скорую руку куском, и теперь Флор мучилась от изжоги, что, конечно же, не улучшало её сонного настроения.

Она вновь пролиستала данные подопытной под номером «31» и с грустью подумала, что лишь у той были шансы продолжить эксперимент. Остальные, скорее всего, пойдут на отходы вместе с продуктом... эксперимента. Эта мысль вместе с лёгким ощущением тошноты после растмяса окончательно её доконала.

– Ладно, – пробормотала Флор, обращаясь одновременно к сидевшей рядом с ней Бет и ни к кому конкретно. – Пойду проверю, как там дела.

Где именно «там», она уточнять не стала, впрочем, никто и не спрашивал.

В последние дни глава их Лаборатории был особо не в ду-

хе, поэтому даже Бет предпочитала помалкивать. Флор понятия не имела, что произошло после её бегства в Теплицы, но ровно с тех пор Миллера будто бы подменили. Нет, Кеннет не стал вдруг умнее или приятнее, он был всё таким же тупым засранцем, но хотя бы перестал домогаться при первой возможности. Кажется, он вообще теперь обходил Флор стороной, затаив особую злобу. Оставалось надеяться, что Кеннет окажется слишком туп для какой-нибудь изысканной мести.

В общем, не испытав каких-либо проблем, Флор благополучно сбежала со своего рабочего места. Однако стоило ей закрыть за собой дверь, как она столкнулась с растерянным молодым человеком.

На первый взгляд он выглядел совершенно обычно. Серый стандартный костюм, который носили уборщики и разнорабочие Башни; грязные, немного всклокоченные русые волосы; кривой нос с огромным фурункулом на его кончике; мутные голубые глаза и, конечно же, запах. Аромат трущоб и пропитанной потом одежды. Это был определённо живорождённый. Один из тех, на ком давно застыла эволюция, и кого обычно пускали на удобрения или пищевые добавки ещё во младенчестве. Тупиковая ветвь. Увы. Но Флор всё равно вежливо улыбнулась, хотя во взгляде парня виделось что-то тревожное.

– Я могу вам чем-то помочь? – спросила она.

Вообще, заходить в эту часть здания в дневные часы обыч-

ным людям было нельзя. Даже Флор не могла самовольно покинуть «зубец». Впрочем, этот молодой человек явно чувствовал себя здесь довольно уверенно, и она успокоилась.

– Вас просят спуститься. Прямо сейчас, – ровно произнёс он, глядя в одну точку так пристально, словно боялся забыть текст. Флор удивилась.

– Кто? Куда? – растерянно спросила она.

– Вас *просят*, – только лишь повторил уборщик с таким нажимом, что это выглядело, как приказ, и Флор закатила глаза.

– О, ладно. Я поняла, – пробормотала она и одёрнула лабораторный халат. – Просто думала, что за мной теперь всегда будет являться полноценный конвой из вооружённого до зубов отряда Карателей или сам Артур Хант. Неужели все заняты тотальным запугиванием?

Ответа, естественно, не последовало. Вместо этого глашатай новостей уставился на Флор мутным стеклянным взглядом, отчего она невольно скривилась. Ладно, в конце концов, это не её ума дело. И не уборщика тоже, который после короткой благодарности пошаркал дальше по коридору. Флор же, вздохнув, направилась в сторону внутренних лифтов.

Служба Регулирования Единообразия Населения встретила тишиной. Здесь всегда было тихо, но сегодня как-то особенно. Или Флор так показалось, потому что она ждала суеты, какую обычно вызывало одно лишь присутствие

Ханта где-то на периферии, но вместо этого обнаружила пустые светлые коридоры. С того дня, как её впервые привели в это место, Флор спускалась сюда несколько раз, но так и не набралась смелости подойти к камерам, ограничившись бездушным анализом сухих данных. Она попросту не могла. При всём своём хладнокровии и удивительной чёрствости для человека с дефектными генами, именно это оказалось для неё непосильным. И Артур Хант, видимо, подозревал о чём-то подобном. В конце концов, его последние слова в тот день в Оранжерее ударили гораздо точнее, чем хотела бы Флор. Чёрт! Это было действительно больно!

С силой сжав кулаки, отчего короткие ногти больно впились в ладони, Флор постаралась успокоиться, медленно выдохнула и с невозмутимым выражением лица толкнула дверь, что вела в уже знакомый ей кабинет. Однако комната, где в прошлый раз ждал её Хант оказалась закрыта. Флор нахмурилась и попробовала зачем-то ещё, но дверь не поддавалась. Тогда она заглянула в ещё несколько комнат, где, к своему удивлению, никого не нашла. Только парочка лаборантов молча работали за своими столами и даже не подняли головы. Так странно...

Флор вернулась в коридор, а потом с тихим стоном прикрыла глаза. Да ладно! Серьёзно? Хант настолько мелочен и мстителен, что решил давить на больное место, пока... пока... Пока что? Не проковыряет дыру? Не выпустит весь гной? Пока сам, наконец, не устанет? Зачем ему это? Уж ес-

ли он хотел поиздеваться, то мог выбрать тысячу других вариантов. Флор скрипнула зубами. Или не мог. Этот и правда был самый удобный.

Поняв, что ничего другого не остаётся, Флор оттолкнулась от стены, на которую сама не поняла, когда навалилась, и направилась в сторону раздевалки. Она на ходу стянула с себя лабораторный халат, а потом едва не сломала застёжку на тёмно-сером форменном платье. Пальцы не слушались, но Флор упрямо стащила с себя всю одежду, кинула на дно шкафа бельё и с гордо поднятой головой вошла в душевую. Там было пусто, но ей казалось, будто десятки глаз неустанно преследуют каждый жест или движение. На самом деле, это было всего лишь её собственное отражение, но взгляд, который цеплялся то за бритую голову, то за торчащие острые коленки, то за алевший на коже код живорождённой, многократно отражался в хромированных створках дверей и от него было не скрыться.

Неожиданно нахлынули воспоминания, и Флор будто вновь ощутила прикосновение чужих рук. Она зарычала и с остервенением принялась тереть бедную кожу. Та едва успела восстановиться за прошедшие дни, но теперь жёсткая щётка, в ворсинках которой блестели тонкие металлические нити, заново сдирала слой за слоем. Было больно. Но лучше так, чем думать, что её ждёт, стоит лишь выйти за пределы помывочной. Поэтому она усердно скребла руки, ноги, живот, однако, когда дошла до головы, вдруг остановилась.

Флор смотрела на себя в мутном отражении, чувствуя, как постепенно стягивает кожу специальное мыло, и никак не могла оторвать взгляд. Глаза в глаза. Кроме них, казалось, ничего не осталось. Ни рта, ни носа, ни остального тела. Быть может, в этой иллюзии были виноваты сбритые волосы, которые неприятно кололи ладони, а может, и нет. Однако Флор видела только синюю радужку. Говорят, глаза не врут, и поэтому прямо сейчас в них отражалось слишком уж многое. Слишком много того, о чём она знать не хотела. Флор медленно провела рукой по почти лысому черепу, на мгновение задержалась на жёстком шраме клейма, а потом отвернулась. Собственное отражение пробуждало целый ворох неправильных мыслей, и это пугало. Но бояться нельзя. Страх – это смерть. Один раз поддашься, и будешь всю жизнь бегать от собственной тени, ведь слабость так соблазнительна.

Флор зло усмехнулась и в последний раз с особым усилием провела щёткой по животу, оставляя яркий розовый след над грубым шрамом. Ну а через несколько минут она уже спокойно шла по пустому светлому коридору.

Круглая комната, что вела в камеры к подопытным, встретила тишиной и почему-то полумраком. В основном помещении, где находились лабораторные столы и оборудование, было темно. Даже яркий неестественно белый свет, что проходил сквозь матовые стеклянные двери, не помогал разве-

ять царившую вокруг черноту. Он гас практически сразу, словно мрак здесь был чем-то вещественным и поглощал всё, что в него попадало. Свет, звуки, жизнь... Пять сиявших изнутри камер казались разрозненными островками в совершенно пустом пространстве.

Она остановилась на пороге и попробовала проморгать-ся. После белого коридора глаза никак не могли сфокусироваться и едва ощутимо слезились, пока она вглядывалась в царившую впереди темноту. А та была почти абсолютной. Нахмурившись, Флор немного растерянно потёрла ладонью лоб, не зная, что делать дальше. Судя по всему, либо Ханта здесь не было, либо это очередная дурацкая проверка какой-нибудь лояльности... Что же, такое коварство было вполне в его духе. Так что она снова всмотрелась в разлившуюся впереди черноту, стараясь увидеть в ней очертания не менее чёрного тела. Сумасшествие какое-то! Раздражённо выдохнув, она ступила в комнату.

Флор не поняла, как это случилось. Что вообще произошло, когда воздух вокруг неё будто взорвался. Невыносимый, раздиравший напополам череп вой пронёсся от одного края комнаты до другого, чтобы многократно усиливаться, отразившись от стен. С каждой секундой он становился всё громче и громче, отчего мир перед глазами ничего не понимавшей Флор дрогнул и куда-то поплыл вместе с отвратительной визгливой волной. К горлу подкатила отвратительная тошнота, руки взметнулись вверх в попытке хоть

как-то укрыть лопавшуюся от боли голову, и перед глазами всё пошло пятнами. Флор пошатнулась, но устояла, чувствуя, как враз похолодевшие пальцы обожгло что-то горячее. Кровь? Это... кровь?! Она со всей силы сжала виски, но стало лишь хуже. Теперь дикий вой давил на глаза, пока она судорожно хватала ртом воздух, хотя переливавшийся безумными частотами вой будто уплотнил воздух.

Перед глазами всё потемнело, и, плотно зажмурившись, Флор было слепо шарахнулась в сторону, но неожиданно налетела на что-то твёрдое и больно ударилась лбом. Руки соскользнули с раскалывавшейся головы, в уши будто ввинтилось сверло, а она резко открыла глаза. И этот момент в лицо ударил одуряющий свет. Одно дикое, разрывающее на части мгновение он испепелял Флор, прежде чем окончательно выжег глаза. Или так показалось, потому что чёрные пятна вдруг завертелись вокруг, становясь всё больше и больше, пока не слились в одно целое. Флор испуганно вскрикнула, чувствуя, как полные тьмы липкие кляксы будто опутали руки, истерично забилась в бессмысленной попытке сбежать, но обо что-то споткнулась и рухнула на спину. Голова больно врезалась в каменный пол, а тело скрутило от раздражающей судороги.

Страшно не было. Нет. Было намного хуже. Кажется, Флор едва не сходила с ума от дикого ужаса, когда огромная тень метнулась следом за ней. Её чернота становилась всё больше и ближе, прежде чем замерла, тяжело дыша пря-

мо рядом с распростёршейся Флор. Она колыхалась и дёргалась, а затем вдруг неожиданно рухнула на пол и медленно поползла к ослабшим ногам.

И вот тогда Флор заорала опять. Подняв едва не лопавшиеся от боли глаза, она вдруг увидела нависшее прямо над ней чьё-то лицо, что напряжённо хмурилось и шевелило губами, словно хотело что-то сказать, и забилась в истеричной, почти надрывной попытке спастись. Она судорожно перебирала руками и бессмысленно толкалась ногами, не в силах оторвать взгляда от уставившегося на неё чьего-то лица. А потому видела, как то сначала исказила досада, затем беспокойство, а ещё через секунду, оно попробовало что-то сказать. Рот открылся, закрылся, тёмные брови трагически сошлись на переносице, а взгляд метнулся куда-то вверх. И Флор хотела было зажмуриться, спрятаться в темноте или, наконец, умереть, но тело больше не слушалось. Раздираемое болью, от которой едва не лопалась голова, оно дёргалось всё сильнее, отчего потные от страха ладони то и дело скользили по гладкому полу, не давая уползти прочь, пока под левой рукой вдруг не образовалась абсолютная пустота. И это оказалось настолько внезапно, что Флор опиралась на неё мучительно долгий момент, словно воздух под дрожащей ладонью был упругим и плотным, прежде чем всё-таки сорвалась вниз. Тело вздрогнуло, в голове стало пусто, а потом реальность пропала, чтобы резко вернуться с оглушающей болью.

Флор не поняла, что случилось. Бившийся в агонии мозг просто не смог разобраться в адовой мешанине разом навалившихся ощущений, однако больше всего это напоминало удар. Казалось, её летевшее в никуда тело вдруг наткнулось на что-то большое, врезавшись в него правым боком, после приложилось спиной, а следом что-то рухнуло на живот, заставив согнуться. Это была настолько невозможная последовательность столкновений, что Флор инстинктивно попыталась раскинуть в стороны руки, стараясь хоть как-то замедлить падение, но те не послушались. Она попробовала было снова, а затем ещё и ещё, пока вдруг не поняла, что те будто со всей силы прижали к бившемуся в конвульсиях телу. Враз стало сложно дышать. Флор дёрнулась в последней инстинктивной попытке освободиться, однако в этот же миг падение вдруг сменилось стремительным взлётом. Её рывком дёрнуло вверх, отчего сведённые мышцы едва не порвались, изо рта вырвался дикий крик, и сквозь не прекращавшийся вой она вдруг услышала:

– Сейчас... подожди... Тише! Тише!

И в этот момент всё окончательно перемешалось. Флор не понимала, где верх, а где низ; не могла осознать падает или парит над землёй. Мозг окончательно запутался. Он выдавал никак не связанные между собой разрозненные сигналы, отчаянно противореча себе самому. И Флор настолько погрузилась в эту какофонию, что вновь прозвучавший будто бы прямиком в голове голос вынудил вздрогнуть всем больным

телом.

– ХВАТИТ!

И она замерла. Перестала испуганно ловить своё тело, летевшее то ли вверх, то ли вниз, и затихла, а потом вдруг поняла – этого нет. Ни падения, ни полёта, ни раздиравшего голову воя. Ничего. Только темнота, да надоедливый звон в ушах, который тонким сверлом врывается в исстрадавшийся мозг.

Она не знала, сколько длилось это ничто. Минуту? Две? Вечность? Флор плавала в нём и впервые мечтала никогда не очнуться. Но, разумеется, ей не могло так повезти, а потому сначала в прекрасный и чистый вакуум мира проник странный запах металла, после чего, разумеется, вернулась и боль. Глухая, затаившаяся она тлела где-то глубоко в голове, но не решалась захватить изломанное тело, которому неожиданно было тепло. Флор нахмурилась. Так странно... С чего бы?

В Городе всегда царил холод. Мощностей от реакторов хватало лишь на Теплицы и обогрев Человеческих Ферм, отчего в домах всегда было отвратительно сыро из-за бесконечных дождей. И Флор давно привыкла к этому постоянно-му зябкому ощущению, что продирало до самых костей, но сейчас... Она медленно выдохнула и вдруг, не понимая, что именно делает, потянулась туда, откуда веяло этим самым теплом. Тело наклонилось вперёд, на мгновение реальность снова взбрыкнула, но тут щека коснулась чего-то удивительного твёрдого, и стало жарко. По крайней мере, так показав-

лось Флор, когда что-то опутало плечи странной, но успокаивающей тяжестью. Она сделала медленный вдох, а потом рискнула открыть глаза.

Веки поднимались медленно и неохотно. Словно приклеенные, они поначалу никак не могли разлепиться, но, когда Флор показалось, что у неё получилось, вокруг оказалась привычная тьма. Казалось, она была точно такой же, но прошло мгновение, затем другое, и стало понятно, что она чуть другая. Совсем немного светлее той страшной и липкой, а ещё... А ещё, кажется, она двигалась.

И стоило Флор об этом подумать, как тёплая опора под щекой пошевелилась и поехала куда-то вверх, вынуждая двигаться вместе. Мелькнула полоска ярчайшего света, Флор инстинктивно зажмурилась, но всё же снова медленно приоткрыла глаза, когда ощутила, что движение замерло. Оно зависло в высшей точке на миг, прежде чем пошло вниз, где вновь ждала темнота. Флор затаила дыхание, но колебания всё не останавливались и были удивительно равномерны. Вверх – свет – вниз – темнота. Вверх – свет – вниз – темнота.

На третий раз Флор поняла, откуда шёл столь режущий блеск. Чуть прищурившись, сквозь рези в глазах она смогла сфокусировать взгляд и заметила ряд небольших серебристых кружков, что двигались вместе с её головой. Именно они так яростно бликовали, достигнув высшей точки странной, на первый взгляд, траектории. Флор пошевелилась, ста-

раясь сдвинуться так, чтобы неистовый свет больше не падал в глаза, а следом ощутила, как что-то больно упёрлось в висок, челюсть и, кажется, скулу. Чуть повернув голову, она заметила такой же ряд небольших круглых пластин. И тогда в голове всплыло слово «пуговицы». Несколько секунд Флор пыталась понять, что хотел сказать собственный мозг, а потом тело наконец-то очнулось.

Ощущения хлынули разом, вызвав секундную тошноту, что быстро прошла. Итак, похоже, её совершенно безвольное тело полулежало на чьих-то коленях, прижавшись щекой к ряду пуговиц, а вокруг плеч обвилились незнакомые тяжёлые руки. Они сжимали так сильно, что Флор едва могла толком вздохнуть, не то что пошевелиться. И всё же она вновь чуть сдвинула голову, которая, видимо, упиралась прямым углом в чью-то грудину. Глаза уставились в чёрное сукно форменного одеяния, и Флор инстинктивно сглотнула. А в следующую секунду, словно в насмешку, сквозь звон и гудение, которое не прекращались в её голове, услышала знакомый шум респиратора.

Артур Хант дышал механически ровно. Вдох. Медленный выдох. Вдох, и ряд пуговиц на... Ките? Пальто? Сюртуке? Флор не знала, что это было, но точно не его обычный доспех из просвинцованного углепластика. В общем, вдох и ряд пуговиц двигался вверх. И ткань под щекой казалась удивительно мягкой и будто бы натуральной. Именно она едва ощутимо растягивалась при каждом движении, вынуж-

дая пуговицы чуть наклоняться в сторону света и бликовать. Флор прикрыла глаза и попыталась сосредоточиться на других ощущениях.

Похоже, они сидели прямиком на полу. И, похоже, Ханта это ничуть не смущало. Наоборот, он вдруг пошевелился и чуть сильнее согнул левую ногу, колено которой, вероятно, служило для спины Флор точкой опоры. Почувствовав, что она пришла в себя, Хант на мгновение задержал дыхание, а потом негромко спросил:

– Флоранс, вы слышите меня?

Его голос звучал, как из подвала. Глухо, тускло, едва прорываясь сквозь непрерывный звон, но... да. Она его слышала. Так что Флор коротко кивнула, не доверяя собственным связкам. Впрочем, Ханта это устроило.

– Вы можете пошевелиться?

И снова кивок. Флор на него не смотрела, даже не открывала глаз, но знала, что прямо сейчас Артур Хант внимательно её изучает. Она сглотнула.

– Мне нужно вас осмотреть, возможно, пострадали барабанные перепонки и...

Он замолчал, когда в его руках Флор вдруг резко выпрямилась и устояла перед собой. Она часто дышала, пытаясь сложить в голове несколько разрозненных мыслей, а потом резко забилась в недрогнувшей хватке Ханта.

– Мне надо... они... надо... – сипела Флор нечто бессвязное, но, кажется, её поняли даже так.

Или Хант умел читать мысли.

Во всяком случае, одной рукой он схватил Флор за талию, не давая вскочить, пока второй пытался не дать вновь удариться головой. Главный Каратель крепко сжимал немедленно вспыхнувший болью череп и удерживал в одном положении, несмотря на всё безумие, с которым она пыталась вырваться и вернуться в круглый зал с камерами.

– Не шевелитесь, Флоранс! Хватит! С ними всё в порядке, слышите? Всё хорошо, – долетел сквозь нараставший в ушах звон электронный голос Ханта, но она не поверила. Если ей было так плохо, то... Как?! Нет, Флор не верила, а потому забилась сильнее. – Да прекрати же, девчонка... Хватит! ХВАТИТ!

Крик достиг цели, и в голове Флор взорвалась целая вселенная с галактиками боли и созвездиями трещавшего от напряжения черепа. Перед глазами всё потемнело, и мир схлопнулся в чёрную точку.

В этот раз процесс возвращения в брентную жизнь случился легко и быстро. Вот Флор ещё не существовала, а в следующий миг уже равнодушно смотрела, как вновь поднимается и опускается ряд из матовых пуговиц. Теперь их блеск уже не резал глаза, а казался тусклым, почти деликатным. Флор медленно выдохнула и поняла, что ей неожиданно лучше: звон в ушах чуть утих, а руки и ноги больше не покалывало от онемения. Однако пошевелиться она не решилась. Так и

лежала на коленях главы Карательной службы, устроившись у него на груди. Надо же... кому расскажи – не поверят.

– Очнулись? – поскрежетал над головой голос Хант, и Флор прикрыла глаза.

– Да.

– Как себя чувствуете?

– Дерьмово, – шепнула Флор, и в груди, на которую она опиралась, что-то едва ощутимо басовито перекатилось. Похоже, Хант оценил честность. По крайней мере его клубок эмоций втянул в себя иглы. – А...

– Всё хорошо, – отрезал он, поняв, о чём предполагался вопрос. Однако, когда Флор обеспокоенно завозилась, добавил: – У них звуконепроницаемые двери. Их не задело. Только немного перепугались за вас.

Повисла пауза, а потом Флор выдохнула:

– Спасибо...

– М? – удивился Хант. – За что?

Флор промолчала, не зная, как объяснить, впрочем, от неё и не требовали. Хант чуть сменил позу, а потом с едва слышным вздохом проговорил:

– Давайте попробуем встать. Мне всё-таки надо вас осмотреть.

Хотя голос, пропущенный через электронный респиратор, и звучал механически ровно, но Флор вдруг поняла, что Хант хмурится. Он явно был чем-то обеспокоен, но старался не пугать раньше времени. Видимо, решил, что она и без

того достаточно припадочная, а значит не стоит лишний раз провоцировать. Флор же, в свою очередь, подумала, что на сегодня достаточно причинила хлопот и хоть раз стоит молча сделать, о чём её просят. Причём, просят вежливо. Дикость! Но и ситуация, в которую они оба попали, в принципе, была весьма сомнительна. Так что Флор собрала всю свою волю, чьи ошмётки удобно устроились на груди самого пугающего человека, и попробовала подняться.

– Медленно, – тут же полетел ей под руку комментарий, и ладонь соскользнула с чужого плеча. «Чёрт». – Чёрт! Ладно.

Не дав опомниться, Хант вдруг как-то по-особенному подобрался, а потом резким рывком почти вскочил на ноги. Флор он так и не отпустил, так что она болталась где-то в полутора метрах над брэнной землёй и пыталась понять, что случилось. Это было невероятно. То, что проделал Хант, было против человеческой анатомии. Люди просто не умели так гнуться, держать равновесие и использовать мышцы. Однако его это, кажется, совсем не смущало, потому что, чуть дёрнув скрытой за подвижным назатыльником шеей, он вынудил испуганно вцепившиеся в него руки расслабиться и спокойно направился в сторону уже знакомой Флор круглой комнаты.

Казалось, долгое пребывание не в самой удобной позе несколько не беспокоило Ханта. Он ступал привычным тяжёлым шагом и даже не покачнулся, когда Флор неловко завозила в его руках.

– Отпустите. Я могу сама, – пробормотала она и легонько тряхнула головой в попытке избавиться от навязчивого звона.

– Нет. И постарайтесь не шевелиться, – отрезал Хант, и Флор подчинилась.

Он подошёл к одному из лабораторных столов, что стоял в центре большой круглой комнаты, и со всей силы пнул его металлическую ножку. Находившаяся на нём стеклянная посуда зазвенела, заскрежетала по твёрдой поверхности, потом полетела на каменный пол, разбившись на тысячу мелких осколков. Но этого Ханту было, кажется, мало. Он пнул второй раз и третий, отчего попадали уже инструмент и бумаги, а потом наконец усадил Флор на уже пустую столешницу. Поёрзав, она устроилась поудобнее и скосила взгляд в сторону светившихся изнутри камер, за что немедленно получила. Хант легко щёлкнул затянутыми в перчатки пальцами у её носа, привлекая внимание.

– Я сказал не шевелиться.

Флор послушно замерла и опустила взгляд.

– Смотрю, близость смерти немного поубавила вашу дерзость, – неожиданно проговорил он, глядя на неё сверху вниз. Хант сцепил за спиной руки и привычно чуть склонил голову набок, ну а Флор впервые подумала, что так, видимо, лучше работали визоры.

– Повода не было, – тихо откликнулась она, и услышала характерное хмыканье. Тем не менее типичного язвиль-

тельного выпада не последовало, вместо этого Хант немного небрежно бросил:

– У вас кровь.

Флор испуганно встрепенулась и недоумённо уставилась на руки, прежде чем принялась немного неловко ощупывать своё лицо. Наблюдавший за этими нелепыми действиями Хант раздражённо передёрнул плечами, но потом всё же не выдержал.

– Дайте. Я сам, – резко одёрнул он и прямо рукавом форменного пальто вытер что-то у Флор над губой. Заметив её ошарашенный взгляд, Хант равнодушно заметил: – Для этого и ношу чёрное.

– Вытирать людям кровь?

– Чтобы её не было видно, – огрызнулся он и добавил: – Голову ровно.

Флор послушно выпрямилась, за что заслужила ещё одно полное скепсиса хмыканье, однако на этом Хант ограничился. Он молча шагнул вперёд, осторожно взял её за подбородок и повернул к свету, что-то рассматривая в районе шеи. Его руки были в перчатках, и от их холодного прикосновения Флор передёрнуло. Она невольно повернула голову и едва не заорала, когда лицом к лицу (если такое возможно) столкнулась с маской Ханта.

Дыхание перехватило. Это был такой ужас, что Флор едва не шарахнулась в сторону, и только слабость да руки Ханта, которыми он крепко держал её подбородок, не дали свер-

зиться со стола. Она впервые смотрела прямо в глаза олицетворению смерти, и от накатившего страха внутренности будто перевернулись.

Это было чудовищно близко. Настолько, что Флор могла разглядеть красную сетку электронного зрения, из которой состояли визоры в маске. Линии свинцовых полос так точно повторяли контуры черепа, что чудилось, будто он скалится. Скулы были утрированы, а глазницы и нос словно ввалились, отчего шлем казался скоплением острых углов и провалов с сеткой респиратора вместо рта.

Всё это Флор осознала за какие-то несчастные пару мгновений, которые ей щедро выделил Хант, прежде чем то ли насмешливо, то ли сердито заметил:

– Я не кусаюсь.

С электронным преобразователем голоса стирались любые эмоции, но Флор откуда-то знала, что ему немного досадно. Да ладно?! И всё же где-то внутри заворочался стыд. Чуть-чуть. Совсем капельку, тем не менее Флор попыталась оправдаться:

– Маска. Она...

– Пугает?

– Да.

На это Хант уже ничего не ответил, только обошёл Флор с другой стороны и снова принялся осматривать её шею и, похоже, ушной проход.

– Она создана не для красоты. Это средство защиты. Я

думал, вы понимаете, — неожиданно негромко заметил он, и Флор скосила глаза, внезапно встречаясь сквозь визоры с внимательным взглядом.

— А это, чтобы кровь врагов за шиворот не заливалась? — Она показала обручи находивших друг на друга жёстких пластин, которые опускались почти до плеч и полностью закрывали длинную шею.

— Типа того, — раздался после небольшой паузы скромный ответ.

Флор не знала почему, но была уверена, что в эту минуту Хант смотрит на неё выжидающе и подмечает каждый нюанс реакции, который был написан на её открытом лице. Сама он, разумеется, такой возможности не имела. Похоже, маска служила защитой не только от радиоактивных ветров, но ещё от любопытных взглядов. Интересно, как на самом деле выглядел Артур Хант... Флор отвела взгляд и смутилась, правда, сама не поняла почему: от слишком пристального внимания главы Карательной службы, или же от того, что впервые задумалась о нём, как о человеке.

Мысленно дав себе хорошую оплеуху, Флор гордо отвернулась, но тут под носом опять появился чёрный рукав, который, словно ребёнку, вытер вновь потёкшую кровь.

— Повреждений я не нашёл, но на вашем месте зашёл бы в медицинскую часть... — начал было Хант, но прервался, когда Флор к нему повернулась.

— Что случилось? — спросила она прямо, но в ответ уви-

дела лишь характерный наклон головы и сцепленные за спиной руки.

– Это я должен вас спрашивать.

– Но... – растерялась Флор.

– Но?

В этот раз даже электронный вокодер выдал толику интонации, а значит Хант действительно был очень заинтересован в ответе. Или, возможно, Флор уже научилась читать эмоции сквозь маску. Скорее всего, именно так, потому что она почти наяву представила, как взлетает в скептическом недоумении светлая бровь. Светлая? Да, конечно. Какая ещё? Ведь Артур Хант – генетическое совершенство. Сероглазый, светловолосый... Как Герберт, только в десять раз лучше. Вздохнув, Флор уставилась на свои переплетённые пальцы. Да, и руки у него наверняка узкие и тонкие. Не то что её широкая лапища.

– Флоранс? – вывел из транса новый вопрос, и Флор очнулась. Видимо, голова ещё барахлила, потому что она никак не могла понять, о чём её спрашивают. – Где вы взяли «Иерихон»?

– Ч-что?

– «Иерихон».

Хант пнул в её сторону кучу из проводов и острых кусков оболочки, на которых кто-то хорошо потоптался.

– Я... – растерянно начала Флор, но её перебили.

– Зачем вы его запустили?

– Но я ничего...

– Вы знали, как он работает?

– Я даже не понимаю...

– Ваши действия можно расценить как саботаж.

– Дайте же мне сказать! – не выдержав, вскричала она, и от собственного недовольного голоса в голове что-то со звоном лопнуло.

Флор со стоном прижала пальцы к вискам, но стоило Ханту лишь поднять руку, видимо, чтобы опять утереть ей нос, она отстранилась и зло провела по лицу ладонью. Наверняка размазала всё, как неряха, но... хватит.

– Я понятия не имею, о чём вы говорите. Не знаю ничего про какой-то «Иерихон». И это мне хотелось бы услышать ваши объяснения.

– Какие же? – спокойно спросил Хант.

– Почему вы предъявляете мне обвинения, хотя сами позвали сюда!

Голос Флор зазвенел в тон шуму в её ушах и улетел куда-то вглубь белого коридора. Повисло молчание, и в его тишине она заметила, как на фоне одной из матовых стеклянных дверей появилась мутная тень. Эта картина оказалась внезапно настолько знакома, что Флор открыла рот, потом закрыла и резко зажмурилась, борясь с накатившим воспоминанием ужаса.

– Я просто искала вас, – пробормотала она и устало посмотрела на Ханта, который медленно выпрямился. Он за-

стыл в неестественной позе и не сводил взгляда с Флор, отчего она сначала смутилась, а потом раздражённо всплеснула руками. – Так, что вы хотели?

Ответа не последовало. Вместо этого Хант перевёл взгляд на обломки «Иерихона», а потом резко схватил Флор за руку, вынудив слезть со стола, и потащил за собой. Под ногами захрустела стеклянная крошка.

– Эй! Что происходит? – попробовала поинтересоваться она, но никто не слушал.

Вместо этого, Хант резко ударил по чему-то в нише стены, отчего белый за секунду до этого коридор резко окрасился в красный, затрещала сирена, а они понеслись дальше. Вернее, бежала лишь Флор, которая пыталась угнаться за широким шагом Карателя. Ну а тот двигался от одной камеры до другой и что-то старательно набирал на панелях около стеклянных дверей.

– Что происходит? – крикнула Флор, безуспешно стараясь переорать раздражающий скрежет сигнала тревоги.

– Сбылась ваша мечта, – рявкнул в ответ Хант и, заметив направленный на него ошарашенный взгляд, добавил: – Сводите их в Теплицы.

– Теплицы? Но почему сейчас? – Флор чувствовала, как от мерзкого звука сирены вновь начала болеть голова. Но тут Хант остановился, обернулся и вдруг грубо схватил её за плечи, глядя прямо в глаза своими жуткими визорами.

– Постарайтесь точно вспомнить, почему вы решили, что

я вас ищу.

– Потому что мне так сказали. Уборщик.

– Уборщик?!

Кажется, даже электроны в вокодере изогнулись знаком вопроса, сумев передать всю гамму эмоций Артура Ханта. Там было и удивление, и злость, и крупица веселья. Но больше всего в его голосе было презрения, которое выплеснулось через край и вынудило Флор испуганно сжаться. А потом Хант зарычал, резко оттолкнул её от себя, и со всей силы ударил по стене, оставив в бетоне парочку трещин. Какое-то время он прожигал взглядом эти следы, словно они были в чём-то перед ним виноваты, а после тихо проговорил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.